

РОМАН О КОРМОРАНЕ СТРАЙКЕ

РОБЕРТ
ГЭЛБРЕЙТ

Мировой бестселлер № 1

**ДУРНАЯ
КРОВЬ**

От автора
международных
бестселлеров
«Зов Кукушки»,
«Шелкопряд»,
«На службе зла»
и «Смертельная белизна»

Иностранная литература. Современная классика

Роберт Гэлбрейт

Дурная кровь

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Гэлбрейт Р.

Дурная кровь / Р. Гэлбрейт — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Иностранная литература. Современная классика)

ISBN 978-5-389-19068-9

Корморан Страйк навещает родных в Корнуолле. Там к частному детективу, вновь попавшему на первые полосы газет после того, как он поймал Шеклуэллского Потрошителя и раскрыл убийство министра культуры Джаспера Чизуэлла, обращается незнакомая женщина и просит найти ее мать, пропавшую при загадочных обстоятельствах в 1974 году. Страйку никогда еще не доводилось расследовать «висяки», тем более сорокалетней выдержки; шансы на успех почти нулевые. Но он заинтригован таинственным исчезновением молодого доктора Марго Бамборо и берется за дело, которое оказывается, пожалуй, самым головоломным в его практике. Со своей верной помощницей Робин Эллакотт, успевшей стать в их агентстве полноправным партнером, Страйк разыскивает неуловимых очевидцев и опрашивает ненадежных свидетелей, ищет подходы к сидящему четвертое десятилетие за решеткой маньяку-убийце, с отвращением осваивает гадание по картам Таро и астрологические премудрости – и постепенно убеждается, что даже дела настолько давние могут быть смертельно опасны... Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-19068-9

© Гэлбрейт Р., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

Часть первая	9
1	9
2	15
3	19
4	25
5	31
6	34
7	41
Часть вторая	48
8	48
9	58
10	63
11	72
12	75
13	80
14	90
Часть третья	101
15	101
16	106
17	113
18	122
19	127
20	134
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Роберт Гэлбрейт

Дурная кровь

Robert Galbraith

Troubled blood

Copyright © J.K. Rowling 2020

Русское издание подготовлено при участии издательства АЗБУКА®.

© Е. С. Петрова, перевод, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство ИНОСТРАНКА®

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.

The Seattle Times

Корморан Страйк одним своим появлением полностью захватывает воображение читателей... Талант Гэлбрейта проявляется в том, как он описывает жизнь Лондона и как создает нового героя.

Daily Mail

За спиной у Страйка – героическое прошлое. Он и сейчас то и дело проявляет героизм, хотя абсолютно к этому не стремится. Внебрачный сын стареющего рок-идола, он никогда не пользовался теми благами, какие достаются его единокровным братьям и сестрам... Он много размышляет, но это получается у него совершенно органично. У Страйка огромный потенциал. Было бы преступлением не обратить на него внимания.

Daily News

Страйк и его помощница Робин (играющая ту же роль, которую Саландер играла для Блумквиста в книгах Стига Ларссона) становятся настоящей командой, чьих дальнейших приключений читатель будет каждый раз ждать с нетерпением.

New York Times

Невероятно увлекательный сюжет, основанный на трогательных взаимоотношениях. Книга проглатывается залпом.

The Telegraph

Чрезвычайно сильная история... «Зов Кукушки» оказался визитной карточкой для целой серии романов и напомнил мне, почему я в свое время без памяти влюбилась в детективный жанр.

Вэл Макдермид (Guardian)

Откладывать эту книгу было сущей мукой – так мне хотелось знать, что будет дальше. Гэлбрейт – мастер психологического портрета, герои романа вставали передо мной как живые. «Зов Кукушки» – моя новая любовь, а Гэлбрейт – выдающийся новый талант.

Питер Джеймс (Sunday Express)

Детектив, от которого невозможно оторваться.

Financial Times

А вот и лучший переводной детектив сезона, и не только из-за сногшибательной интриги – уровень рассказчицкой культуры очень высок: трехмерные, врезающиеся в память персонажи, отличные диалоги, остроумные авторские комментарии.

Affisha Daily

Если вам нравятся атмосферно-психологические романы-загадки Кейт Аткинсон и Таны Френч, тогда Роберт Гэлбрейт – ваш выбор.

Dallas Morning News

Роберт Гэлбрейт заявил о себе как новый, свежий голос в жанре детектива: жесткая, сатирическая, пронзительная и в то же время романтическая проза.

Wall Street Journal

Сюжет покоряет читателя не только прихотливыми зигзагами, но и захватывающим описанием сотрудничества пары детективов... С этими персонажами захочется встречаться вновь и вновь.

Time

Корморан Страйк и Робин Эллакотт – пожалуй, лучший дуэт сыщика и его помощника в современной детективной литературе.

The Seattle Times

Рассчитываешь в первую очередь на лихую детективную интригу – и ты ее, конечно, получаешь, но постепенно осознаешь, что динамика отношений между Кормораном и Робин занимает тебя едва ли не больше.

Independent

Замысловато и увлекательно.

Sunday Mirror

Великолепное дополнение к Страйкову канону.

Sunday Times

Сюжет закладывает лихие виражи, а читатель следит раскрыв рот. Корморан и Робин остаются самым удивительным дуэтом среди наших детективов.

Guardian

Настоящий подарок для запойных читателей. Идеальная книга, чтобы нырнуть в нее с головой.

The Scotsman

Смело, стильно, изощренно.

Times

Посвящается Барбаре Мюррей, социальному работнику, сотруднице Просветительской ассоциации рабочих, педагогу, жене, матери, бабушке, азартной поклоннице игры в бридж и лучшей свекрови на свете

Где только не вели они расспросы.
Чтоб услышать о ней любую весть,
Поместий обошли – не перечеть.
Все втуне. А какая злая сила -
Несчастье, оговоры или месть -
Ее от друга в дали уносила,
То долгий сказ...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Будь это не так, нечто постоянно исчезало бы в ничто, а это абсурдно с математической точки зрения.

Алистер Кроули. Книга Тота. Перевод А. Блейз

Часть первая

*Пришло раздолье Лета...
Эдмунд Спенсер. Королева фей*

1

*Поборник правды, тверд в бою как сталь
Сей рыцарь по прозванию Артегаль...*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

– Да ты по всем статьям наш, корнуолльский парень, – распинался Дейв Полворт. – Только фамилия какая-то левая: Страйк. А по факту ты – Нанкарроу. Или будешь и дальше мне втирать, что, дескать, привык считать себя англичанином?

Этим теплым августовским вечером в пабе «Виктори-Инн» было такое столпотворение, что посетители, не сумевшие найти места в зале, выплескивались наружу и устраивались на широкой каменной лестнице, спускавшейся к бухте. Полворт и Страйк заняли угловой столик, и каждый уже влил в себя не одну пинту по случаю дня рождения Полворта, которому исполнялось тридцать девять. Полворт отстаивал корнуолльский патриотизм уже минут двадцать, которые для Страйка растянулись на целую вечность.

– Считаю ли я себя англичанином? – задумался он вслух. – Нет, я бы, пожалуй, назвался британцем.

– Ладно врать-то. – Полворт мало-помалу закипал. – У тебя бы язык не повернулся. Ты меня спецом выбешиваешь.

На вид в них не было ничего общего. У Полворта, невысокого и щуплого, как жокей, с обветренной, не по возрасту морщинистой физиономией, редеющие волосы едва прикрывали загорелую лысину. На эту встречу он явился в рваных джинсах и мятой футболке, которая, наверное, валялась на полу или в корзине с грязным бельем. На левом предплечье красовалась наколка – черно-белый крест святого Пирана Корнуолльского; правую руку прорезал глубокий шрам – память о близком контакте с акулой. Старые друзья называли его Аборигеном или Живцом.

Его друг Страйк напоминал вышедшего в тираж боксера, что, впрочем, соответствовало истине: крупный, почти двухметрового роста, со слегка свернутым набок носом и темной курчавой шевелюрой. Наколок он не признавал и, невзирая на всегдашнюю легкую небритость, выходил из дому наглаженным и свежим, что выдавало в нем бывшего полицейского или военного.

– Ты же отсюда родом, – гнул свое Полворт, – а стало быть, корнуоллец.

– Ну, знаешь, если так рассуждать, тогда ты – брамми.

– Что ты гонишь?! – Полворт, глубоко уязвленный, вновь сорвался на крик. – Меня из Бирмингема привезли сюда двухмесячным, у моей матери девичья фамилия Тревельян. Только на этой земле и слышен зов крови. – Полворт уже бил себя кулаком в грудь. – Мои предки по материнской линии веками жили в Корнуолле...

– Ты пойми: для меня кровь и почва никогда не были...

– А тебе известны результаты последнего опроса? – перебил Полворт. – В графе «национальная принадлежность» половина, то бишь *пятьдесят процентов*, участников отметили клеточку «корнуоллец», а не «англичанин». Колоссальный рост самосознания.

– Потрясающе, – сказал Страйк. – И дальше что? Добавим еще клеточки для думнониев и римлян?

– Давай-давай, залупайся, – фыркнул Полворт, – поглядим, далеко ли уедешь. Лондон тебе не на пользу, братан... Когда человек гордится своим происхождением – это нормально. Когда местные сообщества требуют, чтобы Вестминстер передал им часть полномочий, – это нормально. На будущий год шотландцы всем прикурить дадут. Вот увидишь. Добьются для себя независимости – и остальные за ними потянутся. Кельтские народы один за другим начнут поднимать голову. Повторим? – без всякого перехода добавил он, указывая на опустевший пивной стакан Страйка.

Направляясь в паб, Страйк рассчитывал снять напряжение и тревогу, а не дискутировать о корнуолльской политике. Но с момента их последней встречи Полворт, очевидно, полностью сроднился с патриотической партией «Сыны Корнуолла», в которую вступил еще шестнадцатилетним подростком. Обычно Дейв поднимал Страйку настроение, как никто другой, но не терпел шуточек по поводу независимости Корнуолла, тогда как у Страйка эта тема вызывала не больше эмоций, чем шторы в гостиной или наблюдение за поездами. Страйк уже подумал было сказать, что ему пора к тетушке, но от этой мысли ему сделалось едва ли не более тоскливо, чем от гневных обличений в адрес супермаркетов, не желающих помечать товары местного производства крестом святого Пирана.

– Ага, спасибо, – ответил он и протянул свой пустой стакан Дейву, который стал протискиваться к стойке, кивая направо и налево бесчисленным знакомым.

Оставшись в одиночестве, Страйк рассеянно обвел глазами паб, который он всегда считал для себя чуть ли не родным. С годами это заведение изменилось, но все еще напоминало то место, где он лет в восемнадцать-девятнадцать тусовался со своими корнуолльскими приятелями. На него нахлынуло двойственное, острое чувство родства и в то же время отчуждения: здесь он ощущал себя своим, но никогда своим не был.

Когда Страйк бесцельно скользил взглядом от деревянных половиц к офортам с морскими видами, он неожиданно для себя уставился прямо в большие настороженные глаза женщины, которая вместе с подружкой задержалась у бара. Ее вытянутое, бледное лицо обрамляли черные с проседью волосы, спадавшие на плечи. Он ее не узнавал, но в последние полчаса беспрерывно ловил на себе взгляды кое-кого из местных, вертевших головами, чтобы получше его рассмотреть. Страйк отвел глаза, достал мобильный и сделал вид, будто набирает сообщение.

Улови эта публика хоть малейший знак, от желающих пообщаться не было бы отбоя: в городке Сент-Моз каждая собака, похоже, знала, что десять дней назад у тетушки Джоан диагностировали запущенный рак яичников, после чего Страйк с единоутробной сестрой Люси и тремя ее сыновьями поспешили сюда, к Джоан и Теду, чтобы оказать им любую необходимую поддержку. Вот уже неделю Страйк, выходя за порог, отвечал на расспросы, благодарил за сочувствие и терпеливо отклонял предложения помощи. У него сводило скулы от необходимости подбирать вежливые слова и объяснять: «Да, видимо, в последней стадии; да, всем нам сейчас паршиво».

С двумя очередными пинтами Полворт протиснулся к столику.

– Продолжим, Диди, – сказал он, залезая на высокий барный табурет.

Это давнишнее прозвище Страйк получил в местной начальной школе: то ли из-за высокого роста, по созвучию с «дылдой», то ли по созвучию с корнуолльским «дидикой» – «цыган», «бродяга». Заслышав такое словечко, Страйк оттаял и вспомнил, почему дружба с Полвортом оказалась самой прочной в его жизни.

Тридцать пять лет назад Страйк поступил в начальную школу Сент-Моза, причем в середине учебного года: необычно крупный для своего возраста, он вдобавок принес с собой какой-то говорок, который резал слух местным жителям. Он действительно появился на свет в Корнуолле, но молодая мать, едва оправившись от родов, сбежала с младенцем под покровом ночи, чтобы вернуться к полюбившейся ей лондонской жизни, где она кочевала с одной гулянки на другую, из квартиры в квартиру, от сквота к сквоту. Четыре года спустя она вернулась с ним и с новорожденной дочкой в Сент-Моз, но долго там не выдержала и как-то на рассвете опять пропала, бросив сына и его единоутробную сестру Люси. Что именно говорилось в записке, оставленной на кухонном столе, он так и не узнал. Не иначе как Леда повздорила с квартирным хозяином или с очередным сожителем, а может, не смогла отказать себе в поездке на музыкальный фестиваль; так или иначе, вести привычный для нее образ жизни с двумя малыми детьми на руках оказалось ей не под силу. По каким-то причинам ее отсутствие затянулось, и невестка Леды, Джоан, которая была добропорядочна и ответственна, не в пример своей легкомысленной и сумасбродной золовке, купила Страйку школьную форму и вместе с мужем повела его в подготовительный класс.

Ровесники-приготовишки вытаращились на него во все глаза. Когда учительница объявила, что новенького зовут Корморан, по классу прокатились смешки. В школе ему не понравилось: он твердо помнил, что мама упоминала «домашнее обучение». Но при попытке втолковать дяде Теду, с которым Страйк всегда находил общий язык, что мама заругается, он услышал суровое «так надо» и «придется», хотя даже странный говорок этих чужих ребят разбирал с трудом. Страйк никогда не был плаксом, но, сев за старую, обшарпанную парту, еле сумел проглотить застрявший в горле ком, твердый, как яблоко.

По какой причине коротышка Дейв Полворт, староста класса, потянулся к новичку, осталось загадкой даже для Страйка. Вряд ли из страха перед физической силой, ведь двое лучших дружков Полворта были крепышами из рыбацких семей, да и сам Дейв, заядлый драчун, даром что не вышел ростом, всегда мог за себя постоять. Однако к концу первого дня Полворт стал новичку не только другом, но и заступником, внушив остальным, что со Страйком нужно считаться: по рождению тот корнуоллец, племян местного спасателя Теда Нанкарроу, брошен беглянкой-матерью, а если говорит не по-здешнему, так это не его вина.

В тот вечер тетушка Страйка, совсем слабая и несказанно обрадованная приездом племянника, который сумел выкроить всего неделю и наутро собирался уезжать, буквально вытолкала его из дому «отметить рождение малютки Дейва». Она необычайно ценила старые знакомства и даже сейчас, по прошествии многих лет, поощряла дружбу Страйка с Дейвом Полвортом. Более того, Джоан считала эту дружбу доказательством своей правоты (не зря, как видно, она отдала мальчика в школу вопреки желаниям вертливости-матери) и подлинных корней Страйка, хотя судьба долго носила его по свету, а нынче забросила в Лондон.

Полворт сделал длинный глоток из своей четвертой пинты и сказал, бросив колючий взгляд через плечо в сторону темноволосой женщины и ее подруги-блондинки, которые до сих пор не сводили глаз со Страйка:

– Понаехали тут... черт-те откуда.

– Да где б ты был со своим парком, – заметил Страйк, – если бы не приезжие?

– Вот только не надо, – осадил его Полворт. – У нас местный туризм на подъеме, многие не по одному разу приезжают.

Полворт недавно ушел из инженерно-технической фирмы в Бристол, где занимал кабинетную должность, и устроился старшим садовником в большой общественный парк на набережье. Классный дайвер, серфер от бога, многократный участник конкурса «Железный человек», Полворт с детства терпеть не мог сидеть без движения, и годы конторской работы его не переделали.

– Значит, не жалеешь? – спросил Страйк.

– Было бы о чем! – с жаром ответил Полворт. – Охота в земле покопаться. Свежим воздухом подышать. Мне через год сороковник стукнет. Либо сейчас, либо никогда.

Подав заявление о приеме на новую работу, Полворт ни словом не обмолвился жене. Когда его вопрос был решен положительно, он уволился из фирмы, а придя домой, поставил родных перед фактом.

– Как там Пенни, успокоилась? – поинтересовался Страйк.

– Каждую неделю разводом грозит, – равнодушно ответил Полворт. – Правильно я сделал, что не стал рассусоливать, иначе бы еще лет пять собачились. А так все срослось – лучше некуда. Ребятишкам в местной школе лафа. Пенни в другой филиал перевелась – в столицу. – Полворт имел в виду отнюдь не Лондон, а Труро. – Теперь сама довольнехонька. Только признаваться не хочет.

В глубине души Страйк усомнился в правдивости этих заявлений. Полворт с его страстью к приключениям и риску никогда не придавал значения комфортному существованию. Впрочем, Страйк не хотел вникать в эти дела, у него хватало своих проблем; он поднял стакан в надежде отвлечь Полворта от политики:

– За тебя, братан, и чтоб не последний раз.

– Будем здоровы, – откликнулся Полворт. – Как мыслишь, у «Арсенала» есть шансы? Хотя бы отборочные пройдет?

Страйк только пожал плечами: подтверди он, что его лондонский клуб имеет все шансы выйти в финал Лиги чемпионов, разговор непременно вернулся бы на рельсы корнуолльского патриотизма.

– У тебя-то как на личном фронте? – Полворт решил зайти с другого боку.

– Никак, – ответил Страйк.

Полворт ухмыльнулся:

– Джоани спит и видит, чтоб ты сошелся со своей напарницей. С этой... Робин.

– Ну-ну, – сказал Страйк.

– Сама мне доложила – я на прошлых выходных к ним заходил. «Скайбокс» им настраивал.

– Они мне не рассказывали, что это твоих рук дело, – отметил Страйк и снова поднял пивной стакан за Полворта. – Молодец, братан, давай за тебя.

Если он хотел уклониться от темы, ему это не удалось.

– В один голос твердили. И она, и Тед, – продолжил Полворт, – оба ставят на Робин.

Страйк промолчал, но Полворт решил его дожать:

– И никаких подвижек?

– Никаких, – сказал Страйк.

– Это почему же? – Полворт опять нахмурился; мало того что Страйк не поддерживал тему независимости Корнуолла, так он еще отказывался признать очевидное и желаемое. – Девушка видная. В газете фото ее было. Пусть не такая краля, как Миледи Змеюко. – Этим прозвищем он когда-то наградил бывшую невесту Страйка. – Но зато вменяемая, безо всяких там закидонов, правильно я говорю, Диди?

Страйк хохотнул.

– И Люси ее привечает, – не унимался Полворт. – Говорит, из вас идеальная пара выйдет.

– Когда, интересно, вы с Люси успели обсудить мою личную жизнь? – Страйк немного напрягся.

– Да с месяц назад, – ответил Полворт. – Она мальцов своих на выходные привозила, и мы их всех на барбекю позвали.

Страйк молча тянул пиво.

– Все говорят: вы нормально контактите, – добавил Полворт, сверля глазами друга.

– Наверное.

Вопросительно вздернув брови, Полворт застыл в ожидании.

– Но я не допущу, чтобы бизнес пошел псу под хвост, – вырвалось у Страйка. – Не могу ставить под удар агентство.

– И это правильно, – сказал Полворт. – Но помечтать-то не вредно, да?

Повисла короткая пауза. Страйк намеренно отводил взгляд от темноволосой женщины и ее подруги, которые определенно перемывали ему кости.

– Возможно, бывали моменты, – признал он, – когда мне и самому лезли в голову такие мысли. Но у нее затягивается достаточно холерный развод, а мы с ней и так половину жизни проводим вместе, и она меня вполне устраивает – как деловой партнер.

Если бы не их давняя дружба, не перепалка насчет политики и не день рождения Полворта, неужели он не высказался бы начистоту по поводу этого спектакля с допросом? Каждый женатый мужик стремится заманить других в ту же ловушку, даже если сам являет собой полную антирекламу брака и семьи. Взять хотя бы супругов Полворт: вся их жизнь, насколько можно судить, протекала в состоянии вражды. Страйк своими ушами слышал, что Пенни, говоря о муже, чаще называет его не по имени, а «этот придурок», тогда как сам Полворт в кругу друзей охотно расписывал уловки, которые давали ему возможность потакать собственным интересам и прихотям в пику, а то и в ущерб супруге. Казалось, и мужу, и жене всегда неуютно в смешанной компании: в тех редких случаях, когда Страйк бывал у них в гостях, там происходила естественная сегрегация: женщины тусовались в одной части дома, мужчины – в другой.

– А если Робин захочет детей, что тогда? – спросил Полворт.

– Это вряд ли, – сказал Страйк. – Она слишком любит свою работу.

– Все они так говорят, – небрежно бросил Полворт. – Ей годков сколько?

– На десять лет моложе нас с тобой.

– Скоро захочет родить, – с уверенностью заявил Полворт. – Все они одинаковы. Тем более что им торопиться надо. Часы-то тикают.

– Ну, со мной такой номер не пройдет. Я младенцев не люблю. И не хочу. А с возрастом все больше убеждаюсь, что жениться мне противопоказано.

– Дак да, братан, я тоже так думал, – сказал Полворт. – Но со временем допер, в чем суть. Я ведь тебе рассказывал, как это произошло? Как я в конце концов сделал предложение Пенни?

– Не припоминаю, – ответил Страйк.

– И эту байду про Толстого не рассказывал? – Полворту не верилось в такое упущение.

Страйк собрался хлебнуть еще пива, но от изумления даже опустил стакан. С раннего детства Полворт, наделенный цепким умом, презирал любые виды знания, которые не приносили немедленной практической выгоды, и не держал в руках никаких печатных изданий, кроме технических инструкций. Ошибочно истолковав удивление друга, Полворт объяснил:

– Толстой. Писатель такой был.

– Ага, – сказал Страйк. – Вот спасибо. И каким боком Толстой?...

– Я ж тебе рассказываю, ты меня слушаешь или нет? Мы с Пенни тогда разбежались во второй раз. Она мне все кишки вывернула насчет помолвки, а я эту помолвку в гробу видал. Короче, сажу как-то в баре, рассказываю дружбану моему, Крису, что, мол, задолбала уже, кольцо требует... да ты его знаешь, Криса. Здоровенный такой, шепелявый. Ты его видал на крестинах Розвин. В общем, рядом за стойкой сидит мужик в возрасте, хлыщ такой, пиджак у него вельветовый, волосы уложены, и реально меня бесит, потому как в открытую подслушивает, ну я его и спрашиваю, чего, мол, тут вынюхиваешь, а он смотрит на меня в упор и говорит: «Да, как нести груз и делать что-нибудь руками можно только тогда, когда груз увязан на спину, – а это женитьба. И это я почувствовал, женившись. У меня вдруг опростались руки. Но без женитьбы тащить за собой этот груз – руки будут так полны, что ничего нельзя делать. Посмотри Мазанкова, Крупова. Они погубили свои карьеры из-за женщин». Ну, я и подумал,

что Мазанков и Крупов – дружбаны его. И на кой черт, спрашиваю, мне про них знать? А он такой: да это я, дескать, писателя одного цитирую, Толстого. Слово за слово, разговорились, и вот что я тебе скажу, Диди: в моей жизни это был момент истины. Как будто лампочка вспыхнула. – Полворт ткнул пальцем в воздух над своей лысеющей головой. – Он мне многое тогда открыл. Мужскую судьбу. И вот он я: ищу, где бы перепахнуться в четверг вечером, потом в одиночку тащусь домой, поиздержался, на душе гадостно; прикидываю, сколько ушло на баб, на всю эту мороку, и захочется ли мне к сорока годам в одиночестве порнуху смотреть, а сам думаю: зри в корень. Ведь есть же причина жениться. А кого я найду лучше Пенни? Сколько можно с девками в барах трепаться про всякую фигню? Мы с Пенни друг к дружке притерпелись. Бывает ведь и хуже. Она и на личико миленькая. И все тридцать три удовольствия дома ждать будут, разве не так?

– Жаль, она сейчас этого не слышит, – заметил Страйк. – Влюбилась бы в тебя по новой.

– Пожал я руку тому хлыщу, – продолжал Полворт, не замечая сарказма. – Попросил его записать мне название книжки и прочее. Вышел из бара, схватил такси – и напрямиком к Пенни домой, стал в дверь молотить, разбудил ее. Она страсть как обозлилась. Решила, что напился и за неимением лучшего к ней на ночь приехал. А я такой: ах ты, корова сонная, да я потому приехал, что жениться на тебе хочу. А книжка вот как называлась, – закончил Полворт, – «Анна Каренина». – Он залпом допил пиво. – Мутотень.

Страйк рассмеялся.

Полворт громко рыгнул и посмотрел на часы. Он знал толк в репликах под занавес и долгие прощания любил примерно так же, как русскую литературу.

– Я пошел, Диди, – сказал он, слезая с барного стула. – Если вернусь до полдвенадцатого, мне на день рожденья подарочек сделают, причем французский... вот, собственно, в чем суть. В этом, братан, вся суть.

Усмехаясь, Страйк пожал ему руку. Полворт передал привет Джоан, напомнил Страйку, чтобы тот позвонил, когда вновь окажется в родных краях, протиснулся к дверям и скрылся из виду.

2

*Чье сердце бередит тревоги гнет,
Тому бальзам надежды сон вернет.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Все еще усмехаясь рассказу Полворта, Страйк понял, что темноволосая женщина у барной стойки прикидывает, как бы к нему подойти. А блондинка в очках, судя по всему, ее отговаривает. Страйк допил последнюю пинту, забрал со стола бумажник, нащупал в кармане пачку сигарет и, на всякий случай придерживаясь за стенку, встал, чтобы для начала сделать пробный шаг. После четвертой пинты протез обычно плохо слушался. Как оказалось, равновесие ничуть не пострадало, и Страйк направился к выходу, сухо кивая тем немногим знакомым из местных, кого просто не мог оскорбить невниманием; никто его не окликнул, и он беспрепятственно вышел в теплый сумрак.

Широкие, неровные каменные ступени, спускавшиеся к бухте, по-прежнему были оккупированы курильщиками и любителями пива. Страйк лавировал между ними, на ходу доставая сигареты.

В этот благодатный августовский вечер по живописной набережной все еще прогуливались туристы. Страйку было минут пятнадцать ходу, но часть пути представляла собой крутой подъем. Страйк наугад свернул направо и перешел через дорогу, в сторону высокой стены, отделявшей автостоянку и паромный терминал от моря. Прислонившись к этой каменной ограде, он закурил, взгляделся в серебристо-серый океан и тут же превратился в туриста, которому не нужно отвечать на вопросы про онкологию, а можно спокойно сделать пару затяжек и заодно оттянуть возвращение к неудобному дивану, на котором он ворочался шесть ночей кряду.

По приезде Страйк слышал от тети Джоан, что ему, человеку одинокому, да к тому же с армейской закалкой, постелено в проходной комнате, потому как он «где угодно заснет». Тетушка решительно отвергла высказанное по телефону робкое предложение Страйка подыскать на эти дни комнату с завтраком, чтобы никого не стеснять. Страйк был редким гостем, а уж когда приезжал с сестрой и племянниками, радости Джоан не было предела: ей хотелось насладиться их компанией сполна, вновь почувствовать себя хозяйкой и кормилицей – ну разве что немного ослабевшей от химиотерапии.

Так и получилось, что Страйк, рослый и грузный, который предпочел бы простую походную койку, ближе к ночи покорно укладывался на жесткий диван, набитый конским волосом и обтянутый скользким атласным чехлом, а чуть свет просыпался от топота малолетних племянников, регулярно забывавших, что до восьми утра врываться в гостиную нельзя. Джек хотя бы для приличия извинялся. А вот старший, Люк, с грохотом и гиканьем скатывался по узкой лестнице и только хихикал, проносясь мимо Страйка на кухню.

Люк сломал совершенно новые дядины наушники, и матерый сыщик через силу делал вид, будто это сущие пустяки. А еще старший племянник придумал себе такую забаву: однажды утром он выбежал в сад, прихватив с собой протез Страйка, и резвился под окном, размахивая этой искусственной ногой. Когда мальчишка соизволил вернуть протез, Страйк, у которого уже лопался мочевой пузырь из-за невозможности вприпрыжку подняться по крутой лестнице в единственный туалет, негромко высказал племяннику свое мнение, отчего тот потом ходил как в воду опущенный. Между тем Джоан каждое утро встречала Страйка словами «Ты хорошо выпался», без малейшего намека на вопросительный знак. За долгие годы жизни у Джоан

выработалась привычка с помощью легкого давления заставлять домочадцев говорить то, что ей хочется услышать. В ту пору, когда Страйк ночевал у себя в конторе и ждал неминуемого банкротства (хотя, конечно, не делился этими сведениями с родней), Джоан по телефону приговаривала: «У тебя хорошо идут дела», и ему, как всегда, казалось верхом наглости оспаривать ее оптимистические заявления. Когда ему в Афганистане оторвало голень, Джоан, стоя в слезах у его больничной койки, пока он пытался разогнать туман морфина, повторяла: «Тебе хотя бы лежать удобно. Тебе боль снимают». Он любил тетушку, которая, по сути, опекала его в детстве, но от долгого нахождения рядом с ней начинал задыхаться и давиться от спазмов. Ее неизменная привычка передавать из рук в руки фальшивую монету общительности, закрывая глаза на неудобные и неприглядные истины, вытягивала из него все жилы.

В воде блеснуло что-то серебристо-гладкое, а затем появилась пара угольно-черных глаз: у берега лениво кружила нерпа. Он понаблюдал за ее вращениями, сомневаясь, что она его видит, и по какой-то необъяснимой причине обратился мыслями к совладелице их общего детективного агентства.

Страйк намеренно не сказал Полвортю всей правды о своих отношениях с Робин Эллакотт, которые, впрочем, никого не касались. А правда заключалась в том, что в его чувствах присутствовали некоторые нюансы и сложности, которых он предпочитал не касаться. Например, маясь от одиночества, тоски или подавленности, он ловил себя на том, что хочет услышать ее голос.

Страйк посмотрел на часы. У нее сегодня выходной, но все же сохранялась ничтожно малая вероятность, что она еще не спит, а у него был благовидный предлог для отправки сообщения: с недавних пор у них работал по договору некий Сол Моррис, которому не были возмещены накладные расходы за истекший месяц, а Страйк не оставил на этот счет никаких указаний. Если написать про Морриса, то появится шанс, что Робин перезвонит – захочет справиться о самочувствии Джоан.

– Извините, пожалуйста... – раздался у него из-за спины нервный женский голос.

Даже не повернув головы, Страйк уже понял: это темноволосая мадам, которую он приметил в пабе.

У нее был говор, характерный для уроженки Центральных графств, а в интонации соединилась точно выверенная смесь смущения и восторженности, которую он нередко слышал в речи желающих побеседовать о его детективных победах.

– Да? – отозвался он, разворачиваясь лицом к незнакомке.

Она пришла все с той же блондинкой-подругой; Страйк, впрочем, допускал, что их связывают более чем дружеские отношения. Между ними чувствовались узы какой-то близости. Обе выглядели лет на сорок. Обе были в джинсах и рубашках; блондинку отличала та легкая обветренность и поджарость, какая дается регулярными горными походами или велосипедными прогулками. Кто-то, возможно, назвал бы ее внешность «мужественной», имея в виду отсутствие косметики. Высокие скулы, очки и стянутые в конский хвост волосы – все это добавляло ей суровости.

Брюнетка выглядела более subtilной. На продолговатом лице выделялись большие светло-серые глаза. В ней, как в средневековой мученице, чувствовалось какое-то напряжение, граничившее с фанатизмом.

– Вы, случайно, не... вы Корморан Страйк? – спросила женщина.

– Он самый, – без эмоций ответил он.

– Надо же, – выдохнула она с нервным жестом одной руки. – Это так... это так странно... Вам, наверное, не хочется... простите мою назойливость, понимаю, вы на отдыхе... – у нее вырвался нервный смешок, – но... меня, кстати, зовут Анной... и я хотела спросить... – она сделала глубокий вдох, – хотела спросить, нельзя ли побеседовать с вами насчет моей матери.

Страйк молчал.

– Она исчезла, – начала рассказывать Анна. – Звали ее Марго Бамборо. Работала врачом общей практики. Однажды вечером закончила прием больных, вышла на улицу – и с тех пор никто ее не видел.

– Вы заявили в полицию? – спросил Страйк.

На лице Анны мелькнула непонятная усмешка.

– А как же... полиция была в курсе, делу дали ход. Но никаких следов не нашли. А исчезла она, – закончила Анна, – в семьдесят четвертом году.

Темная вода лизала каменную кладку, и Страйку почудилось, что нерпа фыркает своим влажным носом. Мимо, пошатываясь, к паромному терминалу прошли трое юнцов. У Страйка в голове мелькнуло: неужели они не знают, что последний паром отчалил в шесть вечера?

– Понимаете, совсем недавно, – зачастила женщина, – буквально на той неделе... я побывала у экстрасенса.

Капец, подумал Страйк.

За время своей сыскной деятельности он порой сталкивался с экстрасенсами и не испытывал к ним ничего, кроме презрения: эти пиявки – такими они ему казались – только высасывали деньги у чересчур доверчивых и потерявших надежду.

Водную гладь с пыхтеньем вспарывал катерок; мотор дробил ночную неподвижность. Очевидно, те трое юнцов вызвали водное такси. Сейчас они хохотали и толкали друг друга локтями, предвидя неминуемую морскую болезнь.

– От экстрасенса я узнала, что мне будет знамение, – не останавливалась Анна. – Мне прямо так и сказали: «Ты узнаешь, что случилось с твоей матерью. Тебе будет знамение: не отступайся. Путь откроется перед тобой очень скоро». Поэтому, заметив вас в пабе – сам Корморан Страйк в «Виктори»: какое невероятное совпадение! – я подумала, что просто обязана с вами переговорить.

Мягкий бриз шевелил темные, с серебристыми нитями волосы Анны. Блондинка резко скомандовала:

– Идем, Анна, уже поздно!

Она обняла подругу за плечи. Страйк заметил, что у нее на пальце сверкнуло обручальное кольцо.

– Извините за беспокойство, – бросила она Страйку.

И бережно, но вместе с тем решительно попыталась увести Анну. Та всхлипнула и забормотала:

– Вы уж меня простите... наверно, слишком много выпила.

– Минуту.

Страйк часто ругал себя за неистребимую любознательность, за желание почесать, где зудит, особенно когда накатывала усталость, вот как сегодня. Но тысяча девятьсот семьдесят четвертый – это год его рождения. Марго Бамборо считается без вести пропавшей ровно столько, сколько он живет на свете. Он ничего не смог с собой поделывать: ему захотелось докопаться до истины.

– Вы приехали сюда в отпуск?

– Да. – В разговор вступила блондинка. – У нас дом в Фалмуте. А постоянное место жительства – Лондон.

– В Лондон я возвращаюсь завтра, – сказал Страйк (Кто тебя за язык тянет, звездобол недоделанный? – проснулся голос у него в голове), – но мог бы, наверное, с утра заехать в Фалмут, если не помешаю.

– Правда? – захлебнулась Анна. Она смахнула невидимые Страйку слезы. – Ой, это было бы замечательно. Спасибо. Мы так благодарны! Я оставлю вам адрес.

У блондинки перспектива новой встречи не вызвала никакого энтузиазма. Но, видя, что Анна роется в сумочке, она все же бросила: «Не надо, у меня с собой визитка», вытащила из

заднего кармана портмоне и протянула Страйку визитную карточку, на которой значилось: «Д-р Ким Салливен, психолог, лицензированный член Британского психологического общества»; ниже следовал адрес в Фалмуте.

– Отлично. – Страйк убрал визитку в бумажник. – Что ж, в таком случае до завтра.

– Вообще говоря, утром у меня рабочее совещание, – заявила Ким. – Освобожусь не раньше двенадцати. Для вас это, наверное, слишком поздно?

Подтекст был предельно ясен: любые беседы с Анной – только в моем присутствии.

– Нет-нет, меня вполне устроит, – сказал Страйк. – Значит, увидимся завтра в двенадцать.

– Огромное вам спасибо! – воскликнула Анна.

Ким взяла ее за руку, и женщины пошли своей дорогой. Страйк проследил, как они пересекли круг света под уличным фонарем, и вновь повернулся к морю. Катер, тарахтя, увозил на другой берег троицу молодых пьянчуг. Посреди широкой бухты водное такси казалось совсем крошечным, а рокот мотора вскоре сменился тихим жужжаньем.

На миг забыв о сообщении, адресованном Робин, Страйк вновь закурил, достал мобильный и погуглил Марго Бамборо.

Перед ним возникли два разных фото. Первое представляло собой зернистый любительский снимок: миловидное лицо с правильными чертами, широко посаженные глаза, русые волосы, расчесанные на прямой пробор. Из одежды можно было различить длинную английскую блузу, наброшенную поверх трикотажной майки с круглым вырезом.

Со второй фотографии смотрела та же самая женщина, только моложе, затянутая в пресловутый черный корсет плейбоевской зайки и черные чулки, на голове – для полноты образа – черные ушки, сзади белый хвостик. В руках поднос, вроде бы с сигаретами, улыбающееся лицо обращено прямо к объективу. Из-за ее спины выглядывает другая сияющая красотка в точно таком же костюме, но с более пышными формами и торчащими вперед зубами.

Страйк принялся скролить вниз и увидел, что в связи с Марго всплывает одно нашумевшее имя.

... молодая мать, врач по профессии, занимавшая кабинет в амбулатории «Сент-Джонс» (Кларкенеуэлл), Маргарет «Марго» Бамборо, чье исчезновение 11 октября 1974 года по ряду признаков сходно с организованными Кридом похищениями Веры Кенни и Гейл Райтмен, договорилась в 18:00 встретиться с приятельницей в ближайшем пабе «Три короля», где так и не появилась. Согласно показаниям очевидцев, примерно в это время в сторону места встречи на высокой скорости проследовал белый фургон. По версии инспектора Билла Тэлбота – именно он вел дело об исчезновении Бамборо, – молодая женщина-врач стала жертвой серийного убийцы, который беспрепятственно орудовал в юго-восточных районах Лондона. Однако в подвальном помещении, где Деннис Крид удерживал, истязал, а затем обезглавил семь женщин, никаких следов Бамборо обнаружить не удалось. В качестве своей метки Крид оставлял...

3

*Но дале сказ пойдет о Бритомарт,
О происках злокозненных судеб.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Если бы день складывался, как задумано, Робин Эллакотт нежилась бы сейчас в кровати у себя в съемном жилище близ станции метро «Эрлз-Корт» и читала бы какой-нибудь новый роман, разделавшись со стиркой белья и неспешно приняв ванну. Но вместо этого она без сил сидела за рулем своего выдавшего виды «лендровера», дрожа от озноба, несмотря на теплый вечер, в той же самой одежде, которую не имела возможности сменить с половины пятого утра, и следила за освещенным окном «Пицца-экспресс» в городке Торки. В боковом зеркале отражалось ее бледное лицо с покрасневшими от недосыпа голубыми глазами и черная вязаная шапка, скрывающая невытую землянично-рыжеватую голову.

Время от времени Робин запускала руку в пакет миндаля, поставленный на пассажирское сиденье. Когда сидишь на одном месте, ничего не стоит скатиться до частых – просто от скуки – перекусов фастфудом и шоколадками. Хотя у Робин был ненормированный рабочий день, она старалась воздерживаться от нездоровой пищи, но миндаль после долгого хранения делался малосъедобным, и она бы сейчас отдала что угодно за маленький ломтик «пепперони», отрезанный от той пиццы, которую подали раскормленной паре за ресторанным окном. Робин прямо чувствовала на языке этот вкус, хотя воздух в салоне автомобиля отдавал только морской солью с неистребимым припахом резиновых сапог и мокрой собачьей шерсти, вьевшимся в старые чехлы.

Объект слежки, получивший у них со Страйком прозвище Хохолок из-за неудачно подогнанной накладке на лысину, сейчас исчез из поля зрения. В пиццерию он вошел полтора часа назад в компании трех спутников, включая подростка с загипсованной рукой, и оставался в пределах видимости Робин, если та, изогнув шею, наклонялась над передним пассажирским сиденьем. Такой маневр она проделывала каждые минут пять, чтобы видеть, приближается ли эта четверка к завершению обеда. При последней проверке им подали мороженое. Следовательно, ждать оставалось уже недолго.

Настроение у Робин было хуже некуда: сказывались, как она понимала, и переутомление, и невозможность размяться, и потеря долгожданного выходного. Из-за вынужденного недельного отсутствия Страйка ей пришлось отработать двадцать дней подряд. Их лучший внештатный сотрудник Сэм Барклай с сегодняшнего дня должен был взять на себя слежку за Хохолком в Шотландии, но вопреки их ожиданиям Хохолок не вылетел в Глазго. Вместо этого он вдруг направился в Торки; Робин не оставалось ничего другого, кроме как последовать за ним.

Для ее подавленности были, конечно, и другие причины: одну она признавала, а мысли о другой яростно гнала прочь, но так и не смогла выбросить из головы, отчего сильно злилась на себя.

Первой, вполне объяснимой причиной стал затянувшийся развод, который с каждой неделей обрастал новыми проблемами. После того как Робин застучала мужа с поличным, они виделись только один раз; встреча – по удивительному совпадению в «Пицца-экспресс», рядом с местом работы Мэтью, – прошла холодно и жестко: они договорились о формулировке «развод по обоюдному согласию после двухлетнего срока раздельного проживания». В силу своей честности Робин не могла не признать, что на ней тоже лежит часть вины за их рухнувший брак. Да, Мэтью совершил супружескую измену, но сама Робин никогда полностью не отдавала

себя семейной жизни: оказываясь перед выбором, она почти всегда ставила работу на первое место, а Мэтью отодвигала на второе и под конец уже принялась искать повод для расставания. Измена Мэтью стала для нее ударом, но вместе с тем и освобождением.

Однако за те двенадцать месяцев, что минули после встречи в пиццерии, Робин осознала, что муж не только отверг для себя идею развода по обоюдному согласию, но и всячески старался переложить вину на нее, да еще вознамерился ее покарать за нанесенные обиды. Совместный банковский счет, на котором хранились средства от продажи их старого дома, был заморожен, дабы адвокаты сторон смогли определить долю Робин, чьи заработки намного уступали доходам Мэтью и чье желание выйти за него замуж – на это указывали недвусмысленные намеки в последнем письме – было продиктовано исключительно жадой материального обогащения, какого она нипочем не достигла бы самостоятельно.

Каждое письмо от адвоката Мэтью вызывало у нее дополнительные муки, стрессы и приступы ярости. Ей даже не требовались разъяснения собственного адвоката, чтобы понять: Мэтью совершенно очевидно стремится повесить на нее дополнительные судебные издержки, которые ей не по карману, и тянет время, чтобы обобратить ее до нитки.

– Впервые в жизни сталкиваюсь с таким сложным разводом бездетных супругов, – сказал ей адвокат, как будто это могло ее утешить.

Мэтью занимал в ее голове не меньше места, чем в период их совместного проживания. Ей уже стало казаться, что она читает его мысли сквозь мили и молчание, разделяющие их на нынешних жизненных путях. Мэтью никогда не умел достойно проигрывать. Но сейчас он поставил перед собой цель: выйти победителем из позорно короткого брака, прикарманить все деньги и выставить Робин единственной виновницей этой гнусной истории.

Так что ее подавленность возникла не на пустом месте; но была и другая причина, потаенная, прилипчивая, от которой Робин, к своей досаде, не могла отмахнуться.

Все произошло накануне в агентстве. Сол Моррис, с недавних пор трудившийся у них по договору, не получил причитающиеся ему выплаты за месяц, а потому Робин, проводив Хохолка до их с женой дома в Виндзоре, поехала на Денмарк-стрит, чтобы произвести расчеты с Солом.

Моррис сотрудничал с агентством полтора месяца. Бывший полицейский, голубоглазый брюнет, он, несомненно, отличался эффектной внешностью, однако некоторые его привычки раздражали Робин до зубовного скрежета. В разговорах с ней, даже на самые нейтральные темы, он понижал голос, пересыпал речь игривыми фразами и позволял себе комментарии недопустимо личного свойства; в присутствии Морриса ни одно мало-мальски двусмысленное слово не оставалось незамеченным. Робин проклинала тот день, когда Сол установил, что они с ним оба находятся в процессе развода: это, похоже, давало ему благодатную почву для интимных откровений.

Ей хотелось вернуться из Виндзора до ухода Пат Шонси, работавшей у них в агентстве офис-менеджером, но когда Робин поднялась по лестнице, она увидела Морриса, ожидающего перед запертой дверью.

– Извините, – сказала Робин. – Пробки жуткие.

Достав из нового сейфа наличные, она расплатилась с Моррисом и резко заявила, что торопится домой, но он прилип к ней как репей и начал пересказывать содержание сообщений, которыми бывшая жена бомбардирует его по ночам. Робин старательно дозировала вежливость и холодность, пока на столе, за которым она работала в бытность свою секретаршей, не зазвонил телефон. В другой ситуации она бы дождалась, чтобы сообщение отправилось в голосовую почту, но сейчас объявила:

– Извините, я должна ответить. Всего доброго. – И подняла трубку. – Детективное агентство «Страйк», Робин слушает.

– Привет, Робин, – ответил хриловатый женский голос. – Босс у себя?

Хотя с Шарлоттой Кэмпбелл они столкнулись только раз в жизни, три года назад, Робин, как ни странно, узнала ее сразу. После той встречи она с абсурдной дотошностью анализировала те несколько слов, что услышала от этой женщины. Сейчас Робин явственно различила смешливые нотки, как будто чем-то позабавила Шарлотту. Легкость, с которой та назвала ее по имени, и словечко «босс», произнесенное в адрес Страйка, тоже давали пищу для размышлений.

– К сожалению, его нет, – ответила Робин и с бьющимся сердцем потянулась за шариковой ручкой. – Что ему передать?

– Пусть он перезвонит Шарлотте Кэмпбелл. У меня появилось нечто такое, что будет ему полезно. Мой номер телефона он знает.

– Непременно, – пообещала Робин.

– Большое спасибо, – сказала Шарлотта все с теми же смешливыми нотками. – Ну все тогда, до свидания.

Робин старательно вывела: «Звонила Шарлотта Кэмпбелл, у нее для тебя что-то есть» – и отнесла записку к нему в кабинет.

Шарлотта в прошлом была невестой Страйка. Их помолвка завершилась четыре года назад, в тот самый день, когда Робин пришла в агентство на место временной секретарши. Хотя Страйк не любил распространяться на эту тему, Робин знала, что они были парой шестнадцать лет («с перерывами», как подчеркивал Страйк, потому что эти отношения рушились много раз, пока не разорвались окончательно), что Шарлотта обручилась со своим нынешним мужем через две недели после того, как Страйк ее бросил, и теперь воспитывала близнецов.

Но Робин знала и многое другое, так как после разрыва с мужем прожила месяц с лишним в доме Ника и Илсы Герберт, ближайших друзей Страйка. За тот срок она и сама подружилась с Илсой, а теперь они с ней вдвоем частенько захаживали в кафе. Илса не скрывала: она ждет не дожидается, когда же Страйк и Робин поймут – уж поскорей бы, – что «созданы друг для друга». Хотя Робин не раз просила ее воздержаться от таких прозрачных намеков, утверждая, что они со Страйком вполне довольны своими дружескими и чисто рабочими отношениями, Илса не теряла оптимизма.

Робин искренне привязалась к новой подруге, но столь же искренни были ее мольбы о прекращении этого сватовства. Она боялась, как бы Страйк не заподозрил ее в соучастии, тем более что Илса постоянно организовывала какие-то вылазки для четверых, очень похожие на двойные свидания. Последние два приглашения Страйк отклонил: агентство было настолько перегружено работой, что им было не до светской жизни, но Робин, стгорая от стыда, подозревала, что он разгадал тайные намерения Илсы. Оглядываясь на свою супружескую жизнь, Робин убеждалась, что никогда не относилась к окружающим так, как сейчас относится к ней Илса, которая весело, без страха задеть чьи-нибудь чувства, порой шла напролом, лишь бы только устроить чужое счастье.

Чтобы раскрепостить Робин в отношении Страйка, Илса, например, сплетничала про Шарлотту, и здесь Робин ощущала за собой вину, потому что почти никогда не пресекала эти разговоры, которые втайне сравнивала с фастфудом: и поглощать стыдно, и удержаться невозможно.

Теперь она знала об ультиматумах «либо я, либо армия», о двух суицидальных попытках («В Арране было обыкновенное притворство, – презрительно заявляла Илса. – Банальная манипуляция»), о принудительном десятидневном курсе лечения в психиатрической клинике. Выслушала она и целую коллекцию рассказов, озаглавленных по образцу дешевых триллеров: «Ночь хлебного ножа», «Дело о черном кружевном платье», «Кровавая записка». Робин узнала, что Илса считает Шарлотту распущенной, но отнюдь не сумасшедшей и что Ник с Илсой ссорятся по одному-единственному поводу: из-за Шарлотты, которая «была бы счастлива такое о себе услышать», неизменно добавляла рассказчица.

И вот теперь эта Шарлотта набирает номер агентства и требует, чтобы Страйк ей перезвонил, а Робин, голодная и смертельно усталая, сидя перед пиццерией, бережит себе душу мыслями об этом звонке, как язык бережит язвы во рту. Если Шарлотта позвонила в агентство, значит она не в курсе, что Страйк уехал проведать тяжелобольную родственницу, а следовательно, регулярных контактов они не поддерживают. Но в то же время насмешливый тон Шарлотты, по всей видимости, намекал на какое-то единение между ней и Страйком.

Лежащий на пассажирском сиденье, рядом с пакетиком миндаля, мобильный телефон зажужжал. Робин обрадовалась возможности немного отвлечься; сообщение пришло от Страйка.

Спишь?

Робин ответила:

Да

Как она и ожидала, звонок последовал немедленно.

– А надо бы поспать, – без предисловия начал Страйк. – Ты, наверно, с ног валишься. Сколько там, три недели без отдыха моталась за Хохолком?

– И сейчас занимаюсь тем же.

– Что? – Страйк был недоволен. – Ты в Глазго полетела? А Барклай где?

– В Глазго. Был на низком старте, но Хохолок не явился на посадку. Он поехал в Торки. Сейчас ужинает в пиццерии. А я в наружке сижу.

– Фигли его понесло в Торки, когда в Шотландии любовница ждет?

– Решил провести время с первой семьей, – сообщила Робин, жалея, что не видит, какое сейчас у Страйка лицо. – Он у нас двоеженец.

Эта весть была встречена молчанием.

– Ровно в шесть я была у его дома в Виндзоре, – продолжала Робин, – собиралась проводить его в Станстед, посмотреть, как он сядет в самолет, и сообщить Барклаю, чтобы встречал, но в аэропорт он не поехал. Выскочил из дому как нахлестанный, доехал до ближайшей камеры хранения, сдал туда свой чемодан и вышел с совершенно другим багажом, причем без накладки-хохолка. А потом отправился сюда... Нашей виндзорской клиентке предстоит узнать, что официально она не замужем, – добавила Робин. – Хохолок двадцать лет состоит в браке с этой мадам из Торки. Я разговаривала с соседями – якобы проводила социологический опрос. Одна из женщин с той же улицы присутствовала на их свадьбе. Хохолок, по ее словам, часто ездит в командировки. Душа-человек, обожает сыновей... Их у него двое, – рассказывала дальше Робин при изумленном молчании Страйка. – Подростки, лет восемнадцати, и каждый – точная копия отца. Один вчера упал с мотоцикла – это я вытянула из той же соседки, – так что теперь у него рука в гипсе, а сам весь в синяках и порезах. До Хохолка, видимо, дошла весть об этой аварии, вот он и примчался сюда, а в Шотландию не полетел. Здесь он известен не как Джон, а как Эдвард Кэмптон: Джон – его среднее имя, в Сети можно посмотреть. У него с первой женой и сыновьями прекрасная вилла с окнами на море, с обширным садом.

– Мать честная! – вырвалось у Страйка. – Стало быть, наша беременная подружка в Глазго...

– ...это наименьшее из зол для госпожи Кэмптон-Виндзор, – подхватила Робин. – Хохолок ведет тройную жизнь. Две жены и любовница.

– С виду – плешивый бабуин. Но редкий везунчик. Говоришь, он там ужинает?

– В пиццерии с женой и детками. Я припарковалась у входа. Не успела щелкнуть его с сыновьями, но обязательно это сделаю, поскольку дети выдают его с головой. Мини-Хохолки, точь-в-точь как виндзорские близняшки. Как по-твоему, что он им рассказывает о своих перемещениях?

– Что был на нефтяных разработках? – предположил Страйк. – За рубежом? На Ближнем Востоке? Не зря же он так старательно подновлял загар.

Робин вздохнула:

– Клиентку ждет потрясение.

– Да и шотландскую любовницу тоже, – добавил Страйк. – Она уже на сносях.

– Удивительное постоянство вкуса, – отметила Робин. – Если выстроить их в ряд – жену из Торки, жену из Виндзора и любовницу из Глазго, – то получится изображение одной и той же особы с промежутками в двадцать лет.

– Где собираешься заночевать?

– В «Трэвелодже» или в семейной гостинице, – Робин уже в который раз зевнула, – если найду свободную койку в разгар сезона. По мне, лучше было бы в Лондон вернуться, но сил нет. Я в четыре утра встала – это притом что вчера десять часов отработала.

– Никаких разездов, никаких ночевок в машине, – отрезал Страйк. – Сними комнату или номер.

– Как там Джоан? – спросила Робин. – Если тебе нужно задержаться в Корнуолле, мы здесь справимся.

– Хлопочет вокруг нас день и ночь. Тед согласен, что нужно дать ей покой. Через пару недель я снова к ним наведаюсь.

– А ты с какой целью звонишь – узнать новости про Хохолка?

– На самом деле звоню я совсем с другой целью: рассказать о последних событиях. В местном пабе...

Он вкратце обрисовал ей знакомство с дочерью Марго Бамборо.

– Я успел ее погуглить, эту Марго Бамборо, – сообщил Страйк. – Врач, двадцать девять лет, замужем, годовалая дочь. В конце рабочего дня вышла из амбулатории в Кларкенеуэлле, обмолвившись персоналу, что перед уходом домой ненадолго встретится с подругой в ближайшем пабе. Подруга ждала, но Марго так и не появилась, и никто ее больше не видел.

Наступила пауза. Робин, не сводя глаз с окна пиццерии, спросила:

– И эта дочка считает, что ты почти сорок лет спустя выяснишь, что произошло с ее матерью?

– Она, похоже, вдохновилась, когда увидела меня в пивной, поскольку до этого побывала у экстрасенса и услышала, что ей будет «знамение».

– Хмм... – протянула Робин. – И каковы, по-твоему, шансы на успех по прошествии такого срока?

– От призрачных до нулевых, – ответил Страйк. – Но в то же время истина где-то близко. Люди не испаряются бесследно.

Робин услышала знакомую интонацию, которая указывала на раздумья о проблемах и возможностях.

– Значит, с утра пораньше ты опять встречаешься с осиротевшей дочерью?

– Согласись, это повредить не может, – сказал Страйк.

Робин не отвечала.

– Я знаю, о чем ты подумала, – сказал он с некоторым вызовом. – Но клиентка доведена до крайности... уже обращается к экстрасенсам... грех не помочь в такой ситуации.

– Думаю, охотники помочь в такой ситуации найдутся и без тебя.

– Но я же могу выслушать человека, правда? И денег зря не возьму, в отличие от многих. А если исчерпаю все возможности...

– Я тебя знаю, – перебила Робин. – Чем меньше ты накопишь, тем больше вращаешь в это дело.

– Если в условленный срок я не представлю никаких результатов, мне наверняка придется иметь дело с ее супружницей. Видишь ли, это однополая пара, – уточнил он. – И супружница – психол...

– Корморан, я перезвоню. – Не дожидаясь ответа, Робин прервала разговор и бросила мобильный на пассажирское сиденье.

Из пиццерии только что вышел Хохолок, а за ним жена и сыновья. Улыбаясь и болтая, они направились к своей машине, припаркованной ярдах в пяти от ее «лендровера». Подпустив их на достаточное расстояние, Робин подняла фотокамеру и быстро отщелкала серию снимков.

К тому моменту, когда они поравнялись с «лендровером», камера уже лежала у нее на коленях, а сама Робин склонила голову над телефоном и сделала вид, что набирает сообщение. Глядя в зеркало заднего вида, она проследила, как Хохолок с семейством загрузились в машину и направились в сторону своей виллы.

В очередной раз зевнув, Робин позвонила Страйку.

– Все сделала, что собиралась? – спросил он.

– Угу. – Не отпуская телефона, Робин одной рукой проверяла сделанные фотографии. – Есть пара четких снимков его с сыновьями. Надо же, какая мощная наследственность. Все четверо детей – на одно лицо. – Она убрала фотоаппарат в сумку. – Ты понимаешь, что я сейчас нахожусь в двух часах езды от Сент-Моза?

– Пожалуй, в трех, – уточнил Страйк.

– Если хочешь...

– Не делать же тебе такой крюк, чтобы потом отсюда пилить в Лондон. Ты сама сказала, что вконец измочалена.

Но Робин почувствовала, что эта мысль его зацепила. Он добирался до Корнуолла по железной дороге, потом на такси и на пароме, так как после ампутации ноги долгие автомобильные поездки стали для него делом нелегким и малоприятным.

– Мне тоже хотелось бы побеседовать с этой Анной. А после, так и быть, подброшу тебя обратно.

– Если не шутишь, было бы здорово. – Страйк заметно приободрился. – Это дело так или иначе придется раскручивать сообща. Надо будет просеять гигантский объем информации: с всякими всегда так, а ты, похоже, сегодня закрыла вопрос с Хохолком.

– Закрывать-то закрыла, – вздохнула Робин, – но в итоге сломала чуть ли не с десятков жизней.

– Ты лично никому жизнь не сломала, – запротестовал Страйк. – Это все он. И потом, что лучше: если все три женщины узнают правду прямо сейчас или после его смерти, когда всплывает столько дерьма, что они в нем захлебнутся?

– Понимаю. – Робин вновь не сдержала зевоту. – Ладно, куда мне подъехать: к вашему дому в Сент-Мо...

У Страйка вырвалось резкое, рубленое «нет».

– Они – Анна с супругой – базируются в Фалмуте. Там и встретимся. Как-никак дорога до Фалмута короче.

– О'кей, в котором часу?

– К половине двенадцатого успеешь?

– Легко, – сказала Робин.

– Место встречи уточню. А сейчас отправляйся на поиски ночлега.

Поворачивая ключ зажигания, Робин отметила, что настроение у нее значительно улучшилось. И как будто перед лицом взыскательной коллегии присяжных, куда среди прочих входили Илса, Мэтью и Шарлотта Кэмпбелл, она сознательно погасила улыбку, прежде чем задним ходом выехать с парковки.

4

*Одною матерью от двух отцов зачаты,
Они несхожи, точно воск и латы.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Наутро Страйк проснулся незадолго до пяти. Через тонкие занавески в доме Джоан уже пробивался свет. Набитый конским волосом диван каждую ночь ухитрялся намять Страйку какую-нибудь часть тела, и сегодня ощущение было такое, словно ему двинули по почке. Он потянулся за телефоном, проверил время, но понял, что боль уже не даст ему заснуть, и сел.

Потянувшись и почесав под мышками, он дождался, чтобы глаза привыкли к полумраку гостиной Теда и Джоан, где со всех сторон вздымались непонятные силуэты, и взялся повторно гуглить Марго Бамборо; после беглого просмотра фотографии улыбающейся женщины-врача с волнистой укладкой и широко посаженными глазами результаты поиска привели его к сайту, посвященному серийным убийцам. Здесь был помещен длинный текст про Денниса Крида, перемежавшийся его портретами в разном возрасте, от снимка трогательно-кудрявого, светло-волосого малыша до полицейских фото анфас и в профиль, на которых был изображен стройный мужчина с безвольным, чувственным ртом, в больших квадратных очках.

Затем Страйк перешел на сайт книжного магазина и отыскал биографию этого серийного убийцы, изданную в 1985 году и озаглавленную «Демон Райского парка». Ее автор, ныне покойный, славился своими журналистскими расследованиями. С яркой обложки смотрело невыразительное лицо Крида, по которому плыли призрачные черно-белые тени замученной и убитой им семерки женщин. Марго Бамборо среди них не было. Страйк заказал на адрес агентства подержанный экземпляр стоимостью в один фунт.

Он поставил телефон на подзарядку, пристегнул протез, взял сигареты и зажигалку, боком протиснулся мимо целого выводка шатких столиков с сухими букетами в вазах и, не сбив плечом ни одной декоративной тарелочки, прошел по коридору, спустился на три крутые ступени вниз и оказался в кухне. Линолеум, памятный ему с раннего детства, льдом холодил босую подошву единственной ноги.

Заварив себе большую кружку чая, он – как был, в трусах-боксерах и футболке, – вышел через дверь черного хода в приятную рассветную прохладу, прислонился к стене дома и, вдыхая между затяжками соленый морской воздух, погрузился в размышления о пропавших матерях. За истекшие десять дней ему не раз вспоминалась Леда, полная противоположность Джоан.

– Ты уже курить пробовал, Корми? – однажды как бы невзначай спросила она, выпуская изо рта голубоватый дымок. – Табак – это вред, но, видит бог, я без него жить не могу.

Окружающие порой недоумевали: почему органы опеки не обращают внимания на семью Леды Страйк? Ответ лежал на поверхности: Леда, которая никогда и нигде не задерживалась на длительный срок, просто не попадала в поле их зрения. Бывало, ее дети ходили в новую школу считанные недели, а после мать, поддавшись очередному увлечению, срывала их с места и перебиралась в другой город, в другой сквот, где подсеялась на этаж к своим знакомцам или – куда реже – снимала угол. В органы опеки с полным правом могли бы обратиться Тед и Джоан, чей дом служил для детей единственным островком надежности, но Тед, как видно, не хотел полного разрыва со своей блудной сестрой, а Джоан считала, что дети ей этого не простят.

Среди самых отчетливых детских воспоминаний Страйка сохранился тот случай, когда Леда откуда ни возьмись появилась в Сент-Мозе после полутора месяцев его учебы в подгото-

вительном классе. Пораженная и разгневанная тем, что такое важное решение было принято без нее, она тут же повела сына с дочкой на паромную переправу, заманивая их всевозможными соблазнами Лондона. Страйк упирался, пытаясь объяснить, что они с Дейвом Полвортом давно сговорились на ближайших выходных обследовать пещеры контрабандистов; пещеры эти, скорее всего, существовали только в воображении Дейва, но для Страйка были реальнее некуда.

– Пещеры никуда не денутся, – приговаривала Леда, закармливая его конфетами в лондонском поезде. – И этого, как там его, тоже скоро увидишь, обещаю.

– Дейв, – всхлипывал Страйк, – его зовут Д-дейв.

Гони прочь эти мысли, велел себе Страйк, прикуривая вторую сигарету от первой.

– Стик, застудишься и помрешь – надо же, в одних трусах вышел!

Он оглянулся. На пороге, кутаясь в шерстяной халат, стояла его сестра в тапках из овчины. Брат с сестрой были настолько непохожи, что многие отказывались верить в их родство. Люси, приземистая, светловолосая и румяная, была копией своего папаши-музыканта, который, уступая в известности отцу Страйка, по крайней мере не забывал родную кровиночку.

– С добрым утром, – отозвался Страйк, но Люси уже исчезла, чтобы тут же вернуться с его брюками, туфлями и носками.

– Люс, мне не холодно...

– Воспаление легких заработаешь. Одевайся!

Подобно Джоан, Люси свято верила в непогрешимость своих суждений о благе родных. Только близкий час отъезда заставил Страйка собрать в кулак всю свою выдержку, чтобы взять принесенные сестрой вещи и тут же их надеть, с трудом удерживая равновесие и рискуя свалиться на гравий. К тому времени, как он натянул носок и туфлю на уцелевшую ногу, Люси успела вынести и себе, и ему свежесваренный чай.

– Мне тоже не спалось, – сообщила она, протянула ему кружку и уселась на каменную скамью.

Впервые за всю неделю они остались наедине. Люси буквально прилепилась к Джоан, не давая ей заняться ни стряпней, ни уборкой, а Джоан не понимала, как можно сидеть без дела, когда у нее полон дом гостей, всплескивала руками и все равно суежилась. В те редкие моменты, когда Джоан не оказывалось рядом, суэта исходила от сыновей Люси: Джек жаждал общения со Страйком, а двое других клячили что-нибудь у матери.

– Ужасная напасть, да? – говорила Люси, издали наблюдая за Тедом, который любовно обихаживал цветочные клумбы.

– Не говори, – вздохнул Страйк. – Но постучим по дереву. Как-никак химиотера...

– Химия не лечит. А только продлева... про... – Тряхнув головой, Люси утерла глаза смятым клочком туалетной бумаги, который оторвала от рулона, извлеченного из недр халата. – Я чуть ли не двадцать лет звоню ей по два раза в неделю, Стик. Это место – второй дом для моих мальчишек. Она для меня – настоящая мать.

Страйк не хотел заглывать наживку, однако не удержался и сказал:

– То есть помимо нашей родной матери.

– Леда не была мне матерью, – холодно возразила Люси; Страйк никогда не слышал от нее столь резких суждений, хотя в разговорах нередко подразумевалось именно это. – Я перестала считать ее мамой в четырнадцать лет. Если не раньше. Моя мама – Джоан!

И, не дождавшись ответа от Страйка, добавила:

– Ты выбрал Леду. Я знаю, ты любишь Джоан, но у тебя и у меня сложились с ней совершенно разные отношения.

– Ни за что бы не подумал, что здесь имеет место конкуренция, – сказал Страйк, закуривая следующую сигарету.

– Я просто объясняю тебе свои ощущения.

«А заодно и мои».

За неделю вынужденного соседства она не раз отпускала ядовитые комментарии в адрес Страйка, который слишком редко навещал родню. Он придерживал язык, чтобы не обострять ситуацию. Страйк поставил перед собой цель: уехать из этого дома, ни с кем не разругавшись.

– Мне были ненавистны те дни, когда Леда приезжала нас забирать, – не унималась Люси, – а ты всегда был готов сорваться с места.

В этом заявлении он расслышал голую констатацию факта при полном отсутствии вопро- сительного знака, совсем как у Джоан.

– Далеко не всегда, – возразил Страйк, вспоминая паром, Дейва Полворта и пещеры контрабандистов, но сестре, похоже, втемяшилось, что ее хотят чего-то лишить.

– Я просто хочу сказать, что ты потерял свою мать давным-давно. А нынче я... все к тому идет... теряю мою.

Она вновь утерла глаза отсыревшей туалетной бумагой.

Страйк молча стоял и курил; у него ломило поясницу, глаза щипало от недосыпа. Он догадывался, что Люси была бы рада навсегда вычеркнуть Леду из памяти, а припоминая, на что порой обрекала их Леда, не мог не посочувствовать сестре. Но сегодня утром вокруг него на облачке сигаретного дыма витал призрак Леды. Ему слышался ее голос: «Не сдерживайся, поплачь как следует, доченька, – сразу легче станет» и «Поддай-ка старушке-матери сигаретку, Корми». У него в сердце не находилось места для ненависти.

– Это в голове не укладывается: ты вчера вечером отправился выпивать с Дейвом Полвортом. Накануне отъезда!

– Джоан буквально вытолкала меня из дому. – Страйка задел этот упрек. – Она в Дейве души не чает. И потом, я через пару недель опять приеду.

– Неужели? – Сестра захлопала мокрыми ресницами. – А вдруг погрязнешь в делах и попросту забудешь?

Страйк выпустил дым в светлеющий голубоватый предрассветный воздух. В правой стороне, над крышами примостившихся на склоне домов, намечалась граница между небом и водой.

– Нет, – сказал он. – Не забуду.

– Я не спорю, в кризисной ситуации на тебя можно положиться, но там, где речь идет о постоянных обязательствах, у тебя, мне кажется, большие проблемы. Джоан нуждается в поддержке из месяца в месяц, а не только в тех случаях, когда...

– Это понятно, Люс. – Страйк все же начал закипать. – Ты, вероятно, не поверишь, но я знаю, что такое недуг и восстанов...

– Вот я и говорю: когда Джек попал в больницу, ты был на высоте, но когда все идет своим чередом, тебе до близких дела нет.

– О чем ты говоришь: я только в прошлом месяце возил Джека в...

– Но даже не потрудились приехать на день рождения Люка! Он всем приятелям рассказал, что ты собираешься...

– Зачем болтать лишнее? По телефону я тебе открытым текстом сказал, что...

– Ты сказал, что постараться...

– Нет, это *ты* сказала, что я постараюсь, – не сдержавшись, заспорил Страйк. – Это ты сказала: «Хорошо, если сможешь, приедешь». Но я не смог. И предупредил заранее, а уж как ты это преподнесла Люку, меня не касается.

– Я ценю, что ты изредка вывозишь куда-нибудь Джека, – перехватила инициативу Люси, – но неужели тебе не приходит в голову взять с собой и двоих других? Адам весь вечер плакал, когда Джек вернулся из «Военных комнат» Черчилля! А теперь ты приехал сюда, – Люси, похоже, решила воспользоваться случаем, чтобы выплеснуть все, что накопилось, – с подарком для одного Джека. А как же Люк и Адам?

– Теда позвонил насчет диагноза Джоан, и я тут же примчался. Значки для Джека у меня были куплены давно, вот я их и привез.

– И как, по-твоему, должны себя чувствовать Люк и Адам? Естественно, они начинают думать, что ты любишь их не так, как Джека!

– Конечно не так, – сказал Страйк, исчерпав запас терпения. – Адам – змееныш и слюнтяй, а Люк – полный засранец.

Он смял сигарету о стену, зашвырнул окурок в кусты и вернулся в дом, оставив Люси, как выброшенную на берег рыбу, ловить ртом воздух.

В неосвещенной гостиной он тут же наткнулся на выводок столиков: ваза с сухим букетом тяжело рухнула на узорчатый ковер, а Страйк, сам не зная, как это получилось, наступил протезом на хрупкие стебли и пергаментные венчики, которые рассыпались в пыль. Когда он с трудом собирал с пола сухой мусор, через гостиную молча прошагала Люси, оскорбленная в лучших материнских чувствах. Страйк водрузил пустую вазу на столик, выждал, когда Люси захлопнет за собой дверь в спальню, и в раздражении поднялся по ступеням в ванную с туалетом.

Включать душ он не стал, чтобы не разбудить Теда и Джоан, а потому только облегчился и слил за собой воду, совершенно забыв, как грохочет допотопная канализация. Осторожно умываясь под едва теплой водой, раз уж все равно сливной бачок наполнялся с диким ревом, Страйк подумал, что не проснуться от этой какофонии может только покойник.

Разумеется, открыв дверь, он нос к носу столкнулся с Джоан. Теткина макушка едва доставала до его груди. В глаза ему бросились редующие седые волосы и прежде синие, как незабудки, глаза, нынче выбеленные старостью. Подбитый ватой стеганный халат выглядел на ней как торжественное кимоно актера театра кабуки.

– Утро доброе. – Страйк попытался придать своему голосу жизнерадостность, но лишь скатился до фальшивого панибратства. – Я тебя разбудил, да?

– Нет, что ты, я давно не сплю. Как с Дейвом посидели? – спросила она.

– Отлично! – с жаром ответил Страйк. – У него новая работа, он в позитиве.

– А как там Пенни, как дочурки?

– Они просто счастливы, что вернулись в Корнуолл.

– Вот и славно, – сказала Джоан. – Матушка Дейва всегда считала, что Пенни, скорее всего, не захочет уезжать из Бристоля.

– Все вышло как нельзя лучше.

За спиной у Джоан распахнулась дверь спальни. На пороге в пижаме стоял Люк, демонстративно потирая глаза.

– Вы мне спать не даете, – заявил он Страйку и Джоан.

– Ох, прости, голубчик, – сказала Джоан.

– А можно мне «коко-попс»?

– Конечно можно, – любовно проворковала Джоан.

Люк помчался вниз, стараясь наделать как можно больше шума, но тут же прибежал обратно. Его веснушчатая физиономия лучилась злорадством.

– Бабуля, дядя Корморан все твои цветочки переломал.

«Вот говнюк мелкий».

– Да, извини, – обратился Страйк к Джоан. – Сухой букет. Сбил нечаянно. Ваза целая...

– Ой, это мелочи, – ответила Джоан, уже двигаясь к лестнице. – Сейчас пылесосом пройдусь.

– Не надо, – поспешил остановить ее Страйк. – Я там уже...

– Весь ковер в мусоре, – сообщил Люк. – У меня что-то под ногами хрустнуло.

«Ну погоди, ты сам у меня сейчас под ногами хрустнешь, засранец».

Страйк и Люк спустились вслед за Джоан в гостиную, где Страйк силой отобрал у тетки пылесос, допотопный, хлипкий, купленный еще в семидесятые годы. Пока он орудовал этим неповоротливым устройством, Люк, с ухмылкой стоя на пороге кухни, набивал рот шоколадными шариками. Когда Страйк закончил чистку ковра и предъявил работу Джоан, к утреннему сбору присоединились Джек и Адам, а за ними и полностью одетая Люси с каменным лицом.

– Мам, сегодня на пляж пойдём?

– Нам поплавать охота.

– Можно мы с дядей Тедом поедём на лодке кататься?

– Присядь, – обратился Страйк к Джоан. – Я тебе чаю заварю.

Но его опередила Люси. Она протянула Джоан кружку, испепелила Страйка взглядом и устремилась в кухню, на ходу давая ответы сыновьям.

– Что тут происходит? – Тед, еще в пижаме, шаркал по полу, растревоженный утренней суматохой.

Когда-то он был ростом со Страйка, да и внешнее сходство между ними бросалось в глаза. Со временем его курчавые волосы будто занесло снегом, а смуглое лицо прорезали даже не морщины, а борозды, но, невзирая на легкую сутулость, в нем еще чувствовалась физическая сила. Однако диагноз Джоан, похоже, стал для него тяжелым ударом. Он не оправился от потрясения, двигался неуверенно и будто бы потерял ориентацию в пространстве.

– Да вот собираю вещи, Тед, – ответил Страйк, которому не терпелось поскорее убраться. – Тороплюсь на первый паром, чтобы успеть на самый ранний поезд.

– Вот оно что, – сказал Тед. – Прямиком в Лондон, да?

– Ага, – кивнул Страйк, убирая в рюкзак зарядное устройство и дезодорант; все остальное уже было упаковано. – Но через пару недель опять наведаюсь. Держи меня в курсе, ладно?

– Без завтрака ты никуда не поедешь, – захлопотала Джоан. – Сейчас приготовлю тебе сэндвич...

– Я в такую рань не ем, – солгал Страйк. – Чашку чая выпил – и достаточно. В поезде возьму что-нибудь пожевать. Скажи ей, – попросил он Теда, потому что Джоан его не слушала и уже суетилась в кухне.

– Джоани! – крикнул Тед. – Он есть не будет!

Страйк сорвал со спинки стула куртку и выставил рюкзак в прихожую.

– Тебе бы еще поспать, – сказал он Джоан, которая семенила попрощаться с племянником. – Я, честное слово, не хотел тебя будить. Отдыхай, ладно? А по хозяйству пару недель пусть пока другие управляют.

– Все жду, когда же ты бросишь курить, – печально выговорила Джоан.

Страйк умудрился комично закатить глаза и обнял тетушку. Она прижала его к себе, как делала всякий раз, когда Леда, приезжая забрать у нее детей, всем своим видом изображала нетерпение. Разрываемый двойственным чувством, Страйк тоже обнял ее покрепче, будто стал и полем битвы, и трофеем, будто мучился от необходимости назвать своими именами какие-то вещи, не поддающиеся ни определению, ни пониманию.

– Счастливо, Тед, – сказал он, обнимая дядю. – Позвоню, когда приеду, – наметим следующую встречу.

– Я бы тебя подвез, – слабо проговорил Тед. – Может, все-таки подбросить?

– Мне и на пароме неплохо будет, – солгал Страйк, хотя неровные ступеньки причала преодолел с большим трудом и обычно с помощью паромщика; но чтобы доставить удовольствие старикам, добавил: – Помню, как вы возили нас детьми в Фалмут за покупками.

Из дверей гостиной Люси следила за ним притворно равнодушным взглядом. Люк и Адам не пожелали оторваться от сухого завтрака ради прощания с дядей, и только Джек втиснулся в тесную прихожую со словами:

– Спасибо за значки, дядя Корм.

– Не за что, мне приятно, – ответил Страйк и взъерошил мальчишеские волосы. – Пока, Люс, – бросил он и добавил: – До скорого, Джек.

5

*Смолчал, но сердцем храбрым закипел
И гневом преисполнился тотчас,
Таких речей он сроду не терпел,
И хмурый лик стал грозен, как и глас...*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Спальня в семейной гостинице, где заночевала Робин, еле вмещала узкую кровать, комод и раковину, кое-как закрепленную в углу. Фиолетово-розовые обои с цветочками даже в семидесятые годы, по мнению Робин, определенно считались мещанскими, постельное белье на ощупь оказалось влажным, а спутанные тканевые жалюзи не защищали от солнца.

В резком свете единственной голой лампочки, окруженной бесполезным плетеным абакжуром, Робин увидела в зеркале свое лицо, изможденное, неухоженное, с впалыми глазами. В рюкзаке были только те вещи, которые она привычно брала с собой, отправляясь на слежку: круглая вязаная шапка, чтобы в случае необходимости скрыть слишком заметные землянично-рыжеватые волосы, солнцезащитные очки, сменная кофта или блуза, банковская карта и пара удостоверений личности на разные имена. Свежая футболка, извлеченная из рюкзака, помялась и выглядела жеваной, но думать нужно было о том, чтобы срочно вымыть голову, однако ни мыла, ни шампуня возле раковины не нашлось, а зубная щетка и паста остались дома: Робин даже подумать не могла, что проведет ночь неизвестно где.

В восемь утра она вновь была за рулем. В городке Ньютон-Эббот пришлось остановиться, чтобы забежать в аптеку, а потом в универмаг – купить необходимые туалетные принадлежности, сухой шампунь и маленький, самый дешевый флакончик одеколona «4711». В туалете универмага Робин почистила зубы и как сумела привела себя в порядок. Когда она расчесывала волосы, пришло сообщение от Страйка.

Буду ждать в кафе «Паласио-лаунж» на площади Мур, это центр Фалмута. Дорогу спросишь на месте.

За пределами города Торки местность становилась все живописнее и зеленее. Уроженка Йоркшира, Робин с изумлением разглядывала пальмы, которые хорошо прижились на английской земле. После голых, однообразных торфяников и холмов эти пейзажи казались чудом. Потом слева сверкающими витражами замелькали ртутные отблески моря, и к цитрусовому запаху купленного второпях одеколona стали примешиваться солоноватые нотки. Это дивное утро и мысли о предстоящей в конце долгого пути встрече со Страйком ободрили Робин и прибавили ей сил.

До Фалмута она добралась в одиннадцать, покружила в поисках парковки по запруженным туристами улочкам, разглядела обросшие пластмассовыми игрушками дверные проемы магазинов, пабы, увешанные флагами, и раскрашенные приоконные ящики для цветов. Парковочное место нашлось прямо в центре, на широкой открытой рыночной площади; там Робин сразу отметила, что в городе есть кое-что еще, помимо аляповатого летнего антуража. Фалмут мог по праву гордиться великолепными зданиями девятнадцатого века; под крышей одного из них располагались ресторан и кафе «Паласио-лаунж».

Высокие своды и классические пропорции этого помещения говорили о том, что оно в свое время служило залом суда; однако нынешний декор отличался намеренной экстравагантностью: обои – вырви глаз, оранжевые в цветочек, сотни китчевых картин в синих рамах и чучело лисы в судейской мантии. Среди публики преобладали студенты и семьи; все

сидели на разномастных деревянных стульях, все разговоры отдавались гулким эхом, как в пещере. В считанные секунды Робин засекала крупную, мрачную фигуру Страйка, устроившегося с досадливым выражением лица возле пары молодых семей, чьи малолетние отпрыски в джинсах-варенках носились между столами.

Когда Робин извилистыми путями пробиралась в дальний конец зала, ей почудилось, будто Страйк хочет подняться из-за стола в знак приветствия, но если даже эта мысль была верна, он передумал. Робин давно научилась распознавать, когда его мучит боль в культе: складки у рта делались глубже обычного, словно он долго стискивал зубы. Если у нее самой, как она отметила еще утром, посмотревшись в зеркало, был усталый вид после ночевки в семейной гостинице, то Страйк пришел на эту встречу совершенно обессиленным, с синюшными припухлостями под глазами, да к тому же небритым, отчего подбородок казался грязным.

– Доброе утро. – Ему пришлось перекрикивать счастливые вопли хипповатых детишек. – Припарковалась нормально?

– Прямо тут, за углом, – садясь за столик, ответила Робин.

– Я потому выбрал это заведение, что его легко найти, – сказал он.

В их стол на бегу врезался какой-то мальчонка, и кофе из чашки Страйка пролился на тарелку с крошками круассана.

– Что тебе заказать?

– Я бы кофе выпила. – (Из-за детского визга разговор приходилось вести на повышенных тонах.) – Как дела в Сент-Мозе?

– Все так же, – ответил Страйк.

– Прости, – сказала Робин.

– За что? Ты ни в чем не виновата, – буркнул Страйк.

После двух с половиной часов за рулем, дав крюк только ради того, чтобы его подвезти, Робин ожидала совсем другой встречи. Вероятно, ей не удалось скрыть свое раздражение, потому что Страйк добавил:

– Спасибо, что приехала. Ценю.

И в сердцах мысленно бросил, когда молодой официант, не обращая внимания на его поднятую руку, зашагал в другую сторону: «Ослеп, что ли, ушлепок?»

– Я сама подойду к стойке, – вызвалась Робин. – Мне все равно кое-куда забежать надо.

Когда она в конце концов добилась, чтобы загнанный официант принял у нее заказ, в левом виске от напряжения застучала головная боль. Вернувшись за столик, она поняла, что терпение Страйка вот-вот лопнет: дети вконец распоясались и носились как угорелые, а их родители за соседними столиками даже бровью не вели – они спокойно перекрикивали шум. Робин вспомнила, что должна передать Страйку сообщение от Шарлотты, но решила дождаться более подходящего момента. На самом деле скверное настроение Страйка объяснялось тем, что культя ампутированной ноги жгла его невыносимой болью. При посадке на фалмутский паром он упал (и обругал себя: «Как полный дебил»). На причале пришлось совершить опасный спуск по неровной каменной лестнице без перил, а потом шагнуть на палубу, опираясь только на руку паромщика. При весе под сотню кило Страйк, поскользнувшись, не удержал равновесия и в результате лез на стенку от боли.

Робин достала из сумочки парацетамол.

– Голова разболелась, – объяснила она, перехватив взгляд Страйка.

– Черт, не удивлен ни разу, – холодно бросил Страйк в сторону молодых родителей, которые спокойно перекрикивались под вопли детишек и пропустили мимо ушей этот комментарий.

Страйк хотел попросить у Робин таблетку, но, чтобы избежать суеты и расспросов, которыми был сыт по горло, смирился с необходимостью терпеть молча.

– Клиентка далеко живет? – запив обезболивающее глотком кофе, спросила Робин.

– Отсюда пять минут езды. Район называется Вудхаус-Террас.

В этот миг самая маленькая девочка из тех, что бесились поблизости, споткнулась и упала плашмя на деревянный пол. От ее рева и воплей у Робин чуть не лопнули барабанные перепонки.

– Ой, Даффи! – пронзительно взвизгнула одна из джинсовых мамаш. – Что ж ты делаешь?

Девочка разбила в кровь губы. Мать присела рядом с ней на корточки, едва не опрокинув стол Страйка и Робин, и стала попеременно ругать и утешать дочку; вся малышня сгрудилась вокруг и с жадностью наблюдала за происходящим. В то утро, когда Страйк повалился на палубу, так же вели себя пассажиры парома.

– У него протез, – во всеулышанье объявил паромщик – отчасти с той целью, подумал Страйк, чтобы снять с себя вину за недосмотр; это объявление ничуть не уменьшило ни крайней неловкости Страйка, ни любопытства зевак-пассажиров.

– Уходим? – спросила Робин, уже встав со стула.

– Чем скорей, тем лучше. – Поднявшись из-за стола и взяв с пола рюкзак, Страйк поморщился. – Шантрапа чертова, – пробормотал он, хромяя вслед за Робин в сторону солнечного света.

6

*И я продолжу путь, за вас радеть,
Повсюду вас, красавица, храня.
Не пожалеет вас лишь сердце из кремня.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей. Перевод В. Микушевича

Район Вудхаус-Террас располагался на холме с панорамным видом на залив. На многих домах были надстроены мансарды, но жилище Анны и Ким, как было видно уже с улицы, подверглось наиболее радикальной перепланировке, даже кровлю заменила какая-то квадратная стеклянная коробка.

– Чем занимается Анна? – спросила Робин, когда они поднимались по лестнице к густосиней входной двери.

– Понятия не имею, – ответил Страйк. – Знаю только, что супруга ее – психолог. И насколько я понимаю, не приветствует идею расследования.

Он нажал на кнопку звонка. До их слуха донеслись шаги – вроде бы по голому деревянному полу, – и дверь открыла, поблескивая очками, доктор Салливен, рослая блондинка, босая, в джинсах и рубашке. Переводя взгляд со Страйка на Робин, она всем своим видом выражала удивление.

– Мой деловой партнер Робин Эллакотт, – отчеканил Страйк.

– Так-так, – недовольно бросила Ким. – Но вы же понимаете, эта встреча намечалась как сугубо предварительная.

– Робин очень кстати оказалась на побережье по совершенно другому делу, так что...

– Я охотно подожду в машине, – из вежливости сказала Робин, – если Анне удобнее будет побеседовать с Кормораном наедине.

– Ну... посмотрим, как настроена Анна.

Отступив назад, чтобы впустить посетителей, Ким распорядилась:

– Вверх по лестнице, в гостиную.

В доме явно был сделан капитальный ремонт, причем на самом высоком уровне. В отделке интерьеров преобладали беленая древесина и стекло. Спальню, как успела заметить Робин через открытую дверь, разместили на первом этаже, возле комнаты, напомилавшей кабинет. Наверху, под стеклянным колпаком, заметным с улицы, располагалось открытое пространство, которое совмещало в себе кухню, столовую и гостиную с великолепным видом на море.

Возле сверкающей дорогой кофемашины стояла Анна, одетая в мешковатый синий комбинезон из натуральной ткани и белые парусиновые туфли (по мнению Робин – стильные, по мнению Страйка – отстойные). Стянутые на затылке волосы подчеркивали изящную форму головы.

– Ой, здравствуйте. – При их появлении она вздрогнула. – Кофемашина шумит – я даже звонка не слышала.

– Анни, – начала Ким, входя следом за Страйком и Робин, – это Робин Эллакотт, ее привел Камерон в качестве своего... мм... партнера. Но она готова уйти, если ты предпочитаешь беседу...

– Корморан, – поправила ее Анна. – Ваше имя, наверное, часто коверкают? – обратилась она к Страйку.

– Чаще, чем хотелось бы, – ответил он с улыбкой. – Имя на самом деле совершенно нелепое.

Анна рассмеялась.

– Останьтесь, я не возражаю, – обратилась она к Робин, делая шаг вперед для рукопожатия; Робин притворилась, будто не заметила, каким взглядом Анна окинула длинный, до локтя, шрам у нее на руке.

– Присаживайтесь, прошу вас. – Ким жестом указала Страйку и Робин на встроенный полукруглый диван у низкого столика из оргстекла.

– Кофе? – предложила Анна, и визитеры согласились.

Бесшумно ступая по пятнам солнечного света, в комнату прокралась крупная трехцветная кошка породы рэгдолл с ясными голубыми глазами, совсем как у Джоан на другом берегу залива. После беззастенчивого осмотра чужаков она легко вспрыгнула на диван и устроилась на коленях у Страйка.

– Ирония судьбы, – сказала Ким, ставя на стол поднос с чашками и печеньем. – Кэгни безоговорочно предпочитает мужчин.

Из вежливости Страйк и Робин посмеялись. Анна принесла кофейник, и хозяйки дома уселись бок о бок, лицом к Страйку и Робин, которых нещадно слепило солнце; хорошо еще, что Анна догадалась взять пульт и опустить кремовые жалюзи.

– Чудесный дом, – сказала Робин, оглядываясь по сторонам.

– Спасибо, – отозвалась Ким. И добавила, погладив Анну по коленке: – Это ее заслуга. Она архитектор.

Анна прочистила горло.

– Хочу извиниться, – начала она, в упор глядя на Страйка своими необычными серебристо-серыми глазами, – за свое вчерашнее поведение. Я выпила больше, чем следовало. Вы наверняка решили, что я не в себе.

– С такими мыслями, – ответил Страйк, – я бы сейчас здесь не сидел. – И погладил громко урчащую кошку.

– Мое обращение к экстрасенсу наверняка создало у вас ложное... Поверьте, Ким уже отругала меня за глупость.

– Я не говорила, что ты глупая, Анни, – спокойно заметила Ким. – Я говорила, что ты внушаемая. Это не одно и то же.

– Разрешите узнать: что конкретно сказал вам экстрасенс? – спросил Страйк.

– А это существенно? – насторожилась Ким и, как отметила Робин, с подозрением уставилась на Страйка.

– Для расследования – нет, – сказал Страйк, – но поскольку Анна обратилась ко мне именно под влиянием его... ее?... слов...

– Это была женщина, – сказала Анна, – и, по сути, она не сообщила мне ничего полезного... я же не...

С нервным смешком она покачала головой и начала заново:

– Поступок дурацкий, не спорю. Мне... у меня сейчас трудное время... Я уволилась из фирмы, мне вот-вот стукнет сорок, и... понимаете, Ким была в командировке, а мне... мне, наверно, понадобилось...

Она взмахнула руками, словно отгоняя эти мысли, а потом продолжила:

– Женщина совершенно заурядного вида, проживает в Чизике. Весь дом заставлен ангелочками... керамическими, стеклянными, а один, вышитый на бархате, висит над камином. Ким... – с нажимом произнесла Анна, и Робин покосилась на женщину-психолога, сидящую с бесстрастным видом, – Ким считает, что она... та ясновидящая... заранее разузнала, кем была моя мать... нашла все данные в интернете. Я ведь назвалась своим именем. А приехав к ней, только сообщила, что моя мать давно умерла... хотя, конечно... – Анна вновь нервно всплеснула тонкими руками, – никаких доказательств смерти матери у меня нет... это еще не... но, как бы то ни было, я сказала ясновидящей, что моя мать умерла, а как это случилось, мне до

сих пор толком не известно. Тогда эта женщина вошла... по-моему, говорится так: «вошла в транс», – смущенно продолжала Анна, – и сказала, что в свое время кое-кто считал нужным меня оградить для моего же блага, но теперь близок момент истины и мне скоро будет знамение. А еще она говорила: «Твоя мать очень тобой гордится», «Она всегда тебя охраняет» и так далее... видимо, это шаблонные фразы, а под конец добавила: «Покоится она в священном месте».

– Покоится она в священном месте? – переспросил Страйк.

– Именно так. Наверное, хотела меня утешить, но я даже в церковь не хожу. Святость – или приземленность – места упокоения моей матери... если, конечно, она похоронена... это сейчас не главная проблема.

– Не возражаете, если я буду делать кое-какие заметки? – спросил Страйк.

Он достал ручку и блокнот; кошка Кэгни, видимо, решила, что ей предлагают новую забаву, и, пока Страйк записывал дату, пыталась ухватить когтями ручку.

– Иди сюда, глупое животное. – Ким, встав со своего места, взяла кошку на руки, чтобы опустить на теплый деревянный пол.

– Теперь давайте по порядку, – сказал Страйк. – Когда пропала ваша мать, вы, очевидно, были еще младенцем.

– Чуть больше года, – ответила Анна, – так что я совсем ее не помню. В моем детстве фотографий матери в доме не было. Долгое время я вообще понятия не имела, что с ней произошло... Естественно, интернет появился позже... короче, после замужества она сохранила девичью фамилию. А я росла под фамилией отца и звалась Анной Фиппс. Доведись мне лет в одиннадцать услышать имя Марго Бамборо, у меня бы даже мысли не возникло, что она имеет ко мне хоть какое-то отношение. В раннем детстве я считала своей мамой Синтию, которая меня вынянчила. Она приходится троюродной сестрой моему отцу, хотя намного его младше, – объяснила Анна, – но тоже носит фамилию Фиппс, и я считала, что мы – образцовая семья. Ну то есть... ничто не вызывало сомнений. Помнится, у меня, когда я пошла в школу, возник только один вопрос: почему я зову Синтию не мамой, а Син. Но когда они с отцом решили пожениться, мне было сказано, что при желании я теперь могу говорить ей «мама», и я еще подумала: ага, понятно, раньше мне из-за того приходилось обращаться к ней по имени, что они не были женаты. Дети многое додумывают сами, правда? У них своя, особая логика.

Когда мне было лет семь-восемь, моя одноклассница сказала: «Она тебе не мать. Твоя родная мать исчезла». Для меня это прозвучало какой-то дикостью. Ни у папы, ни у Синтии я допытываться не стала. А просто запрятала это известие подальше, но для себя решила – вероятно, на подсознательном уровне, – что получила объяснение некоторым странностям, которые были заметны мне и раньше, но оставались без ответов.

Только в одиннадцать лет я разложила все по полочкам. К этому времени чего я только не наслушалась в школе. Например: «Твоя родная мама сбежала». А потом один мальчик, самый зловредный, выдал: «Твою мать убили: ей голову отрезали».

Прибежала я домой, передала эти слова отцу. Хотела, чтобы он посмеялся, чтобы сказал «какая чушь», «вот ведь негодяй какой»... но отец побелел как полотно.

В тот же вечер они с Синтией попросили меня спуститься из спальни в гостиную, усадили перед собой и открыли мне правду. И все мои домыслы рухнули, – негромко сказала Анна. – Мыслимо ли представить, что такие ужасы могут коснуться твоих родных? Я обожала Син. И если честно, была к ней ближе, чем к отцу. А тут я узнаю, что она мне вовсе не мать, что они оба мне лгали, а попросту говоря, дурили мне голову своими недомолвками.

Теперь оказалось, что моя мать как-то вечером вышла из амбулатории и исчезла без следа. Последней, кто ее видел, была девушка из регистратуры. По ее словам, доктор направлялась в паб, что на той же улице, в пяти минутах. Там у нее была назначена встреча с близкой подругой. На встречу моя мать так и не пришла, а ее подруга, Уна Кеннеди, прождав час, решила, что моя мать перепутала день. Она позвонила нам домой. Матери дома не оказалось.

Отец стал названивать в регистратуру, но амбулатория уже не работала. На улице стемнело. Мать все не возвращалась, и отец заявил в полицию.

Следствие растянулось на долгие месяцы. И никаких результатов. Ни зацепок, ни улики... по крайней мере, так мне сказали, но с тех пор я нашла много материалов, где говорится совсем другое.

Я спрашивала и у папы, и у Син, где живут родители матери. Мне отвечали, что их уже нет в живых. Это соответствовало истине. Мой дед скончался от сердечного приступа через пару лет после ее исчезновения, а бабушка пережила его на один год и умерла от инсульта. Моя мать была единственным ребенком; других родственников, с кем я могла бы о ней поговорить, не осталось.

Помню, я попросила дать мне какие-нибудь ее фотографии. Отец сказал, что у него не сохранилось ни одной, а Син через пару недель где-то раскопала несколько снимков. При этом она умоляла меня не проболтаться отцу и хорошенько их спрятать. Так я и сделала; у меня был детский дорожный чемоданчик в виде кролика, и материнские фотографии хранились в нем много лет.

– Отец с мачехой не высказывали каких-нибудь предположений – что же все-таки могло случиться с вашей матерью? – спросил Страйк.

– Вы имеете в виду причастность Денниса Крида? – уточнила Анна. – Отдельные намеки проскальзывали, но в подробности меня никто не посвящал. Сказали только, что мать, видимо, лишил жизни... какой-то злодей. Им пришлось об этом заговорить после выходки того мальчишки.

До чего же мучительно было думать, что ее убил Крид... это имя открыли мне одноклассники – каждый рвался показать свою осведомленность. У меня начались ночные кошмары, в которых мать являлась мне без головы. Порой она будто наяву по ночам входила ко мне в спальню. Иногда в своих снах я раскапывала ее голову в ящике для игрушек.

На Синтию с папой я всерьез разозлилась, – продолжала Анна, заламывая пальцы. – Разозлилась, естественно, за их скрытность, но потом задумалась: а не скрывают ли они что-нибудь еще? Не причастны ли к ее исчезновению? А может, сами же и отправили ее на тот свет, чтобы не мешала их счастью? Меня как подменили, я начала прогуливать школу... однажды в выходной день сбежала, и домой меня вернули с полицией. Отец пришел в ярость. Конечно, задним числом его можно понять: после того, что случилось с матерью... мое исчезновение, пусть даже на считанные часы... Если честно, я превратила их жизнь в кромешный ад, – смущенно призналась Анна. – Но надо отдать должное Син: она была на моей стороне. И ни разу не отступилась. К тому времени у них с отцом уже родились свои дети – мои младшие брат и сестра. Син организовала семейную терапию, на каникулах придумывала разные способы нас сблизить, причем по собственной инициативе – отец всячески уклонялся от этих затей. Любые разговоры о матери вызывали у него вспышки гнева и злобы. Помню, как он разорался: неужели до меня не доходит, сколько *ему* пришлось пережить, и каково *ему* теперь, когда все кому не лень смакуют подробности, и какие чувства, с моей точки зрения, испытывает *он*... Когда мне исполнилось пятнадцать, я решила отыскать Уну – подругу, с которой мать договорилась встретиться в тот самый вечер... Кстати, они обе когда-то работали в нарядах плейбоевских зайчиков, – сообщила Анна с едва заметной улыбкой, – но в ту пору я еще этого не знала. Мне удалось найти координаты Уны в Вулвергемптоне, и она растрогалась, услышав в телефонной трубке мой голос. Мы с ней стали перезваниваться, причем к обоюдной радости. Я смогла узнать многое из того, что меня интересовало: какие мать любила шутки, какие предпочитала духи... оказалось – «Рив Гош»... и на другой день я взяла деньги, подаренные мне на день рождения, побежала в магазин и просадила всю сумму на флакон этих духов... и как она обожала шоколад, и как фанатела от Джони Митчелл. В воспоминаниях Уны мать представляла более живой, чем на фотографиях или в рассказах папы и Синтии.

Но отец прознал о моих контактах с Уной – и как с цепи сорвался. Вытребовал у меня ее номер телефона, позвонил и наговорил, что она сеет в нашей семье вражду, а я и так не в себе, что состою под наблюдением психиатра и мне противопоказано любое «возбуждение». Кстати, пользоваться духами «Рив Гош» он мне запретил – ему, видите ли, делалось дурно от этого запаха.

С Уной мы так и не встретились, и когда я, уже в возрасте за двадцать, попыталась возобновить наше знакомство, следов ее я не нашла. Допускаю, что она могла умереть. Я поступила в университет, уехала из дому и взялась читать все, что касалось Денниса Крида. У меня начались прежние кошмары, но я ни на шаг не приблизилась к пониманию происшедшего.

Оказывается, следователь, который вел это дело, инспектор криминальной полиции Билл Тэлбот, заведомо считал, что мою мать похитил Крид. Тэлбота, видимо, нет в живых – он уже тогда собирался в отставку.

Через пару лет у меня, еще студентки, возникла гениальная мысль создать свой сайт, – рассказывала дальше Анна. – Мне помогла девушка с нашего курса, прирожденная компьютерщица. А у меня в этом отношении был совершенно девственный ум, – вздохнула она. – Я выложила все сведения о себе и попросила присылать мне любую информацию о моей матери.

Можете себе представить, что тут началось. Чего только мне не писали: одни, явные психи, советовали, где копать, другие говорили, что эта история – дело рук моего отца, третьи утверждали, что я вовсе не дочь Марго Бамборо, а мошенница, жаждущая денег и публичности, четвертые, откровенно злобствуя, твердили, что моя мать сбежала с любовником или еще того хлеще. Связывались со мной и журналисты. Один опубликовал в «Дейли экспресс» грязный материал о нашей семье; другие вышли на моего отца – и тем самым вогнали последний гвоздь в гроб наших отношений. Которые так и не восстановились, – уныло добавила Анна. – Когда я призналась папе в своей ориентации, он, похоже, решил, что у меня в жизни одна цель: ему насолить. А Синтия за последние годы переметнулась на его сторону. Она теперь приговаривает: «У меня есть обязательства не только перед тобой, Анна, но и перед твоим отцом». Вот, собственно, к чему мы пришли, – закончила она.

В гостиной наступила короткая пауза.

– Ужасающая ситуация, – сказала Робин.

– Именно так, – согласилась Ким, вновь опуская руку на колено Анны, – и я, поверьте, целиком разделяю желание Анны поставить точку в этой истории. Но есть ли разумные основания полагать, – она перевела взгляд с Робин на Страйка, – не в обиду будь сказано... что по истечении столь длительного срока вы сумеете утереть нос полиции?

– Разумные основания? – переспросил Страйк. – Их нет.

Робин заметила, что Анна опустила свои большие глаза, внезапно наполнившиеся слезами. Этой далеко не юной женщине можно было только посочувствовать, но откровенность Страйка заслуживала уважения, которым, видимо, прониклась даже скептически настроенная Ким.

– А реальные перспективы таковы. – Страйк тактично просматривал свои записи, пока Анна тыльной стороной руки смахивала слезы. – Я считаю, у нас будет возможность поднять материалы дела благодаря неплохим связям в Главном полицейском управлении. Мы сможем вновь просеять имеющиеся сведения, повторно опросить свидетелей, если сохраняется такая возможность, и не по одному разу проверить каждую мелочь. Но велика вероятность того, что за давностью лет мы не сумеем утереть нос полиции, да к тому же перед нами встанут два серьезных препятствия. Первое – это отсутствие заключения судмедэкспертизы. Как я понимаю, ваша мать исчезла бесследно, это так? Полиция не обнаружила ни предметов одежды, ни автобусного билета – ничего.

– Да, это так, – пробормотала Анна.

– А второе вы и сами отметили: многие из тех, кто мог бы дать свидетельские показания, наверняка ушли в мир иной.

– И это тоже верно. – С носа Анны сбежала сверкающая на солнце слеза и упала на плек-сигласовый стол; Ким обняла супругу за плечи. – Не иначе как на меня влияет сорокалетний рубеж, – всхлипнула Анна, – но мне невыносимо думать, что я сойду в могилу, так и не узнав правды.

– Мне понятны ваши чувства, – сказал Страйк, – но никаких гарантий успешного завершения дела я дать не могу.

– Скажите, – вступила в беседу Робин, – не появилось ли за эти годы каких-нибудь улики или подвижек?

На этот вопрос ответила Ким. Встревоженная неприкрытым отчаянием Анны, она не отпускала ее от себя.

– По нашим сведениям – нет, правильно я говорю, Анни? Но любая информация такого рода в первую очередь была бы направлена отцу Анны. И не факт, что Рой захочет с нами поделиться.

– Он делает вид, будто ничего не произошло, ему так легче. – Анна вытерла слезы. – Притворяется, что моей матери никогда не существовало. И только одно ему мешает: ведь если моей матери не существовало, откуда взялась я? Хотите – верьте, хотите – нет, но меня гложет мысль, что она могла уйти без принуждения и просто не захотела вернуться, не захотела узнать, как сложилась моя судьба, или сообщить о себе. Невыносимо об этом думать. Моя бабушка по отцу – я никогда ее не любила, это была злобная особа – любила повторять, что, по ее глубокому убеждению, моя мать попросту сбежала. Чтобы не быть женой и матерью. Мучительно думать, что мать сознательно обрекла нас на этот ужас неизвестности и ни разу не провела свою родную дочь... Погибни она от рук Денниса Крида, это было бы страшно... жутко... но горе имело бы свое начало и свой конец. Я могла бы ее оплакивать, а не терзаться от мысли, что она живет себе где-то в другом месте, под другим именем и не желает нас знать.

Воспользовавшись очередной краткой паузой, Страйк и Робин допили кофе, а Ким сходила в кухонный отсек, чтобы оторвать от рулона бумажное полотенце.

В гостиной появилась вторая кошка-рэгдолл. Окинув презрительным взглядом четверку особей человеческой породы, она растянулась на полу в лучах солнца.

– Это Лейси, – сказала Ким, пока Анна вытирала лицо. – Она, вообще говоря, никого не любит, даже...

Страйк и Робин еще раз вежливо посмеялись.

– Как у вас поставлено дело? – жестко спросила Ким. – Какова система оплаты?

– Почасовая, – ответил Страйк. – Вы будете ежемесячно получать детализированный отчет. Могу направить вам прејскурант по электронной почте, но, думаю, вначале вам стоит взвесить все за и против, а потом уже принять решение.

– Не сомневайтесь, – ответила Ким, но тут же записала для Страйка свой электронный адрес и в тревоге посмотрела на Анну, которая сидела с поникшей головой, то и дело промокая глаза бумажным полотенцем.

Затекшая кулъя возмутилась под массой Страйка при его резком подъеме, но предварительная беседа уже закончилась, тем более что Анна давно умолкла и заливалась слезами. Немного сожалея о нетронутых печенье, сыщик пожал холодную руку Анны.

– В любом случае я вам благодарна, – сказала женщина, и у Страйка возникло ощущение, что он ее разочаровал: видимо, она надеялась услышать слово чести, клятву в успехе дела, которое оказалось не по зубам всем остальным.

Ким проводила их к выходу.

– Мы позвоним, – сказала она. – Сегодня вечером. Это удобно?

– Вполне. Будем ждать вашего звонка, – ответил Страйк.

Когда они спускались по залитой солнцем садовой лестнице, Робин оглянулась и увидела, что Ким провожает их каким-то испытующим взглядом, будто в сегодняшних визитерах ей открылось нечто неожиданное. Встретившись глазами с Робин, она задумчиво улыбнулась и затворила синюю дверь.

7

*В согласье долгим шли они путем
Через грады, веси, мимо стен твердыни...*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

На выезде из Фалмута Страйк заметно повеселел; Робин для себя объяснила это предвкушением нового дела. Она давно заметила, что любая интригуемая история захватывает Страйка целиком, вопреки любым житейским перипетиям.

Отчасти так оно и было – история Анны, безусловно, вызвала у него жгучий интерес, но основная причина такой смены настроения заключалась в другом: Страйк получил возможность на несколько часов дать отдых протезированной ноге и при этом унести подальше от своей сестры. Он опустил оконное стекло, чтобы впустить в салон старого автомобиля бодрящий морской воздух, закурил и, выдыхая дым в сторону от Робин, спросил:

– Моррис появлялся в конторе, пока меня не было?

– Как раз вчера его видела, – ответила Робин. – Оплатила ему текущие расходы за месяц.

– Вот здорово, молодчина, – сказал Страйк, – я как раз хотел напомнить. Кстати, как он тебе? Если верить Барклаю, с работой справляется, только в машине трендит без умолку.

– Угу, – равнодушно кивнула Робин, – поболтать он горазд.

– А вот по мнению Хатчинса, он без мыла куда хочешь влезет. – Страйк решил осторожно прозондировать почву.

От него не укрылось, что Моррис приберегает для Робин особый тембр голоса. А тот же Хатчинс обмолвился, что новый сотрудник допытывался у него насчет семейного положения и привязанностей Робин.

– Мм... – протянула Робин, – не знаю, мне трудно судить, я же с ним практически не общаюсь.

Помня о большом количестве заказов, с которыми едва справлялось агентство, и о нервном состоянии Страйка, она решила не критиковать нанятого им сотрудника, которому поручалось наружное наблюдение. Нехватка персонала ощущалась постоянно. Моррис, по крайней мере, знал свое дело.

– Пат его хвалит, – добавила она, отчасти из лукавства, и внутренне рассмеялась, когда Страйк нахмурился, покосившись в ее сторону:

– Тоже мне, нашла кому верить.

– Не злобствуй, – сказала Робин.

– Ты хоть понимаешь, что через неделю нам будет куда трудней от такой избавиться? У нее испытательный срок на исходе.

– Я и не думала от нее избавляться, – сказала Робин. – По-моему, к ней претензий нет.

– Тогда будешь головой отвечать, если она накосячит.

– Не буду я головой отвечать! – возмутилась Робин. – Не надо вешать на меня Пат. Решение о ее найме было принято нами сообща. Ты сам сказал, что у тебя уже в глазах рябит от временных...

– А ты сказала: «Может, и неплохо будет взять канцеляриста старой закалки» и еще: «Мы не вправе отказать ей из-за возраста...»

– Я не страдаю провалами в памяти и не приемлю дискриминацию по возрасту. Нам действительно требуется дисциплинированный работник, владеющий основами бухгалтерского учета, но именно ты...

- Да, я, но только для того, чтобы ты не долбала меня за дискриминацию по возрасту.
- ...именно ты предложил ей эту должность, – твердо закончила Робин.
- Не знаю, каким местом я думал, – пробормотал он, стряхивая за окно пепел.

В свои пятьдесят шесть лет Патриция Шонси выглядела на шестьдесят пять. Сухопарая, морщинистая, с обезьяньим личиком и ненатурально черными волосами, в приемной она не выпускала изо рта электронную сигарету, но после рабочего дня, едва ступив на тротуар, истово втягивала в себя дым «Суперкингсайз». По телефону ее иногда путали со Страйком из-за низкого, прокуренного голоса. Отвечая на звонки и решая организационные вопросы, она сидела в приемной за тем же столом, который до перехода на следственную работу занимала Робин.

В отношениях между Страйком и Пат с первого дня присутствовала агрессия, которая огорчала Робин, ценившую обоих. Она давно не удивлялась, что Страйк то и дело впадает в мрачность, и смотрела на это сквозь пальцы, особенно когда подозревала, что его мучат боли в ноге, но Пат без зазрения совести фыркала: «А спасибо сказать – язык отвалится?», если Страйк не рассыпался в благодарностях, получая от нее сообщения о телефонных звонках. Пат явно не испытывала никакого трепета перед знаменитым ныне детективом, не то что временные секретарши, одна из которых была уволена без выходного пособия, когда Страйк понял, что она тайком снимает его из приемной на свой мобильный. Более того, новая сотрудница только и ждала дискредитации босса: например, она не скрывала удовлетворения, прознав, что вмятина на одном из конторских шкафов оставлена кулаком Страйка.

Зато архив и картотека нынче содержались в образцовом порядке, бухгалтерия велась безупречно, все квитанции, тщательно рассортированные, подшивались в папки, ни один телефонный звонок не оставался без четкого ответа, сообщения передавались неукоснительно, запас чая в пакетиках и молока пополнялся вовремя, а сама Пат ни разу не опоздала на работу, даже при погодных катаклизмах или задержках поездов метро.

Что же до Морриса, он действительно сделался любимчиком Пат и получал львиную долю ее редких улыбок. Со своей стороны, Моррис неизменно окутывал ее своим голубоглазым обаянием и только после этого переключался на Робин. Пат с нетерпением предвкушала интрижку между молодыми коллегами.

– По всем статьям хорош, – на прошлой неделе сказала она Робин после телефонного разговора с Моррисом, который просил передать временно недоступному Барклаю, где тот сможет перехватить у него наружку по одному из наиболее крупных дел. – Ты должна это признать.

– Я ему ничего не должна, – с некоторым раздражением бросила Робин.

Мало того что Илса при каждой их встрече начинала петь дифирамбы Страйку, так теперь еще Пат в рабочее время подталкивала ее к Моррису.

– И то верно. – Пат даже бровью не повела. – Сперва пусть заслужит.

– Итак, – докурив сигарету, Страйк загасил ее в жестянке, которую Робин для этой цели возила с собой в машине, – с Хохолком разобрались. Ты классно сработала.

– Спасибо, – не стала отрицать Робин. – Теперь бы еще разобраться с прессой. Двоеженство – это всегда жареный факт.

– Точно, – подтвердил Страйк. – Ну, мы свое дело сделали, пускай теперь сам выкручивается. А нам лучше бы по возможности не светиться. Я переговорю с миссис Кэмпбелл-Виндзор. Теперь у нас остаются, – загибая толстые пальцы, он стал перечислять кодовые имена, – Повторный, Балерун, Открыточник и Жук.

В агентстве давно сложилась традиция давать прозвища как объектам, так и заказчикам, главным образом для того, чтобы случайно не проронить настоящее имя при посторонних или в электронном сообщении. Мистер Повторный и прежде пользовался их услугами, а теперь неожиданно всплыл после обращения в другие сыскные агентства, не оправдавшие его надежд. В прошлый раз Страйк и Робин провели расследование в отношении двух его сожительниц.

На поверхностный взгляд казалось, что этому человеку фатально не везет в любви, что его девушки, привлеченные жирным банковским счетом, просто не способны хранить верность. Однако со временем Страйк и Робин поняли, что от их измен мужчина получает смутное эмоциональное или сексуальное наслаждение и, более того, что сыщикам еще приплачивают за добытые улики – фетиш заказчика. Как только его подругу припирали к стенке фотосвидетельствами измены, она тут же с позором изгонялась, на ее место находилась другая, и механизм запускался вновь. В настоящее время клиент встречался с гламурной моделью, которая, к его плохо скрываемому разочарованию, еще не запятнала себя неверностью.

Двадцатичетырехлетний Балерун, чье незатейливое прозвище выбрал Моррис, нынче крутил роман с дважды разведенной тридцатидевятилетней дамой, известной как своим давним пристрастием к наркотикам, так и огромным доверительным фондом. Папаша светской львицы поручил агентству раскопать какие-нибудь сведения о личной жизни и привычках Балеруна, способные отвратить дочь от этого прохвоста.

Темной лошадкой пока оставался Открыточник. В полицию обратился немолодой и, с точки зрения Робин, совершенно непривлекательный телевизионный синоптик, но следователи не усмотрели состава преступления в том, что ему регулярно поступают некие почтовые открытки, которые приходят на адрес телестудии, а то и доставляются на дом, но только по ночам. Угроз сообщения не содержали: они сводились к самым банальным комментариям насчет его галстуков, но в то же время Открыточник был куда шире осведомлен о передвижениях и личной жизни синоптика, нежели дозволено незнакомцу. Да и выбор открыток в качестве средства связи тоже удивлял: всякие преследования давно осуществлялись более простым способом – через интернет. Внештатный сотрудник агентства Энди Хатчинс две недели вел ночное наблюдение за домом синоптика, но Открыточник будто сквозь землю провалился.

Последний, самый прибыльный и довольно интересный заказ касался Жука, молодого инвестиционного банкира, чей стремительный карьерный рост, естественно, вызывал среди недооцененных начальством коллег серьезные обиды, которые сменились взрывом подозрений, когда молодого сотрудника назначили на вторую по значимости руководящую должность в обход троих куда более квалифицированных кандидатов. Какие рычаги были у Жука для воздействия на президента банка (именуемого в агентстве БЖ – «Босс Жука») – над этим теперь задумались не только подчиненные Жука, но и некоторые дотошные члены правления, которые назначили Страйку встречу в одном из затемненных баров лондонского Сити, чтобы изложить свои подозрения. Страйк решил действовать через секретаря-референта Жука и поручил Моррису – под вымышленным именем и не разглашая, чем занимается, – свести с референткой знакомство и вызвать ее на откровенность, чтобы прощупать степень ее преданности начальнику.

– Тебе нужно быть в Лондоне к определенному часу? – после недолгой паузы осведомился Страйк.

– Нет, – ответила Робин. – А что?

– Может, остановимся перекусить? – предложил Страйк. – Я сегодня даже позатракать не успел.

Вспомнив, что на его тарелке в «Паласио-лаунж» лежал слой крошек от круассана, Робин тем не менее решила не спорить. Страйк будто угадал ее мысли:

– Круассаны вообще не считаются. В них один воздух.

Робин засмеялась.

Невзирая на усталость, до кафе «Сабвей» в ресторанном комплексе «Корнуолл сервис» они добрались в почти беспечном настроении. Робин, верная своему решению перейти на более здоровую пищу, принялась за зеленый салат, а Страйк, утолив первый голод несколькими кусками сэндвича с бифштексом и сыром, отправил Ким стандартное электронное сообщение с расценками услуг агентства, после чего сказал:

– Сегодня утром с Люси расплевался.

Робин заключила, что скандал вышел нешуточный, коль скоро Страйк завел о нем речь.

– В пять утра выхожу в сад, спокойно курю, никого не трогаю.

– Рановато для конфликтов, – отметила Робин, безразлично шевеля вилкой салатные листья.

– И что ты думаешь: узнаю от сестры, что у нас, оказывается, идет гонка с препятствиями «Кто больше любит Джоан». А я – ни сном ни духом, что меня включили в состав участников.

С минуту он молча жевал, а затем продолжил:

– На финишной прямой я ей сообщил, что Адам – змееныш и слюняй, а Люк – полный засранец.

Робин, которая мелкими глотками отпивала воду, поперхнулась и закашлялась. Посетители, сидевшие за соседними столиками, начали оглядываться на женщину, которая задыхалась и брызгала слюной. Схватив со стола бумажную салфетку, Робин вытерла подбородок и слезящиеся глаза, а потом прохрипела:

– Почему... за каким чертом ты это ляпнул?

– Да потому, что Адам – змееныш и слюняй, а Люк – полный засранец.

Вода попала Робин не в то горло: все еще пытаюсь прокашляться, она смеялась сквозь слезы, но качала головой.

– Ты совсем обалдел, Корморан, – сказала она, когда к ней вернулся дар речи.

– Тебе легко говорить: ты не кантовалась с ними целую неделю под одной крышей. Люк сломал мои новые наушники, а потом схватил протез и умчался с ним в сад, поганец мелкий. А у Люси еще хватило наглости кинуть мне предьяву, что, мол, Джек у меня любимчик. Конечно любимчик: единственный нормальный ребенок.

– Пусть так, но мыслимо ли сказать *матери*...

– Я и сам знаю, – угрюмо перебил Страйк. – Позвоню, извинюсь. – (Они помолчали.) – Но какого хрена, – прорычал он, – меня заставляют таскать за собой всю троицу? Тем двоим вообще плевать на армию. «Адам весь вечер плакал, когда Джек вернулся из „Военных комнат“ Черчилля!» Ну ёшки-вошки. Да этот уродец просто обзавидовался, что я Джеку какие-то мелочи купил, вот и все. Послушать Люси – так я должен каждые выходные с ними валандаться, а они мне по очереди указывать будут: сегодня в зоопарк, сегодня, мать твою, на картинг – и все хорошее, что связывало нас с Джеком, пойдет псу под хвост. Да, к Джеку я прикипел, – выговорил Страйк и, похоже, сам удивился. – У нас общие интересы. Что за навязчивая идея – заставить меня относиться ко всем одинаково? Пусть зарубят себе на носу: они мне не указ. Если я с кем-то в родстве, это не значит, что можно меня оседлать и погонять. Она хочет, чтобы я двоим другим тоже подарки привозил? Хорошо. – Поднятыми руками он очертил в воздухе квадрат. – «Не будь засранцем». Привезу такую дощечку Люку на стену.

Они накупили в дорогу всякой всячины и продолжили путь. Перед выездом на трассу Страйк извинился, что не сможет подменить Робин за рулем: допотопный «лендровер» был суров к его протезу.

– Не важно, – сказала Робин. – Я сама поведу. Что смешного? – спросила она, заметив, как Страйк с ухмылкой роется в пакете.

– Земляника-то у них английская, – сообщил он.

– И в чем юмор?

Он объяснил, что Дейв Полворт приходит в ярость, когда товары корнуолльского производства не маркируются соответствующим образом, и кичится, что местные жители, участвуя в социологических опросах, все чаще именуют себя не англичанами, а корнуолльцами.

– Теория социальной идентичности – любопытная штука, – отметила Робин. – И теория самокатегоризации тоже. Нам в универе лекции читали. Представь себе, такие феномены влияют не только на структуру общества, но и на экономику.

На протяжении нескольких минут она с энтузиазмом просвещала Страйка, но, скосив глаза в его сторону, поняла, что он крепко спит. Глядя на его серое от усталости лицо, Робин решила, что обижаться не стоит, как не стоит и ждать иной реакции, кроме храпа, однако на подъезде к Суиндону Страйк вздрогнул и проснулся.

– Зараза, – пробормотал он. – Надолго я вырубился?

– Часа на три, – ответила Робин.

– Зараза, – повторил он, – ты уж прости, – и тут же потянулся за сигаретой. – Я неделю промаялся на дико неудобном диване, а милые детки каждое утро будили меня ни свет ни заря. Достать тебе что-нибудь пожевать?

– Давай, – сказала Робин, поставив крест на диете. Ей нестерпимо захотелось чего-нибудь бодрящего. – Шоколадку. Хоть английскую, хоть корнуолльскую – без разницы.

– Прости. – За время поездки Страйк извинялся уже в третий раз. – Ты начала рассказывать про какую-то социальную теорию, так?

Робин усмехнулась:

– Ты задрых аккурат в тот момент, когда я излагала тебе увлекательные тезисы о прикладном значении теории социальной идентичности для следственной практики.

– И в чем же оно выражается? – спросил Страйк, чтобы только загладить свою бестактность.

Прекрасно понимая, что других причин интересоваться этим вопросом у него нет, Робин ответила:

– Если вкратце, то все мы стремимся отнести друг друга и самих себя к какой-либо социальной группе, но при этом склонны преувеличивать сходство между членами одной и той же группы и преуменьшать сходство между своими и чужими.

– Значит, ты утверждаешь, что корнуолльцы – не на сто процентов соль земли, так же как не все поголовно англичане – напыщенные мудаки? – Страйк развернул шоколадку «Нестле» и вложил в ладонь Робин. – Хочешь – верь, хочешь – нет, но я при первой же возможности попробую донести это до Полворта.

Отодвинув в сторону купленную Робин коробку земляники, Страйк откупорил банку кока-колы, сделал глоток, а потом закурил и стал наблюдать, как по мере приближения к Лондону небо окрашивается кровавым закатом.

– Представь себе: Деннис Крид еще жив, – сказал он, провозжая взглядом уже с трудом различимые придорожные деревья. – Не далее как сегодня утром читал о нем в Сети.

– И где отбывает срок? – спросила Робин.

– В Бродмуре, – ответил Страйк. – Сперва сидел в Уэйкфилде, затем в Белмарше, а с девяносто пятого – в Бродмуре.

– Какой ему поставили психиатрический диагноз?

– Сведения противоречивы. На суде члены комиссии разошлись во мнениях относительно его вменяемости. Необычайно высокий ай-кью. Присяжные в конце концов согласились, что он способен к осознанию творимого зла, а потому отправили его за решетку, а не на лечение. Но за минувшие годы у него как пить дать развились симптомы, требующие медицинского вмешательства. На основании этого очень краткого обзора можно заключить, – продолжал Страйк, – почему начальник следственной группы решил, что Марго Бамборо, скорее всего, стала одной из жертв Крида. В том районе якобы видели мчавшийся на опасной скорости белый фургон, причем именно в то время, когда Марго Бамборо шла пешком в сторону «Трех королей». А Крид, как известно, – добавил Страйк в ответ на немой вопрос Робин, – использовал фургон.

Вдоль трассы зажглись фонари; Робин доела шоколадку и процитировала:

– «Покоится она в священном месте».

Выпустив дым, Страйк фыркнул:

– Типичная экстрасенсова фигня.

– Ты так считаешь?

– Да, черт возьми, я так считаю! – бросил Страйк. – Очень удобно сыпать мистическими штампами из кроссвордов. И хватит меня лечить.

– Ладно, не сердись. Это просто мысли вслух.

– Любое место при желании можно прозвать «священным». Взять хотя бы Кларкенуэлл, где она пропала, – да там каждый клочок земли связан с религиозными событиями. С монашеством и так далее. Тебе известно, где проживал Деннис Крид в семьдесят четвертом году?

– Ну говори.

– В Парадиз-парке, Ислингтон, – объявил Страйк.

– Вот оно что, – сказала Робин. – По-твоему, ясновидящая действительно знала, кем была мать Анны?

– Надумай я изображать экстрасенса – не сомневайся: первым делом погуглил бы имя нового клиента. Но вполне возможно, это был профессиональный прием, нацеленный на утешение, как и сказала нам Анна. Намек на достойные похороны. Как ни ужасен был конец Марго Бамборо, он теперь овеян святостью места, где лежат ее останки. Крид, между прочим, признался, что разбрасывал обломки костей прямо в Парадиз-парке. Швырял на цветочные клумбы и затапывал.

Хотя в автомобиле по-прежнему было душно, у Робин по спине пробежал внезапный холодок.

– Упыри поганые! – вырвалось у Страйка.

– Кто?

– Медиумы, ясновидящие, все эти продажные твари... пьют людскую кровь.

– Неужели ты считаешь, что ни один из них не верит в то, что делает? Не верит, что получает вести из потустороннего мира?

– Я считаю, что в мире полно психов и чем меньше мы будем вознаграждать их за психоз, тем лучше для всех нас.

У Страйка в кармане зазвонил телефон.

– Корморан Страйк слушает.

– Да, алло... это Анна Фиппс. Тут рядом со мной Ким.

Страйк включил громкую связь.

– Надеюсь, вы нас хорошо слышите, – сказал он в трубку, перекрывая шум и грохот «лендровера». – Мы еще в пути.

– Да, шум довольно сильный.

– Я приторможу, – сказала Робин и мягко свернула в асфальтированный «карман».

– Вот, так лучше, – подтвердила Анна, и Робин выключила двигатель. – Знаете, мы с Ким посоветовались и решили все же воспользоваться вашими услугами.

Робин захлестнуло волнение.

– Отлично, – сказал Страйк. – В меру своих сил будем очень рады помочь.

– Но есть одно условие. – К разговору подключилась Ким. – Вследствие психологических и, не скрою, финансовых причин мы бы хотели установить крайний срок расследования. Если полиция не справилась с этим делом за сорок лет, то, может статься, вы будете вести розыск еще сорок лет и ни к чему не придете.

– Это не исключено, – согласился Страйк. – Итак, какие будут предложения?

– Мы считаем, один год. – Анна занервничала. – А вы... как по-вашему, это реальный срок?

– На вашем месте я бы предложил то же самое, – сказал Страйк. – Если честно, ранее чем за двенадцать месяцев мы вряд ли управимся.

– Вам от меня больше ничего не нужно, чтобы приступить к делу? – Анна еще сильнее разволновалась, но и воспрянула духом.

– Я подумаю и непременно сообщу. – Страйк держал наготове блокнот. – Но по-видимому, целесообразно будет побеседовать с вашим отцом и Синтией.

На другом конце повисла мертвая тишина. Страйк и Робин переглянулись.

– Из этого наверняка ничего не выйдет, – заговорила Анна. – Прошу прощения, но если отец узнает, что я затеяла, он мне этого не простит.

– А Синтия?

– Дело в том, – раздался голос Ким, – что отец Анны в последнее время хворает. В той семье Синтия более уравновешенна, однако сейчас она не сделает ни единого шага вопреки воле Роя.

– Нет проблем, – заверил ее Страйк и, повернувшись к Робин, вздернул брови. – Наша первоочередная задача – получить доступ к полицейскому досье. В ближайшее время я направлю вам по электронной почте бланк нашего стандартного договора. Попрошу вас его распечатать, подписать и отправить на наш адрес, тогда мы сможем начать.

– Спасибо, – сказала Анна.

Затем с небольшой задержкой высказалась и Ким:

– О'кей, все тогда.

Разговор закончился.

– Ну и ну, – сказал Страйк. – Нам впервые достался всяк. Это даже интересно.

– И времени вагон, – добавила Робин, вырuling на трассу.

– Если мы будем изображать кипучую деятельность, – сказал Страйк, – они сами попросят о продлении срока.

– Ни пуха нам ни пера, – съязвила Робин. – Ким согласилась на годичный срок только для того, чтобы потом сказать Анне: вот видишь, мы испробовали все средства. Готова прямо сейчас поспорить с тобой на пять фунтов, что продления срока не будет.

– Принимаю пари на твоих условиях, – согласился Страйк. – Если с нашей стороны будет хоть какой-то намек на подвижки, Анна захочет идти до победного конца.

На последнем этапе пути они обсуждали текущие расследования и сами не заметили, как доехали до Денмарк-стрит, где Робин высадила Страйка.

– Корморан... – окликнула она, когда Страйк забирал брошенный на заднее сиденье рюкзак. – Тебе вчера был звонок от Шарлотты Кэмпбелл. Она сказала, у нее для тебя есть кое-что нужное.

На какой-то краткий миг Страйк обернулся к Робин с непроницаемым видом.

– Ну-ну. Спасибо. Ладно, завтра увидимся. Нет, не увидимся, – возразил он сам себе. – Завтра у тебя выходной. Отдыхай.

Хлопнув задней дверью, он взвалил рюкзак на плечо, опустил голову и похромал к входу в агентство, а Робин, вконец обессиленная, так и не поняла, нужна ему таинственная вещица, которую предлагает Шарлотта Кэмпбелл, или не нужна.

Часть вторая

Явила Осень желтый свой наряд...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

8

*Сколь жутки были скорбные страницы,
Что он прочел...*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Когда Страйк и Робин сообщили весть о двоеженце-муже бледной женщине, которую между собой прозвали «миссис Хохолок-вторая», в комнате на пару минут воцарилось молчание. Во вторник утром весь ее небольшой, но уютнейший дом в центре Виндзора будто притих: сын с дочкой были в детском саду, а сама она перед приходом посетителей занималась уборкой. В воздухе пахло средством для полировки мебели, а на ковре виднелись следы от пылесоса. На сверкающем кофейном столике лежали десять сделанных в Торки снимков Хохолка, на которых он (без накладного хохолка), смеясь, выходил из пиццерии с двумя подростками, как две капли воды похожими на детишек, прижитых им в Виндзоре, и на ходу обнимал улыбающуюся женщину почти такого же вида, как и клиентка детективного агентства, только постарше.

Робин отчетливо помнила, каково ей было увидеть выпавшую из супружеской постели сережку Сары Шедлок, и понимала, какие муки стыда и унижения скрываются сейчас за этой неподвижной бледностью. Страйк произносил вежливо-сочувственные фразы, но Робин готова была поспорить на всю сумму своего банковского счета, что миссис Хохолок его не слышит; словно в доказательство ее правоты миссис Хохолок резко вскочила с места и едва устояла на ногах от сильнейшего озноба. Прервавшись на полуслове, Страйк тяжело поднялся со стула, готовый ее подхватить. Но женщина, даже не глядя на него, шаткой походкой вышла из комнаты. Вскоре распахнулась парадная дверь, и детективы увидели, как их клиентка, вооруженная клюшкой для гольфа, подходит к припаркованной у дома красной «ауди Q3».

– Дьявольщина! – вырвалось у Робин.

Когда они подоспели, миссис Хохолок-вторая уже разбила лобовое стекло и несколько раз ударила по крыше, оставив на ней глубокие вмятины. Из всех окон глазели соседи, а в доме через дорогу захлебывались истерическим лаем два шпица. Страйк вырвал из женской руки клюшку номер четыре; миссис Хохолок бросила ему в лицо ругательство, попыталась вернуть себе орудие мести, а потом залилась неудержимыми слезами.

Робин обхватила клиентку за плечи и решительно повела в дом; Страйк поспевал сзади, сжимая клюшку. В кухне Робин поручила ему приготовить кофе и найти где-нибудь бренди. По ее совету миссис Хохолок позвонила брату и упростила его приехать как можно скорее, но, когда она начала скролить список контактов, чтобы набрать номер Хохолка, Робин выхватила мобильный из ее ухоженных пальцев.

– Отдайте! – выпучив глаза, потребовала миссис Хохолок, готовая ввязаться в драку. – Подлец... скотина... хочу с ним поговорить... дайте сюда!

– Вы не о том думаете. – Страйк поставил перед ней кофе и бренди. – Он уже доказал, что ловко скрывает от вас и недвижимость, и деньги. Вам сейчас нужен самый прожженный адвокат.

Они посидели с клиенткой, пока не приехал ее брат – одетый в дорогой костюм руководитель кадровой службы. Досадуя, что его выдернули из кресла в середине рабочего дня, он никак не мог взять в толк, о чем идет речь, и уже довел Страйка до белого каления. Если бы не вмешательство Робин, скандала было бы не избежать.

– Вот баран! – возмущался Страйк на обратном пути. – Когда этот сукин сын женился на твоей сестре, он был женат на другой. Что тут непонятного?

– Очень много непонятного, – с резкими нотками в голосе сказала Робин. – Человек не может предвидеть такого стечения обстоятельств.

– Как думаешь, они меня услышали, когда я попросил не ссылаться на наше агентство?

– Не слышали, – ответила Робин.

И оказалась права. Через две недели после той поездки в Виндзор утренние газеты разместили на первых полосах красноречивые фотографии Хохолка и трех его женщин, на внутренних полосах – портреты Страйка, а в одном из таблоидов имя частного сыщика даже фигурировало в заголовке. Ему посвящались отдельные новостные сюжеты – уж очень эффектно смотрелись рядом знаменитый детектив и приземистый, лысеющий толстосум, ухитрившийся завести себе две семьи и любовницу.

В тех редких случаях, когда Страйку приходилось давать свидетельские показания на громких процессах, он отпускал окладистую бороду, которая росла на удивление быстро, а газетчикам предоставлял старый снимок, изображавший его в военной форме. Нынешняя профессия не предполагала узнаваемости, и когда в агентство ломились требующие комментариев представители прессы, он вовсе не жаждал их видеть. Но ураган публичности, достигший небывалой силы, сместился в сторону обманутых жен Хохолка, которые образовали агрессивный союз против изменника-мужа. Распробовав вкус известности, они не только дали совместное интервью одному женскому журналу, но и сообща поучаствовали в дневных телеэфирах, где обсудили свою непростительную слепоту, потрясение и неожиданную дружбу, дали слово, что Хохолок еще попомнит те дни, когда встретил первую и вторую, а также адресовали плохо завуалированное предупреждение его любовнице из Глазго (которая, кстати, не отступилась от Хохолка), чтобы та ни на что не рассчитывала, потому как официальные жены уж точно оберут этого негодяя до нитки.

Стоял сентябрь, прохладный и переменчивый. Страйк позвонил Люси, чтобы извиниться за грубость в адрес ее детей, но она не смягчилась – очевидно, рассудила, что брат извинился лишь за слетевшие с языка слова, но даже не подумал забрать их назад. У Страйка гора свалилась с плеч, когда он узнал, что с началом учебного года мальчишки стали посещать спортивные секции выходного дня, а потому во время следующего визита в Сент-Моз он уже получил другое спальное место и возможность общения с Тедом и Джоан без прокурорского присутствия Люси.

Тетушка порывалась, как прежде, кормить его домашними обедами, но заметно ослабела от химиотерапии. Больно было видеть, как она едва передвигается по кухне, но никакая сила не могла заставить ее присесть, и даже уговоры Теда не действовали. В субботу вечером, уложив жену спать, дядя разрыдался у Страйка на плече. Тед, всегда служивший для племянника нерушимым, незыблемым бастионом стойкости, и Страйк, способный заснуть в любой обстановке, не смыкали глаз до половины третьего ночи; глядя в темноту, несравнимую с лондонской, Страйк раздумывал, не побыть ли у стариков подольше, и презирал себя за решение вернуться в Лондон.

Но если честно, в агентстве накопилось столько работы, что ему было совестно вновь перекладывать ее на плечи Робин и внештатных сотрудников, а самому прохладиться в Кор-

нуолле. Не считая пяти текущих расследований, они с Робин постоянно занимались административными вопросами, связанными с привлечением дополнительной рабочей силы и продлением договора аренды хотя бы на год – помещение принадлежало застройщику, который выкупил все здание целиком. Много времени отнимали также попытки возобновить связи в полиции, чтобы раздобыть материалы дела сорокалетней давности об исчезновении Марго Бамборо. Моррис раньше служил в Главном полицейском управлении, равно как и Энди Хатчинс, их самый преданный внештатный сотрудник, неприметный, мрачноватый человек, которому, к счастью, удалось замедлить течение хронического заболевания, и оба они, каждый со своей стороны, тоже искали подходы к бывшим коллегам, но все запросы агентства разбивались о глухую стену – ответы варьировали от «Мыши сгрызли, не иначе» до «Отцепись, Страйк, не до тебя сейчас».

Как-то дождливым вечером, когда Страйк пешком ходил по Сити за Жуком, стараясь не выдать себя хромотой и молча проклиная уже второго торговца дешевыми зонтами, разложившего свой товар посреди тротуара, у него зазвонил мобильный. Решив, что в агентстве возникла очередная проблема, требующая неотложного решения, он был застигнут врасплох незнакомым голосом:

– Здорово, Страйк. Это Джордж. Слышал я, ты решил копнуть дело Бамборо?

С инспектором уголовной полиции Лэйборном они сталкивались лишь однажды, и, хотя в тот раз помощь Главному управлению оказало агентство, а не наоборот, Страйк не считал это знакомство достаточно тесным, чтобы просить Лэйборна об одолжении.

– Здорово, Джордж. Ты правильно слышал, – отвечал Страйк, глядя в спину Жука, входящего в винный бар.

– Если интересно, можем пересечься завтра в шесть вечера. В «Фезерс», пойдет? – предложил Лэйборн.

Страйк попросил Баркляя, чтобы тот его подменил, и на другой день отправился в паб неподалеку от Скотленд-Ярда, где за стойкой уже сидел Лэйборн. С брюшком, седой, в годах, Лэйборн взял две пинты «Лондон прайд», и мужчины перешли за угловой стол.

– Мой старик еще при Билле Тэлботе работал по делу Бамборо, – сообщил Лэйборн. – От него я и узнал. Какие у тебя подвижки?

– Никаких. Просматриваю старые газеты, пытаюсь найти персонал той амбулатории, откуда она пропала. А чем еще заниматься, не видя полицейского досье? Вот только никто навстречу не идет.

Лэйборн, который, как помнилось Страйку, любил вставить в разговор крепкое словцо, на сей раз вел себя более сдержанно.

– В этом деле Бамборо черт ногу сломит, – тихо сказал он. – Тебе насчет Тэлбота уже шепнули?

– Продолжай.

– Крыша съехала, – сказал Лэйборн. – Натурально мозгами трахнулся. Он и раньше с тараканами был, но в семидесятые годы на это сквозь пальцы смотрели. Причем, заметь, для своего времени следователь был классный. Младшие офицеры замечали, что он не в себе, но когда по начальству доложили, им быстренько заткнули рты. Корпел он над делом Бамборо полгода, и вдруг среди ночи жена вызывает ему «скорую» – и отправляет в дурдом. Потом его на пенсию спровадили, и к этому делу он уже не вернулся – время было упущено. Вот уж десять лет с гаком, как его нет в живых, но слышал я, он так и не простил себе, что запарол расследование. Когда подлечился, чуть от стыда не помер.

– А как он расследование запарол?

– Переоценивал свою интуицию, на улики болт забивал, свидетелей не опрашивал, за исключением тех, что вписывались в его версию...

– ...которая сводилась к тому, что Бамборо похитил Крид, так?

– Точно, – сказал Лэйборн. – Хотя Крида в ту пору еще называли Эссекский Мясник – трупы первых двух жертв он вывез в Эппинг-Форест и в Чигуэлл. – Лэйборн сделал длинный глоток. – А Джеки Эйлетт по частям собирали на свалке промышленных отходов. Он – животное, другого слова нет. Животное.

– А кому поручили следствие после Тэлбота? – спросил Страйк.

– Был там один, Лоусон. Кен Лоусон, но он полгода потерял, следы остыли – досталось ему не дело, а натуральный бардак... Да и момент она неудачно выбрала, эта Марго Бамборо, – добавил Лэйборн. – Знаешь, что случилось месяц спустя после ее исчезновения?

– Что?

– Исчез лорд Лукан, – ответил Лэйборн. – Попробуй-ка удержать на первых полосах пропавшую докторшу, когда нянюшку члена палаты лордов нашли забитой насмерть, а сам он пустился в бега. Тогда как раз всплыли фотки из клуба «Плейбой» – тебе известно, что Бамборо снималась в костюме зайчика?

– Ну да, – подтвердил Страйк.

– Ей надо было за учебу платить, – продолжал Лэйборн, – но, если верить моему старику, родня ее не хотела полоскать грязное белье. Уперлись рогом, хотя эти фотки определенно могли помочь следствию. Ну, против родни не попрешь, так ведь?

– А как считает твой отец: что на самом деле с ней произошло? – спросил Страйк.

– Ну, если честно, – вздохнул Лэйборн, – он считает, что Тэлбот, скорее всего, был прав: Крид ее похитил. Ничто не предвещало ее бегства: паспорт дома оставила, ни чемодана, ни сумки с собой не взяла, ни даже смены одежды. Работа стабильная, деньги капали, опять же дитя малое.

– В голове не укладывается, – заговорил Страйк. – Здоровая женщина двадцати девяти лет как сквозь землю провалилась на людной улице – и никто ничего не заметил.

– Это верно, – кивнул Лэйборн. – Крид обычно хмельных подбирал. Но с другой-то стороны: вечер был темный, дождливый. Этим он тоже раньше пользовался. Ловко девиц убалтывал, сочувствие к себе вызывал. Две-три сами к нему на квартиру пришли.

– В том районе видели такой же фургон, как у Крида, верно?

– Ага, – подтвердил Лэйборн, – и, если верить моему папаше, никто этот фургон толком не проверил. Тэлбот слышать не желал, что водила мог спешить к себе домой чай пить. Уж казалось бы, чего проще, но нет, не стали заморачиваться. А я вот, к примеру, слышал, что прежний хахаль этой Бамборо поблизости ошивался. Не хочу сказать, что он ее и убил, но, по отцовским рассказам, Тэлбот, когда с этого перца показания снимал, половину времени допытывался, где тот был в ночь нападения на Хелен Уордроп.

– Кого-кого?

– Да проститутки. Которую Крид пытался похитить в семьдесят третьем. Ты же знаешь, он пару раз обломался. Взять хотя бы Пегги Хискетт – эта от него еще в семьдесят первом сбежала, в полицию пришла, словесный портрет составила, да только это не помогло. Крид ей запомнился как чернявый, плотного сложения, но это лишь потому, что он парик носил и в подбитое ватой бабье пальто кутался. А взяли его в конце концов благодаря Мелоди Бауэр. Певичка из ночного клуба, вылитая Дайана Росс. Крид подвалил к ней на автобусной остановке, предложил подвезти, стал в фургон подсаживать, а она ни в какую. Сбежала, примчалась в полицию, дала его точное описание и еще вспомнила, что у него жилье вроде бы в районе Парадиз-парка. Он с годами утратил нюх. Слишком много о себе возомнил.

– Ты, я вижу, в полном курсе, Джордж.

– Видишь ли, какая штука: после ареста Крида отец мой в числе первых к нему в подвал зашел. Так вот, он даже говорить не мог о том, что там творилось, хотя за годы службы всякое повидал: и заказуху, и бандитские разборки... Крид так и не признался в убийстве Бамборо, хотя само по себе это ничего не значит. Этот сучонок много загадок нам подбросил – до самой

его смерти не разгадать. Кровопийца, ублюдок. Годами играл в кошки-мышки с родственниками убитых. Намекает, что еще многих женщин прикончил, но подробностей не раскрывает. В начале восьмидесятых какой-то шелкопер брал у него интервью, но с той поры никого больше к нему не допускают. Министерство юстиции запретило. А Криду огласка нужна, чтобы семьи жертв еще помучились. Только эта власть у него и осталась. – Лэйборн допил пиво и посмотрел на часы. – Все силы положу, чтоб помочь тебе это досье раздобыть. Старик мой будет доволен. Это расследование ему всю душу вымотало.

Когда Страйк поднялся к себе в мансарду, ветер уже бушевал вовсю; в оконных рамах дребезжали залитые дождем, плохо подогнанные стекла. Первым делом он тщательно рассортировал чеки, которые для отчетности складывал в отдельный бумажник.

В девять часов, разогрев на одноконфорочной плитке ужин, он вытянулся на кровати и взял с тумбочки подержанную биографию Денниса Крида «Демон Райского парка», которую заказал месяц назад и до сих пор не удосужился открыть. Расстегнув пояс брюк, который перетягивал набитый макаронами живот, Страйк громко и свободно рыгнул, закурил сигарету, откинулся на подушки и открыл книгу на первой странице, где в хронологической последовательности сухо перечислялись этапы долгого пути насильника и убийцы.

1937 Родился в Гринуэлл-Террас, Майл-Энд.

1954 Апрель: поступление на военную службу.

Ноябрь: изнасилование школьницы *Викки Хорнчерч*, 15 лет.

Приговорен к 2 годам колонии для несовершеннолетних.

1955–1961 Выполнял временные неквалифицированные работы на стройках и в учреждениях. Часто пользовался услугами проституток.

1961 Июль: изнасилование и истязание продавщицы *Шейлы Гаскинс*, 22 года.

Приговорен к 5 годам лишения свободы с отбыванием срока в тюрьме Пентонвиль.

1968 Апрель: похищение, изнасилование, истязание, убийство школьницы *Джеральдины Кристи*, 16 лет.

1969 Сентябрь: похищение, изнасилование, истязание, убийство секретарши, матери 1 ребенка *Джеки Эйлетт*, 29 лет.

В прессе впервые появляется прозвище убийцы: Эссекский Мясник.

1970 Январь: аренда у Вайолет Купер подвала на Ливерпуль-роуд, близ Парадиз-парка.

Принят на работу по доставке заказов из химчистки.

Февраль: похищение буфетчицы, матери 3 детей *Веры Кенни*, 31 год. Удерживалась в подвале 3 недели. Изнасилование, истязание, убийство.

Ноябрь: похищение агента по недвижимости *Норин Стэррок*, 28 лет. Удерживалась в подвале 4 недели. Изнасилование, истязание, убийство.

1971 Август: попытка похищения провизора *Пегги Хискетт*, 34 года.

1972 Сентябрь: похищение безработной *Гейл Райтмен*, 30 лет. Удерживалась в подвале. Изнасилование, истязание.

1973 Январь: убийство *Райтмен*.

Декабрь: попытка похищения проститутки, матери 1 ребенка *Хелен Уордроп*, 32 года.

1974 Сентябрь: похищение парикмахера *Сьюзен Майер*, 27 лет. Изнасилование, пытки.

1975 Февраль: похищение аспирантки *Андреа Хутон*, 23 года. Хутон и Майер одновременно удерживались в подвале 4 недели.

Март: убийство *Сьюзен*.

Апрель: убийство *Андреа*.

1976 25 января: попытка похищения певицы ночного клуба *Мелоди Боуэр*, 26 лет.

31 января: арендодательница Вай Хупер опознает Крида по словесному портрету и фотороботу.

2 февраля: арест Крида.

Перелистнув страницу, он пробежал глазами предисловие, где основное место отводилось единственному интервью с матерью Крида Агнес Уэйт.

...В первую очередь она сообщила, что в метрике Крида указана неверная дата рождения. «Там сказано: 20 декабря, так? – уточнила она. – Это неверно. Роды были в ночь на 19 ноября. При регистрации младенца он намеренно искажил дату, так как мы пропустили установленный срок».

«Он» относилось к отчиму Агнес Уильяму Одри, известному всей округе своим буйным нравом...

«Как только я родила, он вырвал младенца у меня из рук и сказал, что сейчас его убьет. Утопит в выгребной яме. Я умоляла этого не делать. Просила сохранить ребенку жизнь. Пока не родила, я сама не знала, чего ему хочу, жизни или смерти, но когда малыша увидишь, к себе прижмешь... а он, Деннис, крепеньким родился, он жить хотел, это заметно было.

Так продолжалось неделю за неделей, сплошные угрозы: Одри грозился его убить. Но соседи уже слышали детский плач и, наверно, слышали, чем грозился [Одри], тоже. Он понял, что уже ничего не скрыть – слишком долго тянул. Вот он и сходил зарегистрировать рождение, но приврал насчет даты, чтобы к нему не докопались, почему так поздно. А кто докажет, что роды были раньше? Да никто из приличных людей. Мне ж ни акушерку не вызывали, ни медсестру – никого».

Крид часто присылал мне более подробные ответы, чем те, для которых у нас оставалось время в ходе личных бесед. Через несколько месяцев я получил от него письмо с ранними подозрениями насчет отцовства; там говорилось следующее.

«Я стал замечать, что из зеркала на меня смотрит мой так называемый дед. Со временем наше сходство делалось все более разительным. У меня были такие же глаза, точно такой же формы уши, землистый цвет лица, длинная шея. У него, конечно, был мощный костяк, более мужественный вид, и отчасти его сильнейшая неприязнь ко мне объяснялась, видимо, тем, что у него вызывали гадливость собственные черты в слабом, девчоночьем воплощении. Он презирал беззащитность».

«Ясное дело, Деннис – от него, – призналась мне Агнес. – Он [Одри] меня оприходовал в тринадцать лет. Из дому меня не выпускали, с мальчиками я не знакоилась. Когда до матери дошло, что я в положении, Одри ей сказал: где-то тишком нагуляла. А что еще он мог сказать? Но мама ему поверила. Или сделала вид».

В шестнадцать с половиной лет Агнес сбежала из многолюдного дома отчима; Деннису не исполнилось и двух лет.

«Хотела я забрать с собой Денниса, но уйти можно было только среди ночи, без лишнего шума. Податься некуда, ни денег, ни работы. Только дружок был, который обещал обо мне позаботиться. Вот я и сбежала».

Своего первенца ей суждено было увидеть еще дважды. Когда до нее дошел слух, что Уильям Одри отбывает девятимесячный срок за умышленное нанесение телесных повреждений, она вернулась к матери в надежде забрать Денниса.

«Я собиралась сказать Берту [первому мужу], что это мой племянник, потому как о моих передрягах он не ведал. Но Деннис меня даже не узнал – так мне показалось, а мама сказала, что уже поздно дергаться: мол, если он мне так нужен, чего ж я его бросила? В общем, ушла я ни с чем».

Последняя личная встреча Агнес с сыном состоялась в тот день, когда она приехала к его школе, дождалась, чтобы на прогулку вывели приготовительный класс, и окликнула Денниса из-за ограды. Хотя тогда ему было всего пять лет, он заверил меня во время нашей второй беседы, что хорошо помнит тот случай.

«Явилась тощая, некрасивая коротышка, расфуфыренная, как шлюха, – рассказывал он. – Она ничем не походила на матерей других ребят. На ней лежала печать вульгарности. Я не хотел, чтобы одноклассники видели меня рядом с нею. Она назвалась моей матерью, а я сказал, что это ложь, хотя в глубине души знал обратное. И убежал».

«Он от меня шарахался, – посетовала Агнес. – После того случая у меня прямо руки опустились. В дом Одри мне путь был заказан. Ну, хотя бы удостоверилась, что Деннис в школу ходит. Что форменный костюмчик на нем опрятный...»

«Я часто гадала: как он, что он? – рассказывала дальше Агнес. – Своя кровинка все же. Детки-то из материнской утробы появляются. Мужу этого не понять. В общем, гадать-то я гадала, но когда Берт получил место в почтовом ведомстве, уехала за ним на север и в Лондон больше не возвращалась, даже на мамины похороны, потому как Одри всем раструбил, что вышвырнет меня пинками».

Когда я сообщил Агнес, что буквально за неделю до приезда к ней в Ромфорд виделся с ее сыном, она задала мне только один вопрос:

«А правду говорят, что он очень умным вырос?»

Я подтвердил, что ума ему, безусловно, не занимать. Это был единственный пункт, по которому сошлись все психиатры. От тюремной администрации я узнал, что он увлекается чтением, особенно трудами по психологии.

«Откуда это у него? Всяко не от меня... Я из газет про него знаю. В новостях его видела, слышала обо всем, что он натворил. Вот ужас-то, просто ужас. Что человека толкает на такое? После суда я опять стала его вспоминать: как лежал он голышом, в сгустках крови, прямо на линолеуме, где я его родила, а отчим мой, стоя над нами, грозился его утопить, и теперь я вам так скажу, – заключила Агнес Уэйт, – напрасно я за него просила».

Загасив сигарету, он потянулся за банкой «Теннентс», оставленной возле пепельницы. В окна стучался легкий дождик. Пролистав немного дальше, Страйк продолжил чтение примерно с середины второй главы.

...бабка Ина не хотела или не могла защитить самого младшего члена семьи от садистских наклонностей мужа, и наказания становились все более жестокими.

Особое удовлетворение Одри получал от унижений Денниса в связи с постоянным энурезом: выливал в детскую кроватку ведро воды и заставлял мальчика ложиться спать. Крид вспоминает также несколько случаев, когда его в обмоченных пижамных штанах заставляли бежать в угловой магазин за сигаретами для Одри.

«Единственным убежищем служили фантазии, – впоследствии написал мне Крид. – В своем воображении я был полностью свободен и счастлив. Но и в материальном мире даже тогда существовали некие опоры, которые я с удовольствием вписывал в свою тайную жизнь. Некие предметы, которые в моих фантазиях наделялись тотемным могуществом».

К двенадцатилетнему возрасту Деннис уже открыл для себя удовольствия вуайеризма.

«Меня возбуждало, – написал он мне после нашей третьей беседы, – наблюдение за женщиной, которая не знает, что за ней наблюдают. Я подсматривал за сестрами, но не гнушался и заглядывать в чужие освещенные окна. В удачные дни мне доводилось видеть, как переодеваются и приводят себя в порядок женщины и девочки, а порой удавалось даже узреть наготу. Я распаялся не только от чувственных картин, но и от ощущения власти. Мне казалось, я краду часть естества этих женщин, забираю то, что они считают очень личным и сокровенным».

Вскоре он начал поворовывать сушившееся во дворах белье соседок и даже своей бабушки Ины. Затем он тайком надевал эти вещи, чтобы онанировать в...

Зевая, Страйк принялся листать дальше и остановился на отрывке из четвертой главы.

...на субботней вечеринке скромный экспедитор компании «Флитвуд электрик» поразил сотрудников тем, что надел пальто одной из работниц и стал пародировать певицу Кей Старр.

«Парнишка Деннис, вырядившись в пальто Дженни, наяривал „Колесо фортуны“, – рассказал журналистам после ареста Крида пожелавший остаться неизвестным сослуживец. – Кое-кто из работяг постарше не знал, куда глаза девать. Некоторые впоследствии поговаривали, что он, так сказать, со странностями. Но мы, молодежь, устроили ему овацию. После того случая он стал мало-помалу высовываться из-под своего панциря».

Но тайные фантазии Крида не исчерпывались любительскими скетчами или кабацкими песнями. Глядя на нетрезвого подростка шестнадцати лет, который кривлялся на сцене, мог ли хоть кто-нибудь догадаться, что к его изощренным фантазиям добавляется все больше садизма?..

Работники «Флитвуд электрик» не могли опомниться, когда «парнишка Деннис» был арестован за изнасилование и пытки продавщицы Шейлы Гаскинс, двадцати двух лет, за которой он увязался в темноте, выйдя следом за ней из автобуса. Гаскинс удалось спастись только благодаря ночному сторожу, который спугнул Крида, заслышав шум в проулке между рядами домов; на суде он дал показания.

Пятилетний срок тюремного заключения Крид отбывал в тюрьме Пентонвиль. Тот случай стал последним, когда Крид действовал без предварительного умысла.

Страйк прервался, чтобы закурить очередную сигарету, пролистал еще десять глав и увидел знакомое имя.

...Марго Бамборо, врач общей практики из Кларкенуэлла, 11 октября 1974 года.

Инспектор криминальной полиции Билл Тэлбот, возглавлявший следственную группу, сразу обратил внимание на подозрительное сходство между исчезновением молодой женщины-врача и похищениями Веры Кенни и Гейл Райтмен.

И Кенни, и Райтмен были похищены темными ненастными вечерами, когда раскрытые зонты и залитые дождевыми струями лобовые стекла автотранспорта затрудняли обзор потенциальным свидетелям. Марго Бамборо также исчезла в сильный дождь.

Незадолго до исчезновения Кенни и Райтмен вблизи места преступления в обоих случаях был замечен небольшой фургон, предположительно с поддельными номерными знаками. Впоследствии трое свидетелей независимо друг от друга описали аналогичного вида небольшой белый фургон, мчавшийся на высокой скорости вблизи амбулатории в день исчезновения Марго Бамборо.

Еще более существенны свидетельские показания автомобилиста, заметившего на тротуаре двух женщин, одна из которых едва держалась на ногах, будто от недомогания или слабости, а вторая ее поддерживала. У Тэлбота мгновенно возникла ассоциация не только с нетрезвой Верой Кенни, которую видели при посадке в фургон, предположительно в сопровождении другой женщины, но и с показаниями Пегги Хискетт, которая заявила, что на безлюдной автобусной остановке мужчина в женской одежде уговаривал ее распить с ним бутылку пива и начал проявлять агрессию, в связи с чем женщина, к счастью для себя, решила посигналить проезжавшему мимо автомобилю.

В твердой уверенности, что Бамборо стала жертвой серийного убийцы по прозвищу Эссекский Мясник, Тэлбот...

У Страйка раздался телефонный звонок. Придерживая страницу, он потянулся за мобильным и даже не посмотрел, кто звонит.

– Страйк слушает.

– Здравствуй, Блюи, – мягко произнесла женщина.

Страйк положил книгу на кровать страницами вниз. Наступила пауза; сквозь тишину слышалось дыхание Шарлотты.

– Чего ты хочешь?

– Поговорить.

– О чем?

– Все равно. – У нее вырвался полусмешок. – На твой выбор.

Страйку было знакомо такое настроение. Она выпила полбутылки вина или пару раз плеснула себе виски. После этого у нее наступала та стадия опьянения – даже не опьянения, а легкого подпития, – на которой Шарлотта делалась очаровательной, даже забавной, но еще не агрессивной и не слезливой. Однажды, ближе к концу их помолвки, когда природная честность заставила его посмотреть в лицо фактам и задуматься о неудобных материях, он задался вопросом: может ли здравомыслящий, да и просто здоровый человек желать для себя такую жену, которая вечно будет подшофе?

– Ты не перезвонил, – упрекнула Шарлотта. – Я оставила сообщение твоей Робин. Она тебе не передавала?

– Передала.

– Но ты не стал перезванивать.

– Что тебе нужно, Шарлотта?

Незамутненная часть его рассудка требовала окончания этого разговора, но Страйк не отрывал трубку от уха, прислушивался, выжидал. Слишком долго она была для него как дурман: не то наркотик, не то болезнь.

– Любопытно, – задумчиво выговорила Шарлотта. – Я уж подумала, она решила ничего тебе не говорить.

Он промолчал.

– Вы ведь все еще вместе, правда? Она вполне милостива. И всегда под боком. Только свистни. Очень удоб...

– Зачем ты звонишь?

– Я же сказала: поговорить... Тебе известно, какое сегодня число? День рождения близнецов – им исполнился годик. Сюда нагрянуло все семейство Росс, чтобы с ними посюсюкать. Только сейчас я улучила момент...

Конечно, он знал, что у нее родились близнецы. «Таймс» разместила объявление, поскольку в аристократических кругах, куда после свадьбы вошла Шарлотта, принято делать все рождения, бракосочетания и смерти достоянием гласности через посредство газетных колонок, которые, впрочем, Страйк не просматривал никогда. Эту новость сообщила ему Илса, и Страйк тут же вспомнил слова Шарлотты, сказанные в ресторане, куда она год назад заманила его хитростью.

«Единственное, что удерживает меня на плаву во время беременности, – это мысль о том, что, произведя их на свет, я смогу уйти».

Но младенцы появились на свет преждевременно, и Шарлотта их не бросила.

«Детки-то из материнской утробы появляются. Мужики этого не понять».

В прошлом году Страйк дважды выслушивал подобную нетрезвую болтовню, и оба раза по ночам. Первый телефонный разговор он прервал сразу, потому что ему дозванивалась Робин. А во второй раз трубку ни с того ни с сего повесила Шарлотта буквально через пару минут.

– Никто не верил, что они выживут, тебе это известно? – заговорила сейчас Шарлотта. – Ведь это же, – она перешла на шепот, – настоящее чудо.

– Раз сегодня день рождения твоих детей, не смею задерживать, – сказал Страйк. – Спокойной ночи, Шарл...

– Подожди! – заговорила она с внезапной страстью. – Подожди, умоляю.

Повесь трубку, сказал голос у него в голове. Но Страйк не послушался.

– Они спят, они сладко спят. Им неизвестно, что сегодня у них день рождения. Это дурная шутка. Праздновать годовщину того кошмара, будь он трижды проклят. Страшно вспомнить: меня всю изрезали...

– Мне надо идти, – перебил ее Страйк. – У меня дела.

– Умоляю! – Она почти стонала. – Блюи, я так несчастна, ты даже не представляешь, мне так дерьмово...

– Ты замужняя женщина, мать двоих детей, – безжалостно оборвал Страйк. – И нечего плакать мне в жилетку, которой нет. Есть анонимные службы – туда и звони. Бывай, Шарлотта. – Он повесил трубку.

Дождь усиливался. Капли барабанили в темные окна. Лицо Денниса Крида на обложке отброшенной книги было перевернуто вверх тормашками. От этого глаза, обрамленные светлыми ресницами, казались посаженными наоборот. Создавалась тревожное впечатление, будто глаза на фотографии живут собственной жизнью.

Страйк опять взялся за книгу и продолжил чтение.

9

*Я, сударь, лишь о дружбе вас молю,
Невзгод за вас мне выпало сполна.
И муки ран поныне я терплю,
Добром ответьте ж мне – я злата не люблю.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Джорджу Лэйборну пока не удавалось заполучить досье Бамборо; между тем настал день рождения Робин.

Она впервые в жизни не испытала никакого душевного волнения, проснувшись утром девятого октября; когда она сообразила, какой сегодня день, настроение поползло вниз. Ей исполнилось двадцать девять лет – это даже звучало как-то странно: двадцать девять. Не то чтобы какой-нибудь ориентир, а скорее промежуточный пункт: «Следующая остановка – ТРИДЦАТНИК». Полежав несколько минут в одиночестве на двуспальной кровати съемного жилища, она вспомнила слова любимой двоюродной сестры Кэти, сказанные, когда Робин в свой последний приезд домой возилась с двухлетним сыном Кэти и помогала ему рассаживать пластилиновых монстриков в кузове игрушечного самосвала.

– Ты, похоже, движешься не туда, куда мы все, а в другую сторону.

Но, заметив какую-то тень, промелькнувшую на лице Робин, она поспешила добавить:

– Я не говорю, что это плохо! Мне кажется, в твоей жизни есть счастье! Ну то есть свобода! Честное слово, – неискренне заверила Кэти, – порой даже завидно.

Робин ни минуты не жалела о крушении брака, который на последнем этапе принес ей только несчастье. В памяти осталось то состояние (к счастью, с тех пор оно к ней не возвращалось), когда вся окружающая обстановка, сама по себе ничем не плохая, в одночасье утратила цвет: капитанский дом в Дептфорде, где произошел их с Мэтью окончательный разрыв, представлял собой очаровательное строение, но почему-то не сохранился в памяти, если не считать нескольких разрозненных деталей. В памяти остались только убийственные раздумья, которые преследовали ее в тех стенах, неотступные чувства вины и ужаса, постепенно осознание той истины, что она связалась с кем-то чужим, не имеющим с ней почти ничего общего.

Но те беспечные слова, которыми Кэти описала ее нынешнюю жизнь, – счастье, свобода – оказались неточными. Из года в год она видела, как Страйк ставит на первое место работу, а все остальное отодвигает на второй план: по сути дела, болезнь Джоан стала первым известным ей случаем, когда он сменил порядок приоритетов, переложив часть следственных обязанностей на других и поставив для себя во главу угла нечто иное; а в последнее время Робин все чаще ловила себя на том, что и сама погружается в работу с головой, находит в ней удовлетворение и почти не думает ни о чем другом. Да, она в конце концов осуществила свою мечту, с которой впервые распахнула перед собой стеклянную дверь агентства, но теперь поняла, что одна всепоглощающая страсть неизбежно влечет за собой одиночество.

Поначалу она с большим удовольствием нежилась в одиночестве на двуспальной кровати: никто в обиде не поворачивался к ней спиной, не упрекал за мизерный вклад в семейную копилку, не кичился перспективами скорого продвижения по службе, не требовал секса, превратившегося из радости в дежурную обязанность. И тем не менее, совсем не скучая по Мэтью, она уже предвидела то время (если честно, оно вроде бы уже наступило), когда отсутствие физических прикосновений, душевной близости, да того же секса (который у Робин, в отличие от многих женщин, требовал серьезных решений) становится не преимуществом, а зияющей жизненной брешью.

А дальше что? Неужели она уподобится Страйку, который довольствуется чередой интрижек, если, конечно, после работы на них остаются силы? Тут ее – уже не в первый раз – как ударило: перезвонил ли ее деловой партнер Шарлотте Кэмпбелл? В досаде на саму себя Робин откинула одеяло и, не подходя к бандеролям, сложенным на комод, пошла в душ.

Ее новое жилище на Финборо-роуд, в районе ленточной застройки, располагалось на двух верхних этажах в частном доме. На третьем этаже были жилые комнаты и ванная, а на четвертом – общая гостиная, выходящая окнами на небольшой ступенчатый дворик, где в солнечные дни дремал старый хозяйский пес – жесткошерстная такса по кличке Вольфганг.

Робин, которая не питала иллюзий относительно съемного жилья, доступного в Лондоне одинокой женщине со скромными средствами, да еще с грузом судебных издержек, сочла, что ей несказанно повезло: она поселилась в чистой, хорошо оборудованной, со вкусом отделанной квартире, которую делила с другой съемщицей, вполне приятной женщиной. Хозяин, сорокадвухлетний актер-гей по имени Макс Приствуд, вынужденный пускать жильцов, обрелся в этом же доме. Мать Робин сказала бы про Макса «красавец-мужчина»: рослый, широкоплечий, с густой светло-русой шевелюрой, он взирал на мир утомленным взглядом своих серых глаз. Робин вышла на него через Илсу – в университетские годы он был сокурсником ее младшего брата.

Хотя Илса уверяла, что «Макс – просто прелесть», Робин на первых порах стала думать, что совершила непростительную ошибку, сняв у него жилье: от Макса исходил неизбывный мрак. Аккуратная и тактичная, Робин старалась во всем быть образцовой съемщицей: она никогда не включала громкую музыку, не готовила еду с сильным запахом, обхаживала Вольфганга и в отсутствие Макса не забывала его кормить, вовремя пополняла запасы моющих средств и туалетной бумаги, при встрече с Максом всегда приветливо здоровалась, но Макс, который при первом знакомстве просто переплевывал слова через губу, даже ни разу не улыбнулся. У Робин закралась параноидальная мысль, что Илса буквально выкручиванием рук принудила Макса впустить в дом свою хорошую знакомую.

Со временем общение несколько упростилось, но Макс так и не сделался более разговорчивым. Впрочем, Робин теперь находила свои плюсы в его односложных репликах: возвращаясь после двенадцатичасовой наружки, измотанная, негнущаяся, с единственной мыслью о расследовании, она совершенно не стремилась к пустой болтовне. В просторную гостиную она поднималась редко, предпочитая сидеть у себя в комнате и не отвечать.

По ее мнению, причина неизбывной мрачности хозяина крылась в том, что тот сидел без работы. Сыграв небольшую роль в одном вест-эндском театрике, он уже четыре месяца не получал никаких предложений. Робин сразу поняла, что его не следует расспрашивать о возможных показах и прослушиваниях. Порой даже незначительный вопрос «Как у вас прошел день?» грозил показаться назойливым любопытством. Раньше, по ее сведениям, он делил эту квартиру со своим давним другом, которого по иронии судьбы тоже звали Мэтью. Обстоятельств их разрыва она не знала, если не считать того, что Мэтью по доброй воле переписал свою половину квартиры на Макса, – в глазах Робин, столкнувшейся с подлостью мужа, это было проявлением неслыханного благородства.

Запахнув потуже махровый халат, Робин вернулась к себе в комнату и взялась за скопившиеся бандероли, отложенные до нынешнего утра. Она подозревала, что ароматические масла для ванны, присланные от имени ее брата Мартина, купила на самом деле мама, что свитер ручной вязки выбрала по своему вкусу ее невестка-ветеринар (уже на сносях, она готовилась впервые сделать Робин тетушкой), а младший брат Джонатан положился на свою новую подружку, которая посоветовала купить серьги. От вида этих подарков Робин еще больше приуныла. Она оделась во все черное – ей предстояло заполнить массу бумаг в конторе, потом встретиться с синоптиком, которого преследовал Открыточник, а вечером отправиться в бар на встречу с подругами – с Ванессой, которая служила в полиции, и с Илсой. Илса предложила

позвать Страйка, но Робин побоялась, как бы та опять не начала сводничать, и сказала, что выбирает девичник.

Перед выходом взгляд Робин упал на книгу «Демон Райского парка», которую она, как и Страйк, заказала по интернету. Ей достался более потрепанный экземпляр, да и доставка заняла больше времени. В содержание она пока не вникала – отчасти потому, что вечерами падала с ног от усталости, а отчасти потому, что первые страницы вызвали у нее те же психологические симптомы, которые она носила в себе с той ночи, когда ее руку пропорол глубокая рана, оставившая после себя длинный шрам. Тем не менее сегодня Робин положила эту книгу в сумку, чтобы почитать в дороге.

Вблизи станции метро ей пришло сообщение от матери: поздравление с днем рождения и просьба проверить электронную почту. Открыв свой аккаунт, она увидела, что родители отправили ей подарочный купон универмага «Селфриджес» номиналом в сто пятьдесят фунтов. Этот подарок оказался как нельзя кстати: после оплаты адвокатских услуг, расчетов за квартиру и покупки предметов первой необходимости у Робин практически не осталось денег на себя.

Теперь, слегка приободрившись, она заняла место в торце вагона, достала из сумки книгу и открыла на той странице, где остановилась в прошлый раз.

В первой же строке ей в глаза бросилось совпадение, от которого она внутренне содрогнулась.

Глава пятая

Не отдавая себе в этом отчета, Деннис Крид вышел на свободу в свой истинный день рождения, 19 ноября 1966 года: ему исполнилось двадцать девять лет. Пока он отбывал срок в Брикстоне, умерла его бабка Ина; о возвращении в дом так называемого деда нечего было и думать. Близких друзей у Крида не было, а знакомые, которые сочувственно относились к нему до того, как он получил второй срок за изнасилование, не желали – что вполне понятно – иметь с ним ничего общего. Свою первую ночь на свободе он провел в хостеле близ вокзала Кингз-Кросс.

В течение недели Крид ночевал то в хостелах, то на парковых скамейках, а потом сумел найти для себя одноместную комнату в каком-то пансионе. Четыре года он дрейфовал среди трущоб, перебиваясь случайными заработками; порой спал и под открытым небом. Позже он мне признался, что в тот период нередко посещал проституток, а в 1968 году совершил первое убийство.

Школьница Джеральдина Кристи шла домой...

Следующие полторы страницы Робин пропустила. У нее не было сил читать описание увечий, нанесенных Кридом Джеральдине Кристи.

...пока в 1970 году не обрел постоянное жилище в подвале пансиона, принадлежавшего пятидесятилетней Вайолет Купер, бывшей театральной костюмерше, которая, как и его бабка, медленно, но верно спивалась. Это здание, ныне снесенное, впоследствии прозвали «пыточной камерой» Крида. Высокая, узкая постройка из грубого кирпича стояла на Ливерпуль-роуд, неподалеку от Парадиз-парка.

Крид предъявил Купер поддельные рекомендательные письма, которые та не потрудилась проверить, и сообщил, что недавно уволен из бара, но вот-вот устроится в близлежащий ресторан по протекции знакомого. Когда на

судебном процессе сторона защиты попросила Купер ответить, почему она с такой готовностью сдала помещение лицу без определенного места жительства и рода занятий, та сказала, что у нее «сердце не камень» и что Крид показался ей «милым юношей, немного потерянным и одиноким».

Решение сдать Криду вначале одну комнату, а затем и весь подвал дорого обошлось Вайолет Купер. На суде она заявляла, что не имела ни малейшего представления о том, как использовался ее подвал, но лишь покрыла себя несмываемым позором, не сумев избежать подозрений и общественного осуждения. Ей пришлось взять себе новое имя и фамилию, которые я обязался не разглашать. «Я думала, он „голубок“: насмотрелась на таких в театре, – оправдывается сегодня Купер. – Пожалела его, вот и все дела».

Тучная женщина с обрюзгшим от возраста и пьянства лицом, она признает, что быстро поладила с Кридом. Во время нашей беседы она то и дело забывала, что парнишка «Ден», с которым они провели не один вечер у нее в приватной гостиной, где в подпитии затягивали песни под ее коллекцию пластинок, – это и есть серийный убийца, проживавший в ее подвале. «Знаете, я ведь ему потом писала, – рассказывает она. – Когда его посадили. И сказала так: „Если у тебя были ко мне настоящие чувства, то во имя одного этого признайся: ты ли расправился и с теми, другими женщинами? Тебе, – говорю, – уже нечего терять, Ден, так пусть хотя бы их родные не терзаются в неведении“».

Но в ответном письме Крид ни в чем не признался.

«Больной он, на всю голову. До меня только тогда дошло. Он что сделал: скопировал текст старой песни Розмари Клуни, которую мы распевали с ним вместе: „Давай-ка в мой дом“. Вы наверняка знаете... „Давай-ка в мой дом, в мой дом, обещаю тебе сласти...“ Тут до меня дошло, что ненависть у него ко мне такая же, как и к другим. Поиздеваться решил».

Однако на первых порах, в 1970 году, Крид, поселившийся в подвале, всячески обхаживал домовладелицу, которая не отрицает, что молодой жилец вскоре стал для нее чем-то средним между сыном и сердечным другом. Вайолет уговорила свою знакомую Берил Гулд, владелицу химчистки, доверить парнишке Дену доставку заказов, и в результате он получил в свое распоряжение небольшой фургон, который вскоре приобрел скандальную известность в прессе...

До станции «Лестер-Сквер» было двадцать минут езды. Как только Робин вышла на дневной свет, в кармане у нее завибрировал мобильный. Она приняла сообщение от Страйка:

Новость: я нашел д-ра Динеша Гупту, работавшего в 1974 вместе с Марго в кларкенуэллской амбулатории. Ему за 80, но в здравом уме; сегодня после обеда еду к нему домой в Амершем. Сейчас вижу, как Балерун завтракает в Сохо. Попрошу Баркляя меня подменить и поеду к Гупте. Сможешь отменить встречу с Синоптиком и подключиться?

У Робин упало сердце. Один раз она уже вынужденно отменила отчетную встречу с синоптиком и считала, что будет нечестно кинуть его во второй раз, тем более в последний момент. Но ей очень хотелось воочию увидеть доктора Динеша Гупту.

Не могу подвести его вторично, напечатала она. Сообщи, как пройдет встреча.

Да, ты права, ответил Страйк.

Робин еще немного посмотрела на дисплей телефона. В прошлом году Страйк не вспомнил про ее день рождения и, спохватившись только через неделю, купил ей цветы. Поскольку

он, судя по всему, устыдился своей оплошности, Робин вообразила, что он сделает себе пометку в ежедневнике и, возможно, установит напоминание в телефоне. Однако никакого «Да, кстати, с днем рождения!» она не дождалась, убрала мобильный в карман и, мрачнее тучи, зашагала к агентству.

10

Известно: ум написан на челе.

Старик был с виду мудр, в сужденьях трезв...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

– Вы считаете, – заговорил престарелый, сухонький доктор, казавшийся еще меньше из-за массивных очков в роговой оправе, своего костюма и высокой спинки кресла, – что я похож на Ганди.

Страйк изумленно хохотнул: именно эта мысль крутилась у него в голове.

Доживший до восьмидесяти одного года, этот врач, казалось, ужася внутри своей одежды: ворот и манжеты сорочки зияли круглыми отверстиями, из брючин торчали костлявые лодыжки в черных шелковых носках. Из ушей и над ушами торчали пучки седых волос. На добродушном коричневом лице выделялись орлиный нос и черные птичьи глаза, сверкающие, пронизательные, будто неподвластные старости.

На отполированном до блеска кофейном столике не было ни пылинки; гостиная, по-видимому, использовалась лишь по торжественным случаям. Обои цвета темного золота, диван и кресла светились первозданной чистотой в осеннем свете, проникавшем сквозь тюлевые занавески с бахромой. По бокам от окна попарно висели четыре фотографии. Из золоченых рамок смотрели четыре девушки-брюнетки, каждая в академической шапочке и мантии, с университетским дипломом в руках.

Миссис Гупта, крошечная, глуховатая, седая, успела рассказать Страйку, какие факультеты окончили ее дочери (две – медицинский, одна – иностранных языков и одна – информационных технологий) и насколько преуспели каждая в своей области. Она также показала ему фотографии шестерых внуков, которыми дочери на данный момент осчастливили их с мужем. Бездетной оставалась только младшая, «но у нее еще все впереди», непререкаемо, как Джоан, добавила миссис Гупта. «Без детей счастья не будет».

Подав мужу и Страйку чай в фарфоровых чашках и тарелку печенья – рулетиков с инжиром, миссис Гупта удалилась в кухню, где горланило реали-шоу «Бегство в деревню».

– К слову: мой отец в юности познакомился с Ганди, когда тот в тридцать первом году приехал в Лондон, – сказал доктор Гупта, выбирая себе рулетик с инжиром. – Папа тоже оканчивал юридический факультет, но после Ганди. Наша семья была побогаче: в отличие от Ганди, моему отцу хватило средств, чтобы приехать в Англию вместе с женой. Когда папа получил диплом судебного адвоката, родители приняли решение остаться в Соединенном Королевстве. А мои близкие родственники стали жертвами раздела Индии. Нам еще повезло, но оба моих деда с семьями, а также две тетушки были убиты при попытке выехать из Восточной Бенгалии. Их зарезали, – добавил доктор Гупта, – а тетушек перед тем изнасиловали.

– Мои соболезнования. – Страйк не ожидал, что беседа повернет в такое русло: он успел раскрыть блокнот и теперь, занеся ручку, сидел с самым глупым видом.

– Мой отец, – жуя рулетик, задумчиво покивал доктор Гупта, – до конца своих дней мучился угрызениями совести. Он считал, что обязан был либо остаться и защитить их всех, либо погибнуть вместе с ними. Кстати сказать, Марго не желала знать правду о разделе Индии, – сообщил вдруг доктор Гупта. – Естественно, мы все жаждали независимости, но подготовительный этап был организован плохо, из рук вон плохо. Около трех миллионов человек пропали без вести. Изнасилования. Зверства. Расколотые семьи. Были допущены непрости-тельные ошибки. Совершались омерзительные акции. Как-то у нас с Марго разгорелся спор

на эту тему. Спор, конечно, дружеский, – улыбнулся он. – Просто Марго романтизировала народные восстания в дальних странах. Она не подходила к цветным насильникам и палачам с той же меркой, что к белым истязателям, которые топили детей иноверцев. По-моему, она разделяла взгляды Сухраварди, который считал, что кровопролития и хаос – не абсолютное зло, если вершатся во имя правого дела. – Задумчиво покивав, доктор Гупта проглотил печенье и добавил: – А ведь не кто иной, как Сухраварди, инспирировал Великую калькуттскую резню. За сутки погибли четыре тысячи человек.

Из уважения Страйк выдержал паузу, нарушаемую только кухонным телевизором. Убедившись, что тема кровавого террора исчерпана, он воспользовался моментом.

– Вы хорошо относились к Марго?

– О да, – улыбнулся Динеш Гупта. – Притом что иногда ее взгляды и убеждения меня поражали. Я родился в традиционной, хотя и европеизированной семье. До того как мы с Марго стали вместе работать в амбулатории, я никогда тесно не общался с самопровозглашенной эмансипированной дамой. Мои друзья по медицинскому факультету, предыдущие партнеры – все были мужчинами.

– А она оказалась феминисткой, да?

– До мозга костей! – с улыбкой подтвердил доктор Гупта. – Поддразнивала меня за мои косные, как ей казалось, воззрения. Марго стремилась всех воспитывать, хотели того окружающие или нет. – У доктора Гупты вырвался тихий смешок. – На добровольных началах вступила в ПАР. В Просветительскую ассоциацию рабочих, понимаете? Сама она происходила из бедной семьи и горячо отстаивала идею образования взрослых, особенно женщин. Уж кого-кого, а моих дочерей она бы похвалила. – Развернувшись в кресле, Динеш Гупта устроился лицом к фотопортретам. – Джил по сей день горюет, что у нас нет сына, а я не жалею. Ничуть не жалею, – повторил он и вновь повернулся к Страйку.

– Согласно реестру Генерального медицинского совета, – сказал Страйк, – в той же амбулатории «Сент-Джонс» занимал кабинет еще один врач общей практики, некий Джозеф Бреннер. Это так?

– Доктор Бреннер, как же, как же, совершенно верно, – подтвердил Гупта. – Подозреваю, что его, бедняги, уже нет в живых. Ему бы сейчас было за сотню лет. В том районе он много лет трудился в одиночку, а уж потом пришел к нам – в новую для себя амбулаторию. С собой привел Дороти Оукден, которая двадцать с лишним лет печатала для него на машинке всю документацию. Мы взяли ее на должность секретаря-машинистки. Женщина в возрасте... по крайней мере, такой она мне виделась в ту пору. – Гупта опять усмехнулся. – Теперь-то я понимаю, что было ей не более пятидесяти. Замуж вышла поздно, вскоре овдовела. Не знаю, как сложилась ее судьба.

– Кто еще работал с вами в амбулатории?

– Так, дайте подумать... Дженис Битти, процедурная медсестра, весьма квалифицированная, лучшая из всех мне известных. Вышла из лондонских низов. Как и Марго, не понаслышке знала тяготы и лишения бедности. В ту пору Кларккенуэлл еще не стал престижным районом.

– Адрес ее у вас, случайно, не сохранился? – спросил Страйк.

– Надо проверить, – ответил доктор Гупта. – Я спрошу Джил.

Он начал выбираться из кресла.

– Потом, потом, когда мы закончим беседу, – остановил его Страйк, боясь прервать нить стариковских воспоминаний. – Продолжайте, пожалуйста. Кто еще работал с вами в амбулатории «Сент-Джонс»?

– Надо подумать, надо подумать... – повторил доктор Гупта, – медленно уstraиваясь в кресле. – Было у нас две регистраторши, молоденькие, но с ними, к сожалению, связь потеряна... Как же их звали?...

– Случайно, не Глория Конти и Айрин Булл?

Эти имена Страйк выудил из старых газетных репортажей. Он даже нашел выцветшее фото, на котором были изображены две девушки скорбного вида, одна стройная, темноволосая, другая – блондинка (скорее всего, крашенная, решил Страйк), у входа в амбулаторию. В статье из «Дейли экспресс» сообщалось, что «Айрин Булл, медрегистратор, 25 лет», высказалась так: «Это ужас. Нам ничего не известно. Мы все еще надеемся, что она вернется. Возможно, у нее потеря памяти или что-то в этом роде». Глория фигурировала во всех газетных материалах, которые попадались на глаза Страйку, потому что оказалась последней, кто видел Марго живой. «Она только сказала: „Счастливо, Глория, до завтра“». Вид у нее был совершенно обычный, ну, может, немного усталый после рабочего дня, тем более что она задержалась – там был экстренный случай. На встречу с подругой она немного запаздывала. В дверях раскрыла зонт и ушла».

– Глория и Айрин, – покивал доктор Гупта. – Да, именно так. Обе молодые – очевидно, живут и здравствуют по сей день, но где их искать, ума не приложу.

– И это весь персонал? – уточнил Страйк.

– Да, кажется, весь. Нет, постойте, – спохватился Гупта, поднимая руку. – Была еще уборщица. Родом с Ямайки. Как же ее звали? – Он наморщил лоб. – Боюсь, не припомню.

Страйк впервые слышал, что в амбулатории служила уборщица. У себя в конторе он поддерживал порядок сам, Робин тоже не гнушалась наводить чистоту, а в последнее время подключилась и Пат. Он записал: «уборщица, Ямайка».

– Какого она была возраста, не подскажете?

– Затрудняюсь сказать, – ответил Гупта и деликатно добавил: – У темнокожих дам возраст определить сложнее, вы согласны? Они дольше сохраняют моложавый вид. Но у той, по моему, были дети, так что не совсем уж молоденькая. Между тридцатью и сорока? – с надеждой предположил он.

– Итак: три врача, секретарь-машинистка, два медрегистратора, процедурная сестра и уборщица? – подытожил Страйк.

– Совершенно верно. Все составляющие успешного медучреждения, – заключил доктор Гупта. – Но нам не везло. С самого начала – одна встряска за другой.

– Вот как? – Страйк встрепенулся. – Из-за чего?

– Из-за личной несовместимости, – не задумываясь ответил Гупта. – С возрастом я все отчетливее понимаю, что в любом деле главное – команда. Квалификация, опыт чрезвычайно важны, но если команда не срослась... – он сцепил костлявые пальцы, – успеха не жди. Поставленных целей не достигнуть. Так и вышло в «Сент-Джонсе». Жаль, конечно, очень жаль – потенциал у нас был неплохой. Наша амбулатория пользовалась особой популярностью среди женщин – они зачастую предпочитают наблюдаться у врачей своего пола. У Марго и Дженис от пациенток отбоя не было. Но внутренние трения не прекращались. Доктор Бреннер присоединился к нашей амбулатории ради более современного помещения, но всегда держался обособленно. А впоследствии даже стал проявлять кое к кому открытую неприязнь.

– И кто же вызывал у него особую неприязнь? – спросил Страйк, уже предугадывая ответ.

– К сожалению, – грустно начал доктор Гупта, – он невлюбил Марго. Положа руку на сердце, Джозеф Бреннер, как мне кажется, вообще недолюбливал женщин. Грубил девушкам из регистратуры. Конечно, они, в отличие от Марго, не могли ему ответить. По моему, он уважал Дженис – она, знаете ли, была профессионалом высшей пробы и не такой задирой, как Марго, а с Дороти всегда был корректен, и та отвечала ему безраздельной преданностью. Но против Марго ополчился с самого начала.

– А по какой причине, как вы считаете?

– Ох... – Воздев ладони, доктор Гупта жестом безнадежности уронил их на колени. – Положа руку на сердце, у Марго... не поймите превратно, я хорошо к ней относился, наши

споры никогда не выходили за пределы дружеской пикировки... но у нее был взрывной характер. Доктор Бреннер отнюдь не сочувствовал феминизму. Он считал, что место женщины – дома, с детьми, а Марго работала на полную ставку, хотя дома у нее оставалось новорожденное дитя; Бреннер этого не одобрял. Наши совещания проходили в обстановке постоянной напряженности. Он выжидал, когда слово возьмет Марго, и сразу начинал ей перечить, причем громогласно. Вот таким он был грубияном, этот Бреннер. Считал, что регистраторши должны знать свое место. Придирался к длине юбок, к прическам. На самом-то деле, притом что хамил он в основном женщинам, мое мнение таково: он попросту не любил людей.

– Странно, – заметил Страйк. – Докторам такое несвойственно.

– Ну, знаете, – усмехнулся Гупта, – вам только кажется, что это большая редкость, мистер Страйк. Мы, доктора, – такие же люди, как и все остальные. Это миф, что мы как один призваны любить все человечество. Однако по иронии судьбы самым слабым звеном нашего коллектива оказался сам Бреннер. Наркозависимый!

– Да что вы говорите, неужели?

– Употреблял барбитураты, – подтвердил Гупта. – Да-да, барбитураты. Нынче такие номера не проходят, но он заказывал их в невероятных количествах. Хранил у себя в кабинете, под замком, среди лекарственных препаратов. Очень сложный был человек. Эмоционально закрытый. Без семьи. И это пагубное пристрастие...

– Вы не пробовали с ним потолковать? – спросил Страйк.

– Нет, – с грустью ответил Гупта. – Раз за разом откладывал. Хотел удостовериться на сто процентов, прежде чем затрагивать такую тему. Я потихоньку наводил справки, так как подозревал, что он использует адрес своей прежней практики в дополнение к нашему, чтобы удваивать объем заказов, и пользуется услугами разных аптек. Поймать его за руку не удавалось. Сам бы я, наверное, вообще ни о чем не догадался, если бы не Дженис, которая пришла ко мне и сказала, что своими глазами видела у него в открытом шкафу нешуточные запасы. А потом призналась, что как-то вечером, после ухода последней пациентки, застучала его за рабочим столом в сумеречном состоянии. Не берусь утверждать, что от этого он хуже работал. По большому счету нет. Бывало, я в конце рабочего дня замечал у Бреннера несколько остекленелый взгляд и прочее, но ведь ему было уже недалеко до пенсии. Мне думалось, он просто утомляется.

– А Марго знала о его зависимости? – поинтересовался Страйк.

– Нет, – сказал Гупта. – Я с ней не делился, хотя, наверное, зря. Мы с ней были деловыми партнерами – уж ей-то я должен был сказать, чтобы мы смогли прийти к общему решению. Но я боялся, что она тут же помчится к нему в кабинет и устроит скандал. Марго, если была уверена в своей правоте, всегда рвалась в бой, и я временами думал, что ей недостает такта. Неизвестно, чем закончилась бы ее стычка с Бреннером. Здесь требовалась деликатность... ведь неопровержимых доказательств у нас не было... а после исчезновения Марго пристрастие доктора Бреннера к барбитуратам уже стало наименьшей из наших бед.

– Вы продолжали сотрудничать с Бреннером после исчезновения Марго? – спросил Страйк.

– Да, пару месяцев, но вскоре он вышел на пенсию. Я еще немного поработал в «Сент-Джонсе», но потом перебрался в другое место. Чтобы только унести ноги. Амбулатория «Сент-Джонс» у всех вызывала слишком много неприятных ассоциаций.

– Как бы вы могли охарактеризовать отношения Марго с другими сотрудниками?

– Ну, давайте разберемся. – Гупта взял с тарелки второй рулетик с инжиром. – Дороти, секретарь-машинистка, всегда ее недолюбливала, но, думаю, из преданности доктору Бреннеру. Как я уже сказал, Дороти была вдовой. Женщины такого сорта – фанатичные – прикипают к своему начальнику и стоят за него горой. Всякий раз, когда Марго или я чем-нибудь вызывали нарекания или претензии Джозефа Бреннера, вся наша с нею рукописная корреспонденция

денция и отчеты, которые полагалось представлять в отпечатанном виде, неизменно перекочевывали в самый низ стопки. Анекдот, да и только. Компьютеров в те годы не было, мистер Страйк. Не то что нынче... Айша, – он указал через плечо на верхнее фото с правой стороны от окна, – печатает сама, у нее в кабинете компьютер, вся диагностика компьютеризована, это, конечно, большое подспорье, а мы зависели от милостей секретаря-машинистки: куда же без нее? Да, Дороти не любила Марго. Общались с ней вежливо, но холодно. Впрочем, – Гупта явно что-то припомнил, – Дороти, как ни удивительно, все же пришла на барбекю. Как-то в воскресный день Марго устроила у себя дома барбекю, тем летом, которое предшествовало ее исчезновению, – пояснил он. – Она понимала, что коллектив у нас недружный, вот и пригласила всех в гости. Предполагалось, что барбекю поможет... – Он вновь сцепил пальцы, молча изобразив сплоченность. – Ну и удивился же я появлению Дороти, зная, что Бреннер отказался сразу. Приехала она с сыном-подростком, лет, наверное, тринадцати-четырнадцати. Очевидно, у нее были поздние роды, особенно по меркам семидесятых годов. Мальчишка вел себя нагло. Помню, муж Марго его отчитал, когда тот разбил ценную вазу.

Почему-то частному сыщику вспомнился родной племянник Люк, как ни в чем не бывало раздавивший его наушники в Сент-Мозе.

– У Марго с мужем был прекрасный дом в Хэме. Муж работал врачом-гематологом. Большой сад. Мы с Джил привезли с собой дочек, но, поскольку Бреннер от приглашения отказался, а Дороти разобиделась за выговор сыну, план Марго, к сожалению, провалился. Разобщенность никуда не делась.

– Значит, все остальные приглашение приняли?

– Насколько я помню, да. Нет... постойте. Кажется, не пришла уборщица... Вильма! – Похоже, доктор Гупта был доволен собой. – Вот как ее звали – Вильма! Не ожидал, что вспомню... Я и тогда нетвердо знал... Точно: Вильма не пришла. А остальные – да, все собрались. Дженис тоже сына привела, мальчуган был помладше отпрыска Дороти и вел себя, помнится, куда приличнее. Мои дочери весь вечер играли с ним в бадминтон.

– Дженис была замужем?

– Разведена. Муж ее бросил – ушел к другой. Она не отчаивалась, ребенка поднимала в одиночку. Дженис была из тех, кто никогда не опускает руки. Молодчина. Жилось ей тогда нелегко, но, если не ошибаюсь, она потом опять вышла замуж, и я, когда об этом узнал, за нее порадовался.

– Дженис и Марго неплохо ладили?

– Конечно. Даже когда у них случались размолвки, ни та ни другая не обижались – это особый дар.

– И часто у них случались размолвки?

– Совсем не часто, – ответил Гупта, – но на рабочем месте всегда возникают какие-нибудь проблемы. Мы их решали... во всяком случае, старались решать демократическим путем... Нет-нет, Марго и Дженис, как я уже сказал, умели дискутировать разумно и без обид. Помоему, они друг дружку ценили и уважали. Исчезновение Марго стало для Дженис тяжелым ударом. Когда я решил отказаться от своего кабинета, она мне призналась, что после того происшествия неделю за неделей видит Марго во сне. Но эта история ни для кого из нас не прошла бесследно, – негромко продолжал доктор Гупта, – изменила каждого. Невозможно предвидеть, что знакомый тебе человек вдруг исчезнет без следа. Что-то здесь... нечисто.

– Пожалуй, – согласился Страйк. – А как Марго ладилась с двумя медрегистраторшами?

– Ну как вам сказать: Айрин, старшая из двух, была... – Гупта вздохнул, – не подарок. Помнится, она... не то чтобы грубила Марго, но, случалось, как-то дерзила. Во время рождественского застолья – которое тоже, заметьте, организовала Марго – Айрин заметно перебрала. Они повздорили, вот только не помню из-за чего. Наверняка из-за какой-то мелочи. А прошло

время – и я вижу, они прямо лучшие подруги. Когда Марго пропала, у Айрин случилась форменная истерика.

Они немного помолчали.

– Не спорю, отчасти это могло быть лицедейством, – признал Гупта, – но за ним, вне всякого сомнения, стояло неподдельное горе. А вот Глория... бедняжка Глория просто убивалась. Марго была для нее не просто работодателем, а вроде как старшей сестрой, наставницей. Именно Марго решила взять ее в штат, закрыв глаза на отсутствие опыта. Но должен признать, – рассудительно добавил Гупта, – со своими обязанностями девушка справлялась прекрасно. Не отлынивала. Все схватывала на лету. Дважды ей повторять не приходилось. По моему, выросла она в бедной семье. Дороти смотрела на нее свысока. Она бывала очень недоброй.

– Остается Вильма, уборщица. – Страйк дошел до конца списка. – Какие у нее были отношения с Марго?

– Чего не помню, того не помню, выдумывать не буду, – ответил Гупта. – Держалась она тихо, как мышка, эта Вильма. Ни о каких трениях между ними я не слышал. – И после едва заметной паузы добавил: – Не хотелось бы искажать факты, но, сдастся мне, у Вильмы был муж – дрянной человечешко. Марго, помнится, мне говорила, что Вильме давно пора с ним развестись. Уж не знаю, высказывала она это Вильме в глаза или нет, хотя, зная характер Марго... Кстати, – продолжал он, – я слышал, после моего ухода Вильме указали на дверь. Якобы она в рабочее время выпивала. У нее всегда был при себе термосок. Но вы не принимайте мои слова за чистую монету – я ведь могу что-то путать. Меня, как я сказал, в это время там уже не было.

Дверь в гостиную отворилась.

– Еще чаю? – осведомилась миссис Гупта и, забирая поднос и остывающий заварочный чайник, решительно отказалась от помощи Страйка, вскочившего с кресла.

Когда она вышла, Страйк сказал:

– Доктор Гупта, вы не будете возражать, если я попрошу вас мысленно вернуться в тот день, когда исчезла Марго?

Собравшись с духом, старичок-доктор ответил:

– Ничуть. Но должен вас предупредить: в памяти у меня остались только показания, которые я дал по горячим следам. Понимаете? Мои воспоминания о событиях как таковых весьма туманны. В голове сохранилось лишь то, что я говорил следователю.

Страйк подумал, что свидетель не часто бывает настолько критичен к себе. По опыту он знал, как цепко держатся люди за свои первоначальные показания, а потому важнейшие факты, не упомянутые в ранней версии, зачастую тонут под этим формализованным вариантом, заменившим собой действительность.

– Ничего страшного, – сказал он. – Что запомнилось, то и расскажите.

– Ну, это был день как день, – начал Гупта. – Единственное что: одна из девушек-мед-регистраторов, Айрин, отпросилась к зубному и ушла в половине третьего. Мы, врачи, вели прием обычным порядком, каждый у себя в кабинете. До половины третьего в регистратуре дежурили обе девушки, а после ухода Айрин осталась одна Глория. Дороти стучала на машинке до пяти, то есть до конца своего рабочего дня. Дженис до обеда вела амбулаторный прием, а во второй половине дня ходила по вызовам – так у нас было заведено. Пару раз я видел Марго в дальнем конце коридора, где у нас был закуток с чайником и холодильником. Она радовалась за Вильсона.

– За кого?

– За Гарольда Вильсона, – улыбнулся Гупта. – Накануне состоялись всеобщие выборы. Лейбористы вернулись к власти, причем с перевесом. Если вы помните, они с февраля возглавляли правительство меньшинства.

– А-а, – протянул Страйк. – Точно.

– Я вел прием до половины шестого, – продолжал Гупта. – Распрощался с Марго через распахнутую дверь ее кабинета. У Бреннера дверь была затворена – принимал пациента, видимо. Естественно, я не могу знать наверняка, что было после моего ухода, а потому ограничусь тем, что слышал от других.

– С вашего позволения, – остановил его Страйк, – мне было бы интересно узнать подробнее о том экстренном случае, из-за которого задержалась Марго.

– Мм... – Гупта сложил пальцы домиком и покивал, – вы слышаны о таинственной темноволосой даме. Все мои сведения о ней получены от крошки Глории. В «Сент-Джонсе» больных обслуживали в порядке живой очереди. Прикрепленные к нам пациенты приходили в удобное для себя время и ждали, сколько потребуется, за исключением экстренных случаев. Но та дама явилась с улицы. Она жаловалась на острую боль в животе. Глория предложила ей присесть, а сама пошла узнать, примет ли незапланированную пациентку Джозеф Бреннер, который в тот момент был свободен, тогда как Марго еще вела прием. Но Бреннер уперся – и ни в какую. Пока Глория его уламывала, Марго вышла из кабинета проводить последнюю пациентку – женщину с ребенком – и вызвалась принять ту пациентку с острой болью: у нее оставалось еще немного времени до встречи с подругой в пабе на той же улице. Со слов Глории, Бреннер пробормотал: «Вот и славно», что для него было верхом любезности, а потом, надев пальто и шляпу, ретировался. Глория вернулась в регистратуру и сообщила больной, что Марго согласна ее принять. Дама зашла в кабинет и задержалась там дольше, чем планировала Глория. Минут двадцать пять – тридцать, то есть до без четверти шесть, а на шесть часов у Марго была назначена встреча. В конце концов пациентка вышла из кабинета – и как в воду канула. Вскоре появилась Марго, уже в пальто. Сказала Глории, что опаздывает, попросила запереть все помещения. Вышла на дождь... и больше никто ее не видел.

Дверь отворилась, и в гостиную опять вошла миссис Гупта с чайником свежесваренного чая. Страйк опять вскочил со своего места, и опять его услуги были отвергнуты. Когда жена доктора вышла, Страйк спросил:

– Почему вы назвали последнюю пациентку «загадочной»? Потому что в вашей амбулатории у нее не было карты или?...

– А вам разве не известна эта история? – удивился Гупта. – Ведь впоследствии широко обсуждался вопрос: а была ли это и в самом деле женщина?

Улыбнувшись изумлению Страйка, он объяснил:

– Начало этим сомнениям положил Бреннер. Уходя, он мельком увидел ее в регистратуре и потом рассказал следователю, что, на его беглый взгляд, это был мужчина. Глория стояла на своем: в амбулаторию приходила женщина, крепко сбитая, молодая, «цыганистая» – именно так она и выразилась, не слишком политкорректно, но я лишь повторяю то, что сказала Глория. Мы эту пациентку не видели и судить не могли. Ее стали разыскивать, дали объявление, но никто на него не откликнулся, и следователь за неимением фактов стал давить на Глорию, чтобы та изменила свои показания или хотя бы допустила, что могла ошибочно принять переодетого мужчину за женщину. Но Глория твердила, что покамест еще способна отличить мужчину от женщины.

– Следователя звали Билл Тэлбот? – уточнил Страйк.

– Именно так, – подтвердил Гупта и потянулся за чаем.

– Не кажется ли вам, что он уцепился за версию с переодетым мужчиной потому...

– Потому что Деннис Крид иногда носил женскую одежду? – подхватил Гупта. – Ну разумеется. Правда, в ту пору его называли Эссекский Мясник. А имя его мы узнали только в семьдесят шестом году. И единственное на тот момент описание Мясника гласило, что он темноволос и приземист... Допустим, ход мысли Тэлбота можно понять, но...

– ...не странно ли, что Эссекский Мясник пришел к врачу под видом женщины, да еще остался ждать в регистратуре?

– Вот-вот.

Повисла короткая пауза: Гупта отпивал чай, а Страйк листал назад исписанные страницы блокнота, проверяя, все ли намеченные вопросы заданы престарелому доктору. Первым нарушил молчание Гупта:

– Вам знаком Рой? Муж Марго?

– Нет, – ответил Страйк. – Меня наняла его дочь. Вы его хорошо знали?

– Очень поверхностно, – сказал Гупта и опустил чашку на блюдце.

Страйк понял: Динеш Гупта недоговаривает.

– Какое он производил впечатление? – Страйк незаметно щелкнул стержнем шариковой ручки.

– Порочный тип, – вырвалось у Гупты. – Весьма порочный. Красавец, донельзя избалованный матерью. Мы, индусы, в этом разбираемся, уж поверьте, мистер Страйк. С матерью Роя мы познакомились на том самом барбекю. Почему-то она выбрала именно меня в качестве собеседника. Высокомерная особа, доложу я вам. Всем своим видом показывала, что регистраторши да машинистки ей не чета. У меня сложилось впечатление, что женитьба сына видится ей мезальянсом. Опять же индийские матери частенько исповедуют такое мнение. Вам известно, что он страдает гемофилией? – спросил Гупта.

– Впервые слышу, – с удивлением ответил Страйк.

– Да-да, – подтвердил Гупта. – Уверяю вас, так и есть. Он по образованию врач-гематолог; его мать сама мне сказала, что он выбрал эту специализацию по причине собственного заболевания. Понимаете? Избалованный, болезненный мальчик под чрезмерной опекой гордячки-матери... Но в таком случае наш маленький принц выбрал себе жену, ничем не похожую на его мать. Марго была не из тех женщин, которые, махнув рукой на своих пациентов и взрослых учеников, несутся домой, чтобы покормить Роя ужином. Пусть сам разогреет – вот, наверное, какова была ее позиция. Ну или пусть троюродная сестричка позаботится, – продолжал Гупта с той же осторожностью, с какой рассуждал о «темнокожих дамах». – Та молодая женщина, которую они наняли сидеть с ребенком.

– А Синтия присутствовала на той вечеринке с барбекю?

– Вот, оказывается, как ее звали? Присутствовала, а как же. Мне не довелось с ней поговорить. Она таскала на руках дочурку Марго, пока Марго развлекала гостей.

– Насколько я знаю, Роя допрашивала полиция, – сказал Страйк, который ничего толком не знал, но имел представление о стандартной процедуре.

– О да, – сказал Гупта. – И вот что, кстати, любопытно. Когда меня опрашивал инспектор Тэлбот, он с самого начала заявил, что Рой ни с какой стороны не интересуется следствие... Ума не приложу: с какой целью он мне это сообщил? Как по-вашему? Тогда ведь еще недели не прошло с момента исчезновения Марго. А мы только-только заподозрили, что на самом-то деле никакой ошибки здесь быть не может, равно как и случайности. В первые дни мы строили свои наивные оптимистические версии. Марго, наверное, переутомилась, от напряжения потеряла ориентацию, забрела неизвестно куда. Или же попала в аварию и, не приходя в сознание, неопознанная, лежит на больничной койке. Но время шло, мы обзвонили все больницы, фотографию Марго напечатали все газеты, но ни одна живая душа не откликнулась; дело приняло зловещий оборот. Я не переставал удивляться инспектору Тэлботу, который без всяких вопросов с моей стороны объявил, что Рой у них вне подозрений, что у него неопровержимое алиби. Вообще говоря, мы все заметили в Тэлботе нечто странное. Какую-то суматошность. Даже вопросы у него перескакивали с одного на другое. Не исключая, что он пытался расположить меня к себе. – Гупта взял с тарелки третий инжирный рулетик и задумчиво вертел его в руках. – Хотел внушить, что мой брат-медик вне подозрений, а значит, и мне нечего бояться, что, по его мнению, ни один врач не способен на такую мерзость, как похищение, а тем более –

к тому времени мы уже стали ожидать самого страшного – на убийство женщины... Но Тэлбот, конечно же, с самого начала подозревал Крида – и, видимо, был прав, – уныло заключил Гупта.

– Откуда у вас такая уверенность? – спросил Страйк.

Он ожидал, что Гупта сошлется на мчавшийся с превышением скорости фургон или на дождливый вечер, но доктор обнаружил немалую проницательность.

– Так чисто, раз и навсегда избавиться от трупа, как это было сделано в случае с Марго, необычайно трудно. Врачи знают, как пахнет смерть, они разбираются в юридических тонкостях и процедурах, каких требует мертвое тело. Обыватели думают, будто выбросить труп не сложнее, чем выбросить стол такого же веса, но это заблуждение, очень большое заблуждение. Даже в семидесятые годы, когда не существовало генетической экспертизы, полиция широко использовала дактилоскопию, идентификацию по группе крови и другие методы. Чем объясняется, что Марго до сих пор не нашли? Да тем, что некто действовал очень расчетливо, а про Крида мы наверняка знаем одно: что у него недюжинный ум, так ведь? В конечном счете его выдали не мертвые женщины, а оставшиеся в живых. Он знал, как заставить трупы молчать.

Гупта отправил печенье в рот, тщательно отряхнул пальцы от крошек и, со вздохом указав на ноги Страйка, спросил:

– Которая?

Страйка ничуть не задела эта медицинская прямолинейность.

– Вот эта, – ответил он, пошевелив правой ногой.

– При вашей массе тела, – сказал Гупта, – у вас совершенно естественная походка. Не узнай я о вашем прошлом из газет, сам, возможно, ничего бы не заметил. Раньше таких отличных протезов не делали. А сейчас – чего только не придумают! Гидравлика имитирует движение суставов! Великолепно.

– Национальная служба здравоохранения не в состоянии оплачивать такие навороченные протезы. – Страйк опустил блокнот в карман. – У меня довольно примитивная конструкция. Если вас не затруднит, дайте мне, пожалуйста, нынешний адрес процедурной сестры.

– Да-да, непременно. – С третьей попытки Гупта сумел подняться с кресла.

Битых полчаса супруги Гупта листали ветхую адресную книгу в поисках координат Дженис Битти.

– Не гарантирую, что эти сведения до сих пор верны, – сказал Гупта в прихожей, вручая Страйку листок бумаги.

– Для начала и это неплохо, тем более что у Дженис теперь наверняка другая фамилия. Вы мне очень помогли, доктор Гупта, – сказал Страйк. – Спасибо за уделенное время.

– Если через столько лет вы ее разыщете, – доктор Гупта впился в Страйка своими проницательными черными глазками, – это будет чудо. Но я рад, что делу снова дали ход. Честное слово, я рад.

11

*Он издалёка видел пред собой -
Сама Судьба указывала путь
Иль грезилось? – то ль шабаш, то ли бой.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

На обратном пути к станции «Амершем», минуя живые изгороди из самшита и сдвоенные гаражи состоятельных профессионалов, Страйк раздумывал о Марго Бамборо. В рассказах старого врача она представляла яркой, сильной личностью, и, как ни странно, было в этом что-то непостижимое. По мысли Страйка, исчезновение Марго Бамборо сделало ее привидением, которому изначально суждено было растаять в дождливых сумерках, чтобы никогда более не возвращаться.

Ему вспомнилась семерка женщин, изображенных на обложке «Демона Райского парка». Они жили себе в призрачном черно-белом мире и щеголяли прическами, которые устаревали день ото дня по мере удаления модниц от их родни и от жизни, но каждый из этих негативов символизировал человеческое существо, у которого некогда билось сердце, кипели помыслы и мнения, мелькали победы и разочарования, не менее реальные, чем у Марго Бамборо, но лишь до тех пор, пока им не преградил путь тот единственный, кого наградили цветным изображением в кошмарной повести об их гибели. Страйк так и не осилил всю книгу, но уже знал, что Крид выбирал себе самых разных жертв, включая школьницу, агента по недвижимости и аптекаршу. Если верить прессе, этот кошмар усугублялся тем, что Эссекский Мясник не ограничивался нападениями на проституток, которые, как подразумевалось, служили естественной добычей любого серийного убийцы. Более того, единственная жрица любви, на которую напал этот нелюдь, осталась в живых.

Эта женщина, Хелен Уордроп, рассказала свою историю в документальном телефильме о Криде, который Страйк пару ночей тому назад смотрел на «Ютьюбе», уминая купленный навынос китайский ужин. Фильм был пошлый и слезливый, с неумелыми реконструкциями, а цельнотянутая музыка отсылала к ужасу семидесятых годов. В период съемок Хелен Уордроп была одутловатой, заторможенной теткой с крашеными рыжими волосами и неумело прилепленными накладными ресницами; застывший взгляд и монотонная речь свидетельствовали не то о воздействии транквилизаторов, не то о последствиях черепно-мозговой травмы. Крид нанес пьяной, визжащей Хелен чудом не ставший смертельным удар молотком по голове, пытаясь загнать ее обратно в фургон. Теперь она послушно поворачивала голову, чтобы ведущий мог показать зрителям вмятину, деформировавшую ее череп. Ведущий спросил, понимает ли Хелен, как ей повезло остаться в живых. После секундного колебания она согласилась.

Дальше Страйк, раздосадованный банальностью вопросов, смотреть не стал. Когда-то он тоже оказался не в то время не в том месте; последствия остались с ним на всю жизнь, а потому он как нельзя лучше понял это недолгое колебание Хелен Уордроп. Ему самому взрывом оторвало ступню и голень; тем же взрывом сержанту Гэри Топли оторвало нижнюю часть туловища, а Ричарду Энстису – кусок лица. На Страйка нахлынула буря эмоций – угрызения совести, благодарность, смятение, страх, ярость, обида, одиночество, но радости везенья он почему-то не припоминал. Вот если бы та бомба не сдетонировала, это было бы везеньем. Везеньем было бы ходить на двух ногах. Везенье – это удел тех, кому неволею выслушивать, как изувеченные, обезумевшие инвалиды называют пережитые ужасы этим словом. Он вспоминал, как лежал в госпитале, одурманенный морфином, а тетушка слезливо утверждала, что

ему хотя бы не больно; и, по контрасту, первые слова Полворта, который примчался к нему в «Селли-Оук»:

– Ни фиги себе, охереть легче, Диди.

– Да, охереть, пожалуй, легче, – согласился Страйк, глядя на вытянутый обрубок ноги и прислушиваясь к нервным окончаниям, которые твердили, что и голень, и ступня никуда не делись.

На станции Страйк узнал, что лондонский поезд ушел у него из-под носа. Опустившись на скамью в слабом свете осеннего солнца, он достал пачку сигарет, закурил и проверил мобильный. Пока он, отключив звук, беседовал с Гуптой, на дисплее отобразились два сообщения и один непринятый звонок.

Сообщения пришли от единокровного брата Ала и от доброй приятельницы Илсы; они могли подождать, тогда как звонок от Джорджа Лэйборна требовал немедленной реакции; Страйк тут же перезвонил.

– Ты, Страйк?

– Ага. Вижу, ты звонил.

– Звонил. То, что тебе нужно, у меня на руках. Копия дела Бамборо.

– Шутишь?! – Страйк упоенно выпустил дым. – Джордж, не верю своим ушам. Я твой должник.

– Проставишься в пабе и назовешь мое имя газетчикам, если, конечно, узнаешь, кто это сделал. «Оказал неоценимую помощь». «Без него я бы не справился». Точные формулировки обсудим позже. Может, меня наконец-то в звании повысят. Слушай, – Лэйборн заговорил серьезно, – там черт ногу сломит. В этом досье. Бардак полный.

– В каком смысле?

– Старье. Листов не хватает, насколько я понял, хотя не исключено, что они в других местах всплывут, я целиком не успел прошерстить, тут четыре коробки... Но главное, в записях Тэлбота без стакана не разберешься. Потом Лоусон пробовал навести в них порядок, да обломался... Короче, что есть – все твое. Завтра буду в твоих краях – могу тебе в контору забросить, если нужно.

– Не передать словами, как я тебе благодарен, Джордж.

– Мой старик был бы доволен как слон, что кто-то это дело поднял, – сказал Лэйборн. – Он спал и видел, чтобы Крид ответил за все.

Лэйборн повесил трубку, а Страйк немедленно закурил и стал звонить Робин, чтобы сообщить ей эти потрясающие вести, но его звонок был перенаправлен в голосовую почту. Тогда он вспомнил, что Робин сейчас встречается с преследуемым синоптиком, и открыл эсэм-эску от брата.

Хай, браза, по-свойски начиналась она.

Ал был единственным братом Страйка по отцовской линии, с которым он поддерживал отношения, пусть спорадические и односторонние – всегда по инициативе Ала. В общем и целом у Страйка было шестеро единокровных родственников со стороны Рокби: троих он никогда не видел и не имел такого желания – ему с лихвой хватало родни по материнской линии.

Как тебе известно, *Deadbeats* в будущем году отмечают 50-летие.

Страйку это не было известно. Своего отца Джонни Рокби, вокалиста группы *Deadbeats*, он видел ровно два раза в жизни, а сведения о звездном папаше черпал вначале от Леды, которой тот случайно заделал ребенка в почти безлюдном углу какой-то нью-йоркской тусовки, а позднее из прессы.

Как тебе известно, *Deadbeats* в будущем году отмечают 50-летие (инфа сверхсекретная). 24 мая выходит их сюрпризный альбом. Мы (родня)

собираемся закатить по такому случаю грандиозную пьянку в Спенсер-Хаусе. Браза, нам всем, особенно папе, будет в кайф, если ты приедешь. Габи решила организовать фотосессию для всех его детей вместе и подарить ему такую фотку в знаменательный день. Впервые в жизни. Предварительно вставив в рамочку – сюрприз как-никак. Все без исключения вписались. Не хватает одного тебя. Подумай об этом, браза.

Страйк прочел это дважды, но оставил без ответа и перешел к скупому сообщению Илсы.

Сегодня у Робин ДР, балбес.

12

*Даров богатых присылал ей горы
И расточал хвалы ей, но она,
С льстецом и лестью не вступая в споры,
От подношений отводила взоры.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

На совещание с Робин телевизионный синоптик привел жену. Уютно расположившись в кабинете, супруги никуда не спешили. У жены созрела новая версия, подсказанная анонимной открыткой, только что доставленной на адрес телестудии Би-би-си. Это была уже пятая открытка с репродукцией картины и третья, купленная в магазине Национальной портретной галереи, что навело синоптика на мысль о бывшей возлюбленной – выпускнице художественного училища. Где эта особа сейчас, он понятия не имел, но разве не стоило ее поискать?

Робин с трудом верилось, что бывшая подруга, желая вернуть утраченные чувства, будет возиться с анонимными открытками, когда существуют социальные сети и, более того, контактные данные синоптика есть в общем доступе, но из дипломатических соображений согласилась, что проверить эту дамочку нелишне, и записала все подробности давно угасшего романа, какие только сумел припомнить синоптик. Затем она отчиталась о шагах, предпринимаемых агентством для розыска Открыточника, а также заверила мужа с женой, что по ночам их дом находится под неусыпным наблюдением.

Синоптик, невысокий, черноглазый, с каштаново-рыжими волосами, хранил виноватый вид – не иначе как обманный. Его жена, худая, повыше мужа на несколько дюймов, была напугана ночными доставками почтовых открыток и слегка досадовала, когда муж полушутливо рассуждал, что синоптики, особенно невзрачные, отнюдь не звездной внешности, редко удостоиваются такого внимания, но кто знает, чего можно ожидать от женщины?

– Или от мужчины, – уточнила жена. – Мы же не знаем наверняка, что здесь замешана женщина, правда?

– Конечно не знаем. – Улыбка мужа постепенно таяла.

Когда эта пара наконец-то ушла, миновав стол, за которым Пат безостановочно стучала по клавишам, Робин вернулась в кабинет, чтобы повнимательнее рассмотреть последнюю открытку. На репродукции был изображен мужчина в костюме девятнадцатого века, с высоко повязанным шейным платком. Художник – Джеймс Даффилд Хардинг. Робин о таком даже не слышала. Она перевернула открытку обратной стороной. Там была надпись печатными буквами:

ОН ПОСТОЯННО НАПОМИНАЕТ МНЕ О ТЕБЕ.

Робин вновь перевернула открытку изображением кверху. Действительно, неприметный человек с бакенбардами чем-то смахивал на синоптика.

Неожиданно для себя Робин зевнула. Она весь день разбирала документы, проверяла и подписывала счета, а кроме всего прочего, корректировала график работы на ближайшие две недели, чтобы по просьбе Морриса освободить ему субботний вечер – тот собирался на выступление трехлетней дочки, танцующей в балетном спектакле. Робин заметила время: семнадцать часов. Невзирая на паршивое настроение, она аккуратно сложила материалы досье Открыточника и включила звук телефона. В считанные секунды раздался звонок: Страйк.

– Привет, – сказала Робин, стараясь ничем себя не выдать, хотя уже было ясно, что он в очередной раз не вспомнил про ее день рождения.

– Поздравляю с днем рождения... – сквозь шум начал Страйк: он, как поняла Робин, ехал в поезде.

– Спасибо.

– У меня для тебя кое-что есть, но вернусь через час, не раньше, – сейчас из Амершема еду.

«Фига с маслом у тебя есть, – подумала Робин. – Ты и думать забыл. Купишь по пути какой-нибудь веник».

Робин не сомневалась, что Страйк получил подсказку от Илсы, которая звонила ей перед приходом клиентов – сказать, что, скорее всего, опоздает в бар. Как бы между прочим Илса полюбопытствовала, что подарил ей Страйк, и Робин честно сказала: «Ничего».

– Это очень приятно, спасибо, – ответила сейчас Робин, – только меня не будет. Сегодня иду в бар.

– Вот оно что, – сказал Страйк. – Ну правильно. Извини, раньше не мог вырваться – ездил на встречу с Гуптой.

– Ну ничего, оставь их тут, в конторе...

– Лады, – согласился Страйк, и Робин заметила, что слово «они» не вызывает никаких вопросов. Определенно, притащит цветы.

– Тогда я коротко, – продолжил он. – Главная новость: Джордж Лэйборн раздобыл досье Бамборо.

– Ой, как здорово! – поневоле воодушевилась Робин.

– Это точно. Завтра утром принесет.

– А что там Гупта? – спросила Робин, присев на свою половину двойного партнерского стола, заменившего простой письменный стол Страйка.

– Рассказал много интересного, особенно про саму Марго. – Голос Страйка звучал приглушенно: видимо, поезд въехал в туннель.

Поплотнее прижав трубку к уху, Робин уточнила:

– В каком плане?

– Даже не знаю, как сказать, – сквозь помехи отвечал Страйк. – На той давней фотографии она нисколько не похожа на заядлую феминистку. Это была куда более яркая личность, чем я для себя решил, что, конечно, идиотизм: в самом деле, почему она не могла быть яркой, сильной личностью?

Но Робин интуитивно поняла, что он имеет в виду. Нечеткий снимок застывшей во времени Марго Бамборо, с прямым пробором по моде семидесятых, в блузе с широким, скругленным лацканом и в трикотажной майке, будто бы принадлежал к давно ушедшей, двухмерной эпохе блеклых красок.

– Завтра изложу подробно. – Из-за плохой связи он спешил закончить разговор. – Тут сигнал слабый. Я тебя почти не слышу.

– Ладно. – Робин заговорила громче. – Завтра обсудим.

Она вновь открыла дверь в приемную. Сжимая в зубах электронную сигарету, Пат выключала старый компьютер, за которым в свое время работала Робин.

– Кто звонил – Страйк? – скрипучий голос и черные как смоль волосы придавали ей сходство с вороной, которая где-то разжила куревом.

– Да. – Робин взяла пальто и сумку. – Возвращается из Амершема. Но вы заприте, пожалуйста, офис как положено, Пат: он, если что, откроет своим ключом.

– Он тебя поздравил с днем рождения? – спросила Пат, все утро предвкушавшая, как видно, садистское удовольствие от забывчивости Страйка.

– Конечно, – сказала Робин и добавила из преданности Страйку: – У него и подарок для меня есть. Завтра вручит.

Пат преподнесла Робин бумажник.

– Твой старый уже разваливается, – сказала она, когда Робин вскрыла упаковку.

Хотя Робин вряд ли выбрала бы ярко-красный цвет, она была искренне тронута, тепло поблагодарила Пат и тут же переложила в новый бумажник деньги и банковские карты.

– Яркий цвет чем хорош – в сумке сразу виден, рыться не надо, – самодовольно изрекла Пат. – А этот шотландец полоумный что тебе подарил?

Утром Барклай оставил для нее у Пат какой-то маленький сверток.

– Колоду карт, – улыбнулась Робин, только сейчас вскрыв подарок. – Слушайте, а ведь он мне про такие рассказывал, когда мы с ним наружку вели. Игральные карты с изображениями самых опасных преступников «Аль-Каиды». Во время войны в Ираке такие раздавались американским военнослужащим.

– И на кой они? – фыркнула Пат. – Куда их девать?

– Ну, когда он рассказывал, я проявила интерес, – объяснила Робин, которую насмешило высокомерие Пат. – Буду в покер играть. Вот смотрите, это же стандартная колода, цифры, все дела.

– В бридж, – отчеканила Пат. – Это, я понимаю, игра. Люблю в бридж перекинуться.

Когда обе надевали пальто, Пат спросила:

– Посидеть где-нибудь собралась?

– Да, с подругами поднимем по бокалу, – ответила Робин. – Но у меня есть подарочный сертификат «Селфриджес», он мне карман жжет. Если успею, еще забегу чем-нибудь себя порадовать.

– Чудненько, – проскрипела Пат. – Уже приценилась?

Но Робин не успела ответить, потому что стеклянная дверь у нее за спиной открылась и вошел Сол Моррис, красивый, сияющий и чуть запыхавшийся, с прилизанными черными волосами и ярко-голубыми глазами. Предчувствуя неладное, Робин покосилась на открытку и сверток в подарочной упаковке, которые он держал в руке.

– С днем рождения! – воскликнул он. – Хорошо, что я тебя застал!

Не успела она и глазом моргнуть, как он наклонился и чмокнул ее в щеку – не изобразил поцелуй в воздухе, а реально коснулся губами ее щеки. Робин отступила на полшага назад.

– Для тебя тут кое-что есть, – как ни в чем не бывало провозгласил он, протягивая ей подарок с открыткой. – Пустячок на самом деле. А как сегодня наша мисс Манипенни? – Он повернулся к Пат, которая уже вынула изо рта электронную сигарету и расплылась в улыбке, обнажив зубы цвета старой слоновой кости.

– Мисс Манипенни! – просияв, повторила за ним Пат. – Ну тебя, в самом деле.

Робин надорвала упаковку. Внутри обнаружилась подарочная коробочка соленых карамельных трюфелей фирмы «Фортнум энд Мейсон».

– Ах, какая прелесть, – умилилась Пат.

Трюфели, надо понимать, были расценены как вполне уместный подарок для молодой женщины, не то что колода карт с портретами злодеев из «Аль-Каиды».

– Вспомнил, что ты равнодушна к соленой карамели, – гордясь собой, сказал Моррис. Робин точно знала, чем навеяна такая мысль, но от этого ничуть не потеплела.

Месяц назад, во время первого общего собрания расширенного персонала агентства, Робин открыла жестянку фигурного печенья, которую доставили вместе с дорожной сумкой – подарком от благодарного клиента. Страйк поинтересовался, с какой стати все кондитерские изделия выпускаются нынче со вкусом соленой карамели, и Робин отметила, что это не мешает некоторым уминать их пригоршнями. Хотя она не высказала никаких предпочтений, Моррис,

как видно, уделил ее реплике слишком много и в то же время слишком мало внимания и сделал ленивую засечку на будущее.

– Большое спасибо, – сказала она с минимальной теплотой. – К сожалению, мне надо бежать.

И не успела Пат вставить, что за полчаса «Селфриджес» никуда не денется, как Робин уже скользнула мимо Морриса и промчалась вниз по железным ступеням, сжимая в руке непрочитанную поздравительную открытку.

Через полчаса, неспешно двигаясь по огромному парфюмерному отделу универмага «Селфриджес», Робин пыталась понять, чем ее так раздражает Моррис. В ее планы входило купить себе новые духи – старыми она неизменно пользовалась пять лет: Мэтью любил тот запах и всегда просил его не менять, но в последнем флаконе уже не осталось ни капли, и у нее возникло внезапное желание окутать себя таким ароматом, который Мэтью не сможет узнать, а тем более полюбить. Дешевый флакончик одеколona «4711», купленный по дороге в Фалмут, никак не мог претендовать на статус изысканного аромата, ее новой визитной карточки, а потому Робин бродила по нескончаемому лабиринту, среди тонированных стекол и золоченых светильников, между островками соблазнительных флаконов и ярко освещенных портретов знаменитостей, где царили одетые в черное сирены с модными тестерами и бумажными полосками наготове.

Не признак ли это раздутого самомнения, думала Робин, если она считает, что Моррис, наемный работник, не имеет права лезть с поцелуями к совладелице агентства? И будет ли она точно так же злиться, надумай всегда сдержанный Хатчинс чмокнуть ее в щеку? Нет, решила она, никаких возражений у нее не возникнет, потому что она знала Энди больше года и еще потому, что Хатчинс достаточно тактичен, чтобы просто приблизить к ней лицо, без всяких лобзаний.

А Барклай? Он не то что никогда не лез с поцелуями, но даже обозвал ее «руки-крюки» во время совместного наружного наблюдения, когда она от волнения опрокинула на него чашку горячего кофе, завидев их объекта, высокопоставленного чиновника, который в два часа ночи выходил из скандально известного борделя. Ну обозвал, ничего страшного. Действительно руки-крюки.

Свернув за очередной угол, Робин оказалась перед прилавком фирмы «Ив Сен-Лоран» и с неожиданным для себя интересом выхватила глазами сине-черно-серебристый цилиндр с названием «Рив Гош», любимые духи Марго Бамборо. Прежде Робин даже не обращала внимания на этот аромат.

– Это классика, – произнесла утомленного вида продавщица, наблюдая, как Робин брызгает «Рив Гош» на бумажную полоску и нюхает.

Для Робин критерием оценки парфюма всегда было сходство с каким-нибудь знакомым цветком или продуктом, но этот запах не напоминал о природе. В нем ощущалась призрачная роза, но вместе с тем и нечто странно-металлическое. Привыкшая к уютным конфетно-фруктовым ароматам, Робин с улыбкой опустила бумажную полоску, отрицательно покачала головой и пошла дальше.

Вот, значит, какой шлейф плыл за Марго Бамборо, подумалось ей. Куда более изощренный, чем тот, которым восхищался Мэтью, – свежий коктейль из природных ингредиентов: винной ягоды, молока и зелени.

За следующим поворотом Робин заметила граненый флакон с розовой жидкостью: «Цветочная бомба», визитная карточка Сары Шедлок. В ванной комнате у Сары и Тома всегда стоял такой флакон, когда Робин с Мэтью приходили к ним в гости. После расставания с Мэтью у нее было предостаточно времени, чтобы осмыслить причины, заставлявшие его среди недели менять постельное белье, которое он «залил чаем» или «решил прокрутить в машинке

сегодня, чтобы тебе завтра было меньше хлопот», – он хотел замывать этот назойливый, сладкий запах, столь же предательский след, как и вытекший из аккуратно снятого кондома.

– Современная классика, – с надеждой сообщила продавщица, заметив, что Робин остановила взгляд на стеклянной ручной гранате.

С вежливой улыбкой Робин помотала головой и отвернулась. Теперь ее отражения в тонированном стекле сделались совсем печальными, а она по-прежнему брала со стеллажей и прилавков пробные флаконы и нюхала бумажные полоски в безрадостных поисках чего-нибудь такого, что могло бы скрасить этот постылый день. Ей вдруг нестерпимо захотелось поспешить домой, а не в бар.

– Что конкретно вы ищете? – спросила скуластая темнокожая девушка, вскоре оказавшаяся у нее на пути.

Через пять минут после краткого, делового обсуждения Робин уже шла по направлению к Оксфорд-стрит с прямоугольным черным флаконом в сумке. Продавщица, несомненно, обладала даром убеждения.

– ...А если вам хочется чего-то *совершенно* необычного, – сказала она, предлагая ей пятый флакон и размахивая бумажной полоской, – попробуйте «Фрака».

У Робин до сих пор горели ноздри от разнообразных парфюм-атак последнего получаса.

– Сексуальный, взрослый аромат, вы согласны? Настоящая классика.

И в этот миг Робин, вдохнувшая пьянящий, обольстительный, густой аромат туберозы, поддалась желанию стать искушенной тридцатилетней женщиной, совсем не похожей на ту дуреху, которая своим куцым умишком не понимала, что дистанция между рассказами мужа о своих вкусах и его реальными постельными желаниями примерно такая же, как между винной ягодой и ручной гранатой.

13

*Там холм служил подножием святыне,
Взметнув обрывистую высоту;
Часовенка виднелась на вершине,
А рядом старец обитал в скиту,
Житейскую отвергнув суету.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей. Перевод В. Микушевича

Задним числом Страйк упрекал себя за тот первый подарок, который он преподнес Робин Эллакотт. В порыве безоглядного донкихотства он купил ей дорогое зеленое платье – только потому, что этот поступок не означал ничего личного: в ту пору она была помолвлена, и он убеждал себя, что больше они не увидятся. Она примерила это платье ради Страйка – чтобы развязать язык продавщице – и умело вытянула у той девушки показания, позволившие Страйку распутать самое первое дело, которое снискало ему известность и спасло агентство от финансового краха. Охваченный эйфорией и благодарностью, он вернулся в магазин и сделал эту покупку в качестве широкого прощального жеста. Только таким способом, как ему казалось, можно было выразить то, что он хотел ей сказать: «Видишь, чего мы достигли общими усилиями», «Без тебя, в одиночку, я бы не справился» и (если уж совсем честно) «В этом платье ты просто неотразима – знай: я сразу об этом подумал».

Впрочем, дело обернулось не совсем так, как ожидал Страйк, поскольку через час после вручения Робин зеленого платья он нанял ее на должность своей помощницы. Вне всякого сомнения, это платье сыграло свою роль, хотя бы отчасти, в том, что Мэтью, жених Робин, стал относиться к детективу с глубоким подозрением. Однако на взгляд Страйка, худшее заключалось в том, что таким подарком он задал непомерно высокую планку на будущее. Сознательно или нет, но с той поры он заметно снизил порог ожиданий, либо вовсе забывая об именинных и рождественских подарках для Робин, либо выбирая что-нибудь предельно обезличенное.

Приехав из Амершема, он зашел в первый попавшийся цветочный магазин и купил восточные лилии, которые принес в офис, чтобы Робин обнаружила их наутро. Они понравились ему размерами и запахом. После запоздалого прошлогоднего букета он чувствовал, что обязан выбрать что-нибудь подороже, а у этих был шикарный вид – не скажешь, что куплены из экономии. Розы вызвали нежелательные ассоциации с Днем святого Валентина, а вся остальная цветочная продукция – к половине шестого изрядно оскудевшая – имела задрипаный или слишком будничные вид. Эти лилии подходили по всем статьям: крупные, словно искусственные, в достаточной степени официальные, пахучие и, в силу своей показной эффектности, ни к чему не обязывающие. От них, выращенных в стерильной теплице, не веяло романтическим шепотом тихих лесов или тайных садов – цветы как цветы, о таких он мог с уверенностью сказать «вкусно пахнут» и никак больше не оправдывать свой выбор.

Страйку не дано было знать, что запах восточных лилий всегда будет напоминать Робин о Саре Шедлок, которая принесла в точности такой букет им с Мэтью на новоселье. Наутро после дня рождения, войдя в кабинет, Робин увидела эти цветы на сдвоенном конторском столе: засунутые прямо в целлофане в наполненную до краев вазу и перетянутые пурпурным бантом, они сопровождалась крошечной карточкой с надписью: «С днем рождения. Корморан» (безо всяких сантиментов: Страйк никогда не пририсовывал ни сердечки, ни крестики-поцелуи), они произвели на нее почти такое же впечатление, как тот флакон-граната в парфюмерном отделе. Смотреть на букет было невозможно: он разом напомнил ей и о невнимании Страйка, и об измене Мэтью; уж если втягивать в себя этот запах, то не дома, сразу решила она.

Так и получилось, что цветы остались в конторе: они упрямо отказывались умирать, а Пат настолько заботливо меняла воду и подрезала стебли, что букет простоял без малого две недели. Под конец даже сам Страйк уже лез на стену: долетавшие до него облака запаха напоминали духи его бывшей подруги Лорелеи – не самая приятная ассоциация.

К тому времени, когда бело-розовые лепестки начали скукоживаться и опадать, миновала тридцать девятая годовщина исчезновения Марго Бамборо, не замеченная, скорее всего, никем, кроме, быть может, ее родни, Страйка и Робин: детективы независимо друг от друга вспомнили эту роковую дату. В агентство, как обещал Джордж Лэйборн, были доставлены материалы дела – четыре картонные коробки, задвинутые под сдвоенный партнерский стол: другого места в офисе для них не нашлось. Страйк, который в данный момент был менее других загружен текущими заказами, поскольку его в любую минуту могли срочно вызвать в Корнуолл, взял за правило методично исследовать эти папки. В его планы входило перевернуть их содержимое, а затем отправиться вместе с Робин в Кларкенуэлл и повторить маршрут, которым уходила в неизвестность Марго Бамборо: от старой амбулатории «Сент-Джонс», где ее в последний раз видели живой, до паба, где ее напрасно дожидалась подруга.

Итак, в последний день октября Робин вышла из агентства в час дня и под грозовым небом, с зонтиком наготове поспешила к метро. Ее не покидало радостное волнение от предстоящей совместной со Страйком работы над делом Бамборо.

Когда Робин добралась до назначенного места, уже накрапывал дождь; Страйк курил, разглядывая фасад здания на полпути к Сент-Джонс-лейн. Заслышав стук каблучков по мокрому тротуару, он обернулся.

– Я опоздала? – подходя, спросила Робин.

– Нет, – ответил Страйк, – это я рано.

Остановившись рядом с ним и не убирая зонтика, она взгляделась в многоэтажное кирпичное здание с массивными металлическими оконными рамами. Похоже, его занимал бизнес-центр, но никаких вывесок у входа не было.

– Вот это место. – Страйк указал на входную дверь с номером 29. – Здесь в свое время располагалась амбулатория «Сент-Джонс». Фасад, судя по всему, ремонтировали. Раньше в этом доме был черный ход, – добавил он. – Сейчас обойдем кругом и глянем что да как.

Робин осмотрелась и пару раз окинула взглядом Сент-Джонс-лейн – длинный, узкий переулок с односторонним движением, стиснутый с обеих сторон высокими многоэтажными домами.

– Плохо просматривается, – отметила она.

– Угу, – сказал Страйк. – Ну что ж, давай-ка для начала вспомним, во что была одета Марго перед исчезновением.

– Я уже наизусть знаю, – ответила Робин. – Коричневая вельветовая юбка, красная блуза рубашечного покроя, трикотажная майка, бежевый плащ «Барбери», серебряные серьги и цепочка, золотое обручальное кольцо. При себе имела кожаную сумку на длинном ремне и черный зонт.

– Тебе бы всерьез заняться криминалистикой. – Страйк оценил такую осведомленность, но не стал на этом останавливаться. – Ты готова выслушать инфу из полицейского досье?

– Говори.

– В семнадцать сорок пять одиннадцатого октября тысяча девятьсот семьдесят четвертого года в помещении находились, как было установлено, трое: Марго в том самом прикиде, который ты описала, но пока без плаща, одна из двух регистраторш, та, что помоложе, – Глория Конти, а также пришедший с улицы экстренный пациент с жалобой на острый живот. Звали этого пациента, если верить каракулям Глории, «Тео знак вопроса». Глория ни разу не отступилась от своего утверждения, что «Тео», несмотря на мужское имя, – это женщина, хотя доктор Джозеф Бреннер показал, что пациент, по его мнению, все же походил на мужчину, да и

Тэлбот изо всех сил склонял регистраторшу к мысли, что Тео – переодетый мужчина. Без четверти шесть больше никого из персонала в помещении не осталось, даже уборщицы Вильмы, которой в тот день не было на месте, – по пятницам она не работала. Но про Вильму позже. Процедура сестра Дженис была в амбулатории до двенадцати дня, потом ходила по вызовам и на работу не вернулась. Медрегистратор Айрин в половине третьего отпросилась к зубному и после этого на работу не пришла. Согласно их показаниям, подтвержденным по меньшей мере еще одним из свидетелей, секретарь-машинистка Дороти ушла в семнадцать десять, доктор Гупта – в семнадцать тридцать и доктор Бреннер – в семнадцать сорок пять. Полиция проверила алиби этих троих: Дороти пошла домой, где ее ждал сын, и вместе с ним весь вечер смотрела телевизор. Доктор Гупта присутствовал на большом семейном сборе: вся родня праздновала день рождения его матери; доктор Бреннер провел вечер с незамужней сестрой – у них дом на двоих. Сосед, гулявший с собакой, видел их через окно гостиной. Наблюдавшиеся у Марго мамаша с ребенком – последние на этот день пациенты из приписанных к амбулатории – ушли незадолго до Бреннера. Пациенты подтвердили, что в их присутствии Марго чувствовала себя прекрасно. С этого момента единственной свидетельницей остается Глория. Если верить Глории, Тео прошел в кабинет Марго и задержался там дольше положенного. Ушел он в восемнадцать пятнадцать, и больше в амбулатории его не видели. Полиция обратилась за помощью к населению, но никто не откликнулся. У Марго никаких записей насчет приема Тео не осталось. По общему мнению, она собиралась наверстать упущенное на другой день, поскольку торопилась на встречу с подругой, которая и так просидела в пабе лишние четверть часа. Вскоре после ухода Тео она в спешке покинула кабинет, надела плащ, попросила Глорию запереть помещение ключом-вездеходом, вышла на дождь, раскрыла зонт и, свернув направо, исчезла из поля зрения Глории.

Страйк обернулся и указал на желтую, старинного вида каменную арку, нависающую над переулком:

– То есть двигалась она вот туда – в направлении «Трех королей».

Они взгляделись в старинную арку, словно там вдруг могла появиться тень Марго. Затоптав окурок, Страйк сказал:

– Иди за мной.

У номера двадцать восемь он остановился и махнул рукой в сторону темного, шириной с дверь проулка с табличкой «Сквозной проход».

– Неплохое укрытие, – сказала Робин, останавливаясь, чтобы повнимательнее осмотреть этот узкий сводчатый коридор, прорезавший здания.

– Это точно, – подтвердил Страйк. – Как по заказу, если кто надумал ее подкараулить. Застать врасплох, уволочь сюда... но дальше все становится проблематично.

Отшагав по этому короткому проулку от начала до конца, они оказались в утопленном скверике с кустарниками и асфальтированными дорожками, который соединял две параллельные улицы.

– Полицейские кинологи с собаками обшарили весь этот сквер. Ровно ноль. А если бы нападавший протасил ее вперед, вот сюда, – Страйк указал на ту улицу, которая шла параллельно Сент-Джонс-лейн, – по Сент-Джонс-стрит, он вряд ли сумел бы остаться незамеченным. Это куда более оживленная улица, чем Сент-Джонс-лейн. А кроме всего прочего, физически крепкая, рослая женщина двадцати девяти лет наверняка стала бы отбиваться и звать на помощь. – Он осмотрел черный ход. – Районная процедурная сестра иногда входила не через приемную с регистратурой, а через дверь черного хода. Ближе к торцу здания у нее была небольшой кабинетик, где она держала личные вещи, а иногда и выполняла процедуры. Через черный ход иногда уходила Вильма, уборщица. В остальное время эта дверь была заперта.

– Нас интересует тот факт, что у персонала была возможность входить и выходить через другую дверь? – спросила Робин.

– В общем-то, нет, но я хотел свыкнуться с планировкой. Как-никак сорок лет прошло: нам придется перепроверять абсолютно все.

По Сквозному проходу они дошли до фасада здания.

– У нас есть одно преимущество перед Биллом Тэлботом, – сказал Страйк. – Мы знаем, что Эссекский Мясник был стройным блондином, а не смуглой, крепко сбитой особой цыганского вида. Тео, кем бы он ни оказался, и Крид – это не одно лицо. Что, конечно, не дает нам права сбросить со счетов эту личность. И последнее насчет амбулатории, – сказал Страйк, вглядываясь в номер двадцать девять. – Айрин, блондиночка из регистратуры, сообщила следователям, что Марго незадолго до своего исчезновения получила два анонимных письма с угрозами. В полицейском досье они отсутствуют, а значит, мы можем полагаться только на слова Айрин. Она утверждает, что одно вскрывала самолично, а второе видела на письменном столе у Марго, когда приносила ей чай. Говорит, что в той записке, которую она читала своими глазами, упоминался адский огонь.

– Считается, что вскрывать почту – это дело секретаря, а не медрегистратора, – отметила Робин.

– Хорошее наблюдение, – сказал Страйк, достал блокнот и сделал в нем пометку, – это надо будет проверить... Здесь, кстати, уместно вспомнить, что Тэлбот считал Айрин ненадежной свидетельницей: сплошные, мол, неточности и преувеличения. Между прочим, Гупта сказал, что на рождественском корпоративе между Айрин и Марго произошла, как он выразился, «стычка». По его мнению, из-за какой-то мелочи, однако же он это запомнил.

– А Тэлбот?...

– Да, Тэлбот умер, – ответил Страйк. – Его сменил Лоусон. Впрочем, у Тэлбота остался сын – я вот думаю с ним побеседовать. А у Лоусона детей никогда не было.

– Рассказывай дальше про анонимные письма.

– А, ну да: Глория, вторая регистраторша, сказала, что Айрин показывала ей одну из анонимок, но содержание вспомнить не смогла. Медсестра Дженис сказала, что в свое время слышала эту историю от Айрин, но своими глазами тех посланий не видела. С Гуптой Марго не делилась – я ему позвонил и задал этот вопрос... Короче, – сквозь мелкий дождик Страйк напоследок обвел взглядом улицу, – если допустить, что Марго не была похищена прямо у дверей амбулатории, что у самого выхода не села в какую-нибудь машину, то, следовательно, выдвинулась она в сторону «Трех королей», а значит, нам сюда.

– Хочешь под зонтик? – предложила Робин.

– Нет, – отказался Страйк. Его густые, курчавые волосы, что мокрые, что сухие, выглядели одинаково; тщеславием он не страдал.

Продолжая путь по улице, они миновали ворота Святого Иоанна – старинную каменную арку, декорированную множеством небольших геральдических щитов, вышли на Кларккенуэлл-роуд, оживленную улицу с двусторонним движением, перешли на другую сторону и оказались у старомодной ярко-красной таксофонной будки в створе Альбемарль-уэй.

– Не та ли это будка, у которой подрались две женщины? – спросила Робин.

Страйк не поверил своим ушам.

– Ты читала досье, – почти прокурорским тоном сказал он.

– Просмотрела по диагонали вчера вечером, – призналась Робин, – пока распечатывала счет по Жуку. Полностью прочесть не успевала. Но с отдельными частями ознакомилась.

– Нет, это не та будка, – сказал Страйк. – Нужная нам будка – или будки – это другая история. Дойдет черед и до них. А сейчас пошли дальше.

Вместо того чтобы ступить на мощный тротуар, который, насколько поняла Робин в результате своих кратких изысканий, скорее всего, пересекла Марго, если она действительно шла в «Три короля», Страйк повернул налево по Кларккенуэлл-роуд.

– Что мы тут забыли? – спросила Робин, почти переходя на бег трусцой, чтобы не отставать.

– Да вот что, – сказал Страйк, вновь останавливаясь и указывая пальцем куда-то вверх, на одно из окон под крышей дома напротив, похожего на старый кирпичный пакгауз. – Четырнадцатилетняя девушка по имени Аманда Уайт под протокол показала, что в тот день, вскоре после шести вечера, видела Марго в окне верхнего этажа: та молотила кулаками в оконное стекло.

– В интернете ничего похожего не сказано! – запротестовала Робин.

– По той простой причине, что полиция отмахнулась от этого свидетельства.

Тэлбот, как следует из его записей, не стал слушать Аманду Уайт, потому что ее рассказ не вписывался в его версию похищения Марго Кридом. Но Лоусон, сменив его на посту начальника следственной группы, разыскал Аманду Уайт и прошелся с ней по этому отрезку пути. Свидетельство Аманды подтверждалось несколькими фактами. Во-первых, она без навязчивых вопросов сказала полицейским, что это произошло вечером после всеобщих выборов, а ей это хорошо запомнилось, поскольку в школе она сцепилась с подружкой – сторонницей консерваторов. Обоих в наказание оставили после уроков. Потом девочки вместе пошли пить кофе, но за стойкой подруга надулась как мышь на крупу, когда Мэнди порадовалась успеху Гарольда Вильсона, и ушла домой. Аманда рассказала, что в злобе на тупицу-подругу задрала голову и увидела, как в окне какая-то тетка молотит в стекло кулаками. Рассказ получился эффектным, хотя полное описание внешности и одежды Марго давно появилось в газетах.

Лоусон вышел на бизнесмена, который занимал верхний этаж. Компания, принадлежавшая супружеской паре, занималась изданием малотиражной печатной продукции. Выпускала брошюры, постеры, пригласительные билеты – всякую мелочовку. Никаких связей с Марго. Ни муж, ни жена не были прикреплены к амбулатории «Сент-Джонс», так как проживали в другом районе. Жена сказала, что иногда вынуждена молотить кулаками по раме, которая подругому не закрывается. Впрочем, жена, рыжая, коротконогая и круглая как бочка, ничем не напоминала Марго.

– А ко всему прочему кто-нибудь, наверно, заметил бы, как Марго поднималась на четвертый этаж, правда? – Робин переводила взгляд от верхнего окна к двери подъезда. Она отскочила от бордюра: транспорт мчался по дождевым лужам, обдавая ее брызгами. – Либо когда она шла по лестнице, либо когда входила в лифт. Очевидно, и в звонок звонила, чтобы попасть в дом.

– Резонно, – согласился Страйк. – Но Лоусон заключил, что Аманда по неведению ошиблась и приняла жену печатника за Марго.

Они вернулись к той точке, где отклонились, как мысленно говорила Робин, от «маршрута Марго». Страйк сделал еще одну остановку и указал на мрачную второстепенную дорогу под названием Альбемарль-уэй.

– А теперь забудь про таксофонную будку, но обрати внимание на Альбемарль-уэй: это первая боковая улица после Сквозного прохода, куда, с моей точки зрения, вполне могла – добровольно или по принуждению – свернуть Марго, не попавшись на глаза полусотне прохожих. Улица, как видишь, тихая, но не мертвая, – отметил Страйк, глядя в конец Альбемарль-уэй, куда ровным потоком устремлялся транспорт. Альбемарль-уэй была уже, чем Сент-Джонс-лейн, но обе проходили между непрерывными рядами стен, отчего на тротуары и мостовые не попадал солнечный свет.

– Похититель в любом случае рискует, – сказал Страйк, – но если Деннис Крид, затаившись где-нибудь поблизости со своим фургоном, подкарауливал одинокую женщину – абсолютно любую, – бредущую под дождем, то именно здесь я отчетливо вижу, как это могло произойти.

В этот миг по Альбемарль-уэй просвистел холодный ветер, и Страйк уловил запах, в котором ему почудился намек на умирающие восточные лилии, но потом он сообразил, что так пахнет от самой Робин. Парфюм не повторял в точности тот, которым пользовалась Лорелея; у его бывшей аромат был странно пьянящий, с нотами рома (Страйку нравилось, когда парфюм служил аккомпанементом к легким отношениям и изобретательному сексу; лишь позже секс начал ассоциироваться у него с пассивной агрессией, убийством характера и мольбами о любви, которой он не чувствовал). Тем не менее этот аромат оказался очень схож с ароматом Лорелеи: такой же приторный и тошнотворный.

Конечно, многие спросили бы, кто он такой, чтобы судить о женских ароматах, тем более что сам благоухает застарелыми окурками, а по особым случаям добавляет к ним пригоршню «Roug in Homme». И все же, хотя бо́льшая часть его детства прошла в трущобах, неизменным условием привлекательности Страйк считал чистоплотность. Ему нравились прежние духи Робин; он даже по ним скучал, когда ее не было в конторе.

– Сюда, – сказал Страйк, и они шагнули под дождем на неправильной формы островок безопасности.

Через пару секунд до него дошло, что Робин отстала, и он вернулся на несколько шагов назад, чтобы поравняться с ней у приоратской церкви Святого Иоанна, трогательного симметричного здания, сложенного из кирпича, с высокими окнами и двумя белокаменными колоннами по бокам от входа.

– Вспоминаешь, что «покоится она в священном месте»? – спросил Страйк и закурил, невзирая на дождь. Сигарету приходилось закрывать ладонью, чтобы не погасла.

– Нет, – отрезала Робин с некоторым вызовом, но потом добавила: – Ну, пожалуй, отчасти. Посмотри-ка вот сюда...

Страйк последовал за ней через открытые ворота в небольшой общедоступный сад при колумбарии, полностью засаженный (как прочла Робин на дощечке с внутренней стороны ограды) лекарственными травами, включая те, которыми еще в Средние века пользовали недужных в больницах монашеского ордена иоаннитов. К задней стене крепилась фигура Христа в окружении тельца, льва, орла и ангела – символов четырех евангелистов. Под струями дождя мягко подрагивали папоротники и ветви. Робин осматривала укромный садик, и Страйк, шагавший позади, сказал:

– Думаю, мы можем согласиться в одном: если бы ее тайно захоронили здесь, то кто-нибудь из священнослужителей наверняка заметил бы взрыхленную землю.

– Это понятно, – сказала Робин. – Я просто хочу посмотреть. – А когда они вернулись на тротуар, добавила: – Обрати внимание: в этом районе повсюду изображения мальтийского креста. Даже на арке, под которой мы проходили.

– Это крест ордена госпитальеров. Иначе – ордена Святого Иоанна. Отсюда пошли названия здешних улиц и эмблема лазарета Святого Иоанна; главное управление ордена располагается на Сент-Джонс-лейн. Если та ясновидящая погуглила район, где пропала Марго, она не могла оставить без внимания множественные связи Кларкенуэлла с орденом иоаннитов. Готов поспорить: именно здесь она и разжилась идеей насчет упокоения в «священном месте». Но сделай себе мысленную засечку: этот же крест ты увидишь на подходе к пабу.

– А знаешь, – начала Робин, в последний раз оборачиваясь к приорату, – шотландский серийный убийца Питер Тобин всегда прибывал к храмам. И однажды под вымышленным именем вступил в секту. По своим каналам он устроился разнорабочим в одну из церквей Глазго и там, под половицами, схоронил несчастную девушку.

– Убийцы охотно используют церкви для прикрытия, – сказал Страйк. – И насильники тоже.

– Священники и врачи, – задумчиво произнесла Робин. – Многим из нас с детства внушают, что им нужно доверять, ты согласен?

– После такого множества скандалов внутри Католической церкви? После Гарольда Шипмана?¹

– Выходит, так, – сказала Робин. – А вообще говоря, тебе не кажется, что мы приписываем некоторым категориям людей незаслуженные добродетели? По-моему, в нас сидит потребность доверять тем, кто властен над жизнью и смертью.

– Наверно, что-то в этом есть, – отозвался Страйк, когда они вышли на короткую пешеходную улочку – так называемый Иерусалимский проезд. – Как я сказал Гупте, есть какая-то странность в том, что доктор Бреннер не любил людей. Мне всегда казалось, что основное профессиональное требование, предъявляемое к врачам, – человеколюбие. Но Гупта вскоре меня поправил. Давай-ка тут на минуту задержимся, – предложил Страйк и остановился, не дожидаясь ее согласия. – Если Марго добралась до этого места – я принимаю как данность, что она пошла в «Три короля» именно этим маршрутом – кратчайшим и самым очевидным, – то как раз здесь начинается отрезок пути мимо жилых домов, а не бизнес-центров и общественных зданий.

Робин огляделась: действительно, на входных дверях виднелись ряды звонков – признаки многоквартирного жилья.

– Есть ли вероятность, – начал Страйк, – пусть даже призрачная, что кто-нибудь из жильцов сумел заманить или затолкать Марго в подъезд?

По раскрытому зонтику барабанил дождь. Робин посмотрела в один конец улицы, потом в другой.

– Как сказать... – выговорила она. – Такое, в принципе, могло произойти, но уж очень это неправдоподобно. Кто-то в тот день проснулся и решил похитить женщину: высунуть руку из подъезда и заграбастать первую попавшуюся?

– Учю тебя, учю...

– О'кей, хорошо: вначале способ, потом мотив. Но со способами у нас проблема. Они просто остались за скобками. Неужели похищение провернули так, что никто ничего не видел и не слышал? Неужели Марго не кричала, не сопротивлялась? И сдается мне, что похититель живет один, а иначе соседи, наверное, тоже должны быть причастны к похищению, верно?

– Все вопросы – по существу, – согласился Страйк. – Кстати, полицейские обошли все подъезды. Опросили всех жильцов, хотя обыски в квартирах не производились.

– Но если вдуматься... она – врач. Допустим, из дому выскакивает человек и умоляет ее зайти... мол, сосед получил увечье... или родственнику стало плохо... а уж когда она заходит – считай, дело сделано. Таким способом ее вполне могли заманить в дом – сказали, что это вопрос жизни и смерти.

– Все может быть, но им, значит, было доподлинно известно, что она врач.

– Похититель мог быть ее пациентом.

– Но как он узнал, что в определенный час Марго окажется у его дома? Или она всей округе растрезвонила, что идет в паб?

– Возможно, он действовал спонтанно: увидел ее из окна, узнал в ней докторшу, выбежал и затащил в подъезд. Ну или... не знаю... предположим, в квартире находился больной или умирающий или же кто-нибудь получил травму... разгорелся спор... она не согласилась выполнить какую-то процедуру или вовсе отказала в помощи... завязалась потасовка... в которой ее случайно убили.

Они молча отошли в сторону, пропуская шумную компанию студентов-французов. Когда те прошли, Страйк сказал:

– Готов согласиться, пусть и с натяжкой.

¹ Гарольд Шипман (1946–2004), известный как Доктор Смерть, – серийный убийца-врач, на счету которого несколько десятков (а по неподтвержденным данным – и сотен) убитых пациентов.

– Мы можем вычислить тех, кто живет здесь безвыездно в течение последних тридцати девяти лет, – сказала Робин, – но все равно останется вопрос: куда злодей спрятал тело, если оно до сих пор не обнаружено, хотя прошло без малого четыре десятка лет? Оставить это место без присмотра страшновато, правда?

– Да, тут в самом деле загвоздка, – согласился Страйк. – Как сказал Гупта, это куда сложнее, чем выбросить стол такого же веса. Кровь, разложение, паразиты... многие прятали трупы у себя дома. Криппен. Кристи. Фред и Роуз Уэст. Общеизвестно, что это плохая идея.

– Крид некоторое время справлялся, – отметила Робин. – У себя в подвале вываривал отсеченные руки. Закапывал головы отдельно от туловищ. Он ведь попался не на трупах.

– Ты что, начиталась «Демона Райского парка»? – резко спросил Страйк.

– Почитываю, – ответила Робин.

– К чему забивать себе голову?

– Там масса полезных нам фактов, – сказала Робин.

– Хм... А я только и думаю, как бы не свихнуться и не травмировать кого-нибудь из наших.

Робин промолчала. Напоследок окинув дома быстрым взглядом, Страйк сделал знак Робин двигаться дальше и договорил уже на ходу:

– Ты права, я многого не учитываю. Морозильные камеры время от времени нужно открывать, проверяющие из газовой службы могут учуять запах, соседи прочищают забитые сливные отверстия. Но для полноты картины действительно надо проверить, кто жил здесь в то время.

Они вышли на Эйлсбери-стрит, самую оживленную улицу этого района, широкую, со множеством офисных зданий и жилых домов.

– Итак, – Страйк вновь остановился на тротуаре, – если Марго все же держит путь в паб, она должна здесь перейти дорогу и свернуть налево – на Кларкенуэлл-Грин. Но мы сейчас делаем остановку, чтобы уточнить: вот там, – он указал ярдов на пятьдесят вправо, – небольшой белый фургон едва не сбил двух женщин, когда в тот вечер на большой скорости удалялся от Кларкенуэлл-Грин. Это видели четверо или пятеро прохожих. Номер никто не запомнил...

– ...но Крид нередко прикреплял фальшивые номерные знаки на тот фургон, которым пользовался при доставке заказов, – подхватила Робин, – так что запоминать номера не имело особого смысла.

– Правильно. У того фургона, который привлек внимание свидетелей одиннадцатого октября семьдесят четвертого, на одном борту был какой-то рисунок. Мнения свидетелей по поводу этого изображения расходятся, но двоим привиделся большой цветок.

– Но нам также известно, – продолжала Робин, – что Крид пользовался смываемой краской, чтобы менять вид фургона.

– И снова правильно. Значит, на поверхностный взгляд у нас есть первый надежный признак того, что Крид мог находиться в этом районе. Тэлбот, конечно, ухватился за эту версию и положился на мнение одного из свидетелей, что фургон принадлежал местному цветочному магазину. Но его подчиненный, предположительно из числа тех, кто считал, что начальник следственной группы давно ку-ку, без лишнего шума отправился к Альберту Шиммингсу, хозяину цветочного магазина, и тот решительно опроверг слухи о своих вечерних гонках. Он заявил, что находился за много миль от города – подвозил своего несовершеннолетнего сына.

– Что отнюдь не доказывает непричастность Шиммингса, – сказала Робин. – Возможно, он просто опасался, как бы его не привлекли за создание аварийной ситуации. Камер наружного наблюдения тогда еще не было... ни одна из версий не доказана.

– У меня возникли точно такие же мысли. Если Шиммингс еще жив, надо будет его прощупать. Поскольку обвинение в превышении скорости уже недоказуемо, он, возможно, наду-

мает сказать правду. А раз вопрос о белом фургоне остается открытым, – заключил Страйк, – мы обязаны допускать, что за рулем сидел Крид.

– Но если за рулем сидел Крид, то где именно он похитил Марго? – спросила Робин. – Альбемарль-уэй исключается – оттуда он бы выехал другим маршрутом.

– Верно. Схвати он ее на Альбемарль-уэй, выехал бы на Эйлсбери-стрит совсем в другой точке и определенно не поехал бы через Кларккенуэлл-Грин, что плавно подводит нас к «драке двух женщин у таксофонных будок».

Сквозь изморось они вышли на Кларккенуэлл-Грин – широкую прямоугольную площадь, основные достопримечательности которой составляли деревья, паб и кафе. В центре, возле автомобильной и велосипедной стоянок, торчали две таксофонные будки.

– Вот здесь, – Страйк остановился между будками, – помешательство Тэлбота начало реально вредить следствию. Одна женщина, незнакомая с этим районом, – звали ее Руби Эллиот – разыскивала новый дом дочери и зятя на Хейуордз-Плейс, но заблудилась и стала ездить кругами. У этих будок она заметила драку двух женщин, одна из которых, по ее выражению, «еле на ногах держалась». Отчетливой картины у нее не сохранилось – напомним, лил дождь, она нервничала, что проскочит на красный сигнал светофора и не разглядит номера домов. Полиции она сообщила лишь то, что из одежды заметила на одной драчунье косынку, а на другой – плащ. Эти подробности появились в газетах, и на следующий день в полицию пришла пожилая, но вполне вменяемая женщина, которая заявила, что речь определенно идет о ней самой и ее престарелой матери. Тэлботу она рассказала, что вела «свою старушку» домой после недолгой прогулки. Мать, больная и совсем дряхлая, вышла в шляпе от дождя, а она сама, Фиона, – в плаще, таком же, как у Марго. Зонтов у них не было, и Фиона хотела поторопить мамашу. Старушенция заупрямилась, и на этом самом месте, у таксофонных будок, они сцепились. У меня, кстати, есть их фото: газетчики раздобыли, но не получили визу на публикацию. Что же до Тэлбота, он ничего не желал слышать. Наотрез отказывался признавать в этих двух женщинах кого-либо еще, кроме Марго и мужчины в женской одежде. Вот как ему это виделось: Марго и Крид назначили встречу возле этих будок, Крид силой толкал ее в фургон, который предположительно был припаркован вон там... – Страйк показал на короткий ряд автомобилей, – а после сорвался с места и, невзирая на то что Марго кричала и колотила по стенкам фургона, помчался по Эйлсбери-стрит.

– Погоди, – сказала Робин, – Тэлбот же был уверен, что Тео и Крид – это одно лицо. Зачем Крид переоделся женщиной, явился на прием к Марго, распрощался, не причинив ей никакого вреда, дошел до Кларккенуэлл-Грин и скрутил Марго на просматриваемой со всех сторон площади, самой людной из всех, которые мы с тобой видели в этом районе?

– Не ищи в этом смысла – его нет. Когда следственную группу возглавил Лоусон, он наведлся к Фионе Флери – это полное имя той вполне уважаемой немолодой женщины, – допросил ее заново и убедился, что Руби Эллиот видела именно Фиону и ее мать. Опять же полезным оказалось упоминание всеобщих выборов: Фиона вспомнила, что в тот день была совершенно разбита и не проявляла должного терпения, поскольку накануне допоздна смотрела телерепортажи о ходе выборов. Лоусон пришел к выводу – и я склонен с ним согласиться, – что вопрос о драке двух женщин можно снять с повестки дня.

Морось опять сменилась дождем. По зонтику Робин барабанили капли; кромки брюк промокли насквозь. Теперь Страйк вел ее по Кларккенуэлл-Клоуз, извилистой улице, которая вела в гору, туда, где взметнулась вверх большая, внушительная церковь с высоким, заостренным шпилем.

– Марго не могла уйти в такую даль, – сказала Робин.

– Готов согласиться, – ответил Страйк и, к ее удивлению, вновь остановился, глядя вверх, на церковь, – но теперь нам необходимо дойти до последнего, как считается, рубежа. Церковный разнорабочий... да-да, я все понимаю, – сказал он в ответ на озадаченный взгляд

Робин, – по имени Вилли Ломекс заявляет, что видел женщину в плаще «Барбери», которая в тот вечер поднималась по лестнице, ведущей к церкви Святого Иакова-на-Площади, примерно в то время, когда Марго должна была подходить к пабу. Видел он ее со спины. В ту пору церкви не всегда стояли под замком. Тэлбот, естественно, отмахнулся от показаний Ломекса: ведь если Марго была жива и разгуливала по храмам, она никак не могла уноситься неведомо куда в фургоне Эссекского Мясника... Лоусон не знал, что и думать. Разнорабочий твердо стоял на своем: он видел, как женщина, по описанию – Марго, один в один, вошла в церковь, но, как человек нелюбопытный, не пошел за ней следом, не спросил, что ей надо, и не убедился, что она вышла из церкви... Таким образом, – закончил Страйк, – мы с тобой заслужили по пинте пива.

14

К причудливым старинным письмам...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Через дорогу от церкви читалась вывеска «Трех королей». Изгиб выложенного изразцами фасада повторял изгиб проезжей части.

У Робин, которая вслед за Страйком вошла в дверь, возникло такое ощущение, будто она перенеслась назад во времени. Стены почти сплошь были оклеены музыкальными газетами семидесятых годов: рецензии перемежались с объявлениями о продаже допотопных стереосистем, с портретами поп- и рок-идолов. Над барной стойкой висели гирлянды, оставшиеся после Хеллоуина; с репродукций в рамках смотрели Дэвид Боуи и Боб Марли, а с противоположной стены на них взирали Боб Дилан и Джими Хендрикс. Страйк направился к бару, а Робин, сидя за столиком для двоих, различила в коллаже, обрамляющем зеркало, газетное фото Джимми Рокби в узких кожаных брюках. Этот паб словно застыл во времени; нетрудно было представить, что эти же матовые оконные стекла, разномастные деревянные столы, голые половицы, шаровидные бра и свечи в бутылках были на своих местах и в далеком семьдесят четвертом, когда подруга Марго сидела здесь в напрасном ожидании.

В который раз обводя глазами это причудливое, атмосферное заведение, Робин невольно задумалась: а что это была за личность – Марго Бамборо? Удивительно, как профессия человека влияет на его восприятие другими. «Врач» – это же почти готовый образ. Взгляд Робин скользил от висящих над стойкой черепов к изображениям ныне покойных рок-звезд, и в голове зрела идея Рождества наоборот. Трех волхвов позвал в путь свет рождения; Марго позвали в путь огни «Трех королей», но по дороге она, с содроганием думала Робин, скорее всего, встретила смерть.

Страйк поставил перед Робин бокал вина, сам с наслаждением отхлебнул «Сассекс бест» и только после этого сел, полез во внутренний карман пальто и достал свернутые в трубочку бумаги. Робин заметила ксерокопии газетных материалов, отпечатанные на машинке тексты, исписанные от руки страницы.

– Не иначе как ты посетил Британскую библиотеку.

– Вчера целый день там торчал.

Он передал Робин верхнюю ксерокопию, сделанную с маленькой вырезки из «Дейли мейл». Это был снимок Фионы Флери с престарелой матерью под общим заголовком: «В поисках Эссекского Мясника: „Это были мы“». Ни одну из женщин никто не спутал бы с Марго Бамборо: дочь, свойского вида особа, была рослой, широкой в кости, без намека на талию; мать ссохлась и поникла от старости.

– Первое, что приходит в голову: пресса постепенно утрачивала доверие к Биллу Тэлботу, – сказал Страйк. – Через пару недель после этой публикации газеты уже жаждали крови, что, вероятно, не способствовало восстановлению его психического здоровья... ну ладно. – Его большая волосатая рука лежала на стопке бумаг. – Давай вернемся к единственному неопровержимому факту, который у нас есть: без четверти шесть Марго Бамборо была жива и находилась в амбулатории.

– Ты хочешь сказать «в четверть седьмого», – поправила Робин.

– Отнюдь, – сказал Страйк. – Последовательность уходов с работы такова: в десять минут шестого – Дороти. В половине шестого – Динеш Гупта, который перед уходом видит Марго через открытую дверь ее кабинета и проходит мимо Глории и Тео. Глория идет к Бреннеру

спросить, не согласится ли он принять Тео. Бреннер отказывается. Из кабинета появляется Марго и придерживает дверь для последних записанных на тот день пациентов, матери с ребенком, которые тоже идут к выходу через регистратуру мимо Тео. Марго сообщает Глории, что охотно примет Тео. Бреннер, буркнув: «Вот и славно», уходит в без четверти шесть. Все, что происходило дальше, известно нам только со слов Глории. Она – единственная, кто утверждает, что Тео и Марго вышли из кабинета живыми.

Робин, поднеся бокал к губам, замерла.

– Продолжай. Не хочешь ли ты сказать, что они вообще не уходили? По-твоему, Марго и ныне там – лежит за плинтусом?

– Нет, в амбулатории поработали кинологи со служебными собаками – исследовали все помещение и задний дворик с садом, – ответил Страйк. – А как тебе вот такая версия? Глория потому столь упорно предлагала считать Тео женщиной, а не мужчиной, что он – мужчина – был ее сообщником в убийстве или похищении Марго.

– Может, если она рассчитывала скрыть его мужской пол, разумнее было бы вписать в журнал не «Тео», а какое-нибудь женское имя? И потом, зачем хлопотать за Тео перед доктором Бреннером, если она, в стоворе с этим самым Тео, собиралась убить Марго?

– Оба вопроса – не в бровь, а в глаз, – признал Страйк, – но, скорее всего, Глория наперед знала, что Бреннер, изворотливый старый черт, откажет, и пыталась усыпить бдительность Марго. Сделай одолжение, выслушай. Безжизненное тело неподъемно, сдвинуть его с места нелегко, а спрятать еще труднее. А о живой, сопротивляющейся женщине и говорить нечего. Я видел в прессе фото Глории – «сухая фитюлька», как сказала бы моя тетья, а Марго была достаточно рослой. Очень сомневаюсь, что Глория могла ее убить без посторонней помощи, а уж поднять – просто исключено.

– Но по словам доктора Гупты, Марго и Глория были довольно близки, разве нет?

– Вначале способ, потом мотив, помнишь? Близость могла быть только видимостью, – сказал Страйк. – Возможно, Глория терпеть не могла, когда ее «воспитывали», но строила из себя благодарную ученицу, чтобы только усыпить бдительность Марго. – Как бы то ни было, в последний раз местонахождение Марго было подтверждено несколькими свидетелями именно за полчаса до ее предполагаемого выхода из здания. А дальше мы можем полагаться только на слова Глории.

– О'кей, возражение принимается, – сказала Робин.

– Хорошо, – сказал Страйк, убирая руку со стопки бумаг, – если по этому пункту разногласий нет, то забудь ненадолго, что кто-то якобы видел, как Марго барабанила в окно или входила в церковь. Забудь про мчащийся фургон. Весьма вероятно, что все это не имеет никакого отношения к Марго. Вернись к единственному факту, который нам известен доподлинно: что без четверти шесть Марго Бамборо еще была жива. А далее обратимся к трем мужчинам, которых в свое время разрабатывала следственная группа как возможных подозреваемых, и зададимся вопросом: где находился каждый из них без четверти шесть одиннадцатого октября семьдесят четвертого года. Вот, ознакомься. – Он протянул Робин ксерокопию материала из некоего таблоида от 24 октября 1974 года. – Это Рой Фиппс, известный также как муж Марго и папаша Анны.

С фотографии смотрел эффектный мужчина лет тридцати, чертами лица разительно напоминающий свою дочь. Робин подумалось, что, доведись ей быть ассистентом режиссера душещипательного фильма, Рой Фиппс шел бы у нее первым номером при отборе претендентов на роль поэта. Такое же, как у Анны, удлиненное бледное лицо с ясными голубыми глазами, такой же высокий лоб. В семьдесят четвертом его темные волосы ниспадали до острокопечного воротничка сорочки; во взгляде, устремленном в объектив, читались душевные муки; рука сжимала карточку с текстом. Заголовок гласил: «Доктор Рой Фиппс обратился за помощью к общественности».

– Не вникай. – Поверх той вырезки Страйк уже положил следующую. – Там ничего нового. Зато вот здесь ты найдешь кое-что стоящее.

Робин послушно склонилась над вторым материалом, из которого Страйк скопировал только половину.

ее муж, доктор Рой Фиппс, страдающий болезнью фон Виллебранда, 11 октября не покидал пределов их семейного дома в Хэме и был вынужден соблюдать постельный режим вследствие недомогания.

«В свете ряда неточных и безответственных сообщений в средствах массовой информации мы недвусмысленно заявляем, что уверены в непричастности доктора Роя Фиппса к исчезновению его жены, – сказал на пресс-конференции руководитель следственной группы Билл Тэлбот. – Его лечащие врачи подтвердили, что в тот день доктор Фиппс не имел физической возможности передвигаться пешком или управлять автомобилем. Няня ребенка и домработница доктора Фиппса под присягой показали, что в день исчезновения своей жены доктор Фиппс не выходил из дому».

– Что такое болезнь фон Виллебранда? – спросила Робин.

– Плохая свертываемость крови. Я об этом кое-что почитал. Гупта ошибался: он считал, что у Роя гемофилия. Выделяют три типа болезни фон Виллебранда, – продолжал Страйк. – Первый тип – когда у больного кровь свертывается несколько дольше, чем у здорового человека, но постельного режима такое состояние не требует и управлению автомобилем не мешает. По моему разумению, у Роя Фиппса третий тип заболевания, примерно такой же серьезный, как гемофилия, способный привязать больного к дому. Но это надо будет уточнить. Пошли дальше, – сказал Страйк, приступая к следующей странице. – Это протокол допроса Роя Фиппса, составленный Тэлботом.

– Боже мой, – выдохнула Робин.

Вся страница была исписана бисерным почерком, но в первую очередь в глаза бросались расставленные тут и там звездочки.

– Видишь? – Страйк провел указательным пальцем по списку дат, едва различимому среди записей. – В эти дни Эссекский Мясник совершал похищения или попытки похищений. Примерно к середине этого списка у Тэлбота пропал всякий интерес, вот посмотри. Двадцать шестого августа семьдесят первого года Крид пытался похитить Пегги Хискетт; Рой смог доказать, что в это время был с Марго на отдыхе во Франции. Тэлбот этим удовлетворился. Если Рой не пытался похитить Пегги Хискетт, значит он не был Эссекским Мясником, а если он не был Эссекским Мясником, то не мог быть причастен к исчезновению Марго. Но внизу тэлботовского списка есть одна особенность. С преступлениями Крида совпадают все даты, кроме последней. Двадцать седьмое декабря, без указания года, обведено кружком. Непонятно, чем Тэлбота заинтересовало двадцать седьмое декабря.

– И кстати: почему он строил из себя Ван Гога?

– Ты о звездах? Да, ими испещрены все заметки Тэлбота. Очень странно. А теперь, – сказал Страйк, – давай посмотрим, как должен выглядеть нормальный протокол.

Перевернув страницу, он показал ей аккуратно отпечатанные на четырех листах показания, взятые у Фиппса инспектором криминальной полиции Лоусоном, с собственноручной подписью самого гематолога на последней странице, как полагается.

– Целиком читать не обязательно, – сказал Страйк. – Самое главное: он стоял на том, что весь день пролежал в постели, как показали домработница и нянька. А теперь мы переходим к домработнице – Вильме Бейлисс. Да-да, она самая – работала уборщицей в амбулатории «Сент-Джонс». В то время тамошний персонал не знал, что она подрабатывает у Марго и Роя.

Гупта упомянул, что Марго, по его мнению, подбивала Вильму уйти от мужа; вероятно, она же – в рамках этой интриги – предложила Вильме дополнительный заработок.

– А почему она подталкивала Вильму к такому шагу?

– Рад, что ты спросила, – отметил Страйк и предъявил ей следующий лист с мелкой ксерокопией газетной вырезки, которую сам датировал от руки, угловатым, неразборчивым почерком: «6 ноября 1972».

Насильник отправлен за решетку

Джулз Бейлисс, 36 лет, проживающий в Кларкенуэлле, на Лезер-лейн, сегодня приговорен Кларкенуэллским королевским судом к 5 годам лишения свободы за два эпизода изнасилования. Бейлисс, ранее отбывший двухлетний срок в Брикстонской тюрьме за физическое насилие при отягчающих обстоятельствах, не признал себя виновным.

– Ах вот оно что, – сказала Робин. – Теперь понятно. – Она отпила вина и добавила: – Забавно. – Однако в ее голосе не было и намек на то, что эта информация ее позабавила. – Крид тоже отсидел пять лет за свое второе изнасилование. А выйдя на свободу, не только не прекратил насиловать, но и начал убивать.

– Ага, – сказал Страйк. – Именно так.

И повторно задался вопросом, пойдет ли ей на пользу знакомство с «Демоном Райского парка», но ответил отрицательно.

– Пока мне не удалось выяснить, какова судьба Джулза Бейлисса, – сказал он, – а в полицейском досье сведения о нем неполны, так что я даже не могу сказать, сидел ли он во время похищения Марго. Для нас важно то, что Вильма дала разные показания Лоусону и Тэлботу, хотя сама утверждала, что рассказала Тэлботу все то же самое, да он записывать не стал, что вполне возможно, – как видишь, его записи оставляют желать лучшего. Короче: Лоусону она сообщила, что в день исчезновения Марго замывала от крови ковер в гостевой комнате. А кроме того – что видела, как Рой шел через сад, хотя считается, что он не мог подняться с постели. Она также призналась Лоусону, что сама в тот день вообще не видела Роя в постели, но слышала, как он с кем-то разговаривал из спальни.

– Но тогда... события предстают в ином свете.

– Ну, как я уже сказал, Вильма стояла на том, что показаний своих не меняла – просто Тэлбот записывал кое-как. Но Лоусон, похоже, на нее надавил, причем сильно, и провел повторный допрос Роя, уже исходя из ее показаний. Тем не менее у Роя оставалось алиби: Синтия, нянька, вызывалась показать под присягой, что он весь день был прикован к постели – она сама через равные промежутки времени приносила ему в спальню чай. Знаю, знаю, – сказал он, когда Робин вздернула брови. – У Лоусона, очевидно, возникли те же грязные мыслишки, что и у нас с тобой. При допросе Фиппса он сделал упор на его отношения с Синтией, что вызвало у подозреваемого гневный выплеск эмоций: дескать, она на двенадцать лет моложе и вдобавок приходится ему троюродной сестрой.

У Страйка и Робин одновременно мелькнула мысль, что их самих разделяет почти такая же разница – десять лет. Но каждый подавил все непрошенные и неуместные соображения.

– Рой упирал на то, что в головах приличных людей разница в возрасте и кровное родство полностью исключают близкие отношения. Но, как нам известно, через семь лет он благополучно избавился от лишних предрассудков. Помимо всего прочего, Лоусон задал Рою вопрос по поводу того, что Марго за три недели до смерти встречалась в баре со старинным другом. Тэлбот, спеша любыми средствами обелить Роя, пренебрег показаниями Уны Кеннеди...

– Той самой подружки, с которой она вроде бы собиралась встретиться в этом самом пабе?

– Именно так. Уна рассказала и Тэлботу, и Лоусону, как разъярился Рой, узнав, что Марго выпивала с этим давним бойфрендом, и с того момента до исчезновения Марго они не разговаривали. Согласно записям Лоусона, Рой не хотел, чтобы это стало достоянием гласности...

– Ничего удивительного.

– ...и начал проявлять агрессию. Однако после беседы с его лечащими врачами Лоусон удостоверился, что Рой упал на больничной парковке и у него началось серьезное кровотечение: в тот вечер он, скорее всего, не смог бы без посторонней помощи добраться до Кларкенуэлла, а тем более убить или похитить свою жену.

– Он мог кого-нибудь нанять, – предположила Робин.

– Проверка его банковских счетов не выявила никаких подозрительных платежей, что само по себе, конечно, еще ничего не доказывает. Он же по профессии гематолог – мозгов-то, наверное, хватало. – Страйк отхлебнул еще пива. – Итак, с мужем пока закончим. – Он перевернул четыре листа протокола допроса Роя. – Теперь обратимся к старому предмету страсти.

– Господи прости! – вырвалось у Робин при виде очередной газетной фотографии.

Густые волнистые волосы этого мужчины струились ниже плеч. Он стоял, положив руки на узкие бедра, перед картиной, изображающей сплетенные тела любовной парочки. На нем была расстегнутая почти до пупа сорочка и облепившие пах джинсы с широкими раструбами от голени.

– Я знал, что тебе понравится, – усмехнулся Страйк ее реакции. – Это Пол Сетчуэлл, художник, не претендующий на особую утонченность. Когда до него добрались газетчики, он работал над росписью стены какого-то ночного клуба. Бывший сожитель Марго.

– Она сильно упала в моих глазах, – пробормотала Робин.

– Не суди слишком строго. Она познакомилась с ним лет в девятнадцать или двадцать, еще плейбоевской зайкой. Он был на шесть лет старше и, видимо, казался ей средоточием вселенской мудрости.

– В такой рубахе?

– Это рекламное фото для его выставки, – объяснил Страйк. – Так сказано внизу мелким шрифтом. Надо думать, в повседневной жизни он не так смело оголял волосатую грудь. Журналисты как с ума посходили, решив, что в деле замешан бывший любовник Марго, и прямо скажем: такой мачо стал настоящим подарком для таблоидов.

Страйк предъявил еще один образец хаотичных записей Тэлбота, тоже сплошь испещренный пятиконечными звездочками и содержащий тот же столбец дат, но уже с кое-как нацарапанными пояснениями справа от каждой.

– Как видишь, Тэлбот не начинал с банальностей вроде «Где вы были без четверти шесть в тот вечер, когда исчезла Марго?». Он сразу приступал к датам, связанным с Эссекским Мясником, и, когда Сетчуэлл ответил, что одиннадцатого сентября, то есть в день похищения Сьюзен Майер, был на праздновании тридцатилетия своего приятеля, Тэлбот, по сути, прекратил допрос. Вместе с тем у нас внизу списка есть дата, не связанная с Кридом, но обведенная жирным кружком, а сбоку – огромный крест. На этот раз – шестнадцатое апреля.

– Где проживал Сетчуэлл, когда пропала Марго?

– В Кэмдене, – ответил Страйк и вновь показал стандартный машинописный вариант протокола. – Вот смотри: об этом говорится в его показаниях Лоусону. Совсем недалеко от Кларкенуэлла. Сетчуэлл объяснил Лоусону, что после восьмилетнего перерыва случайно встретил Марго на улице и решил, что им надо посидеть за бокалом вина и обменяться новостями. С Лоусоном он был откровенен – видимо, знал, что следователю уже все рассказали: не то Уна, не то Рой. Он даже признался, что был бы не прочь возобновить отношения с Марго, – уж такая угодливость, куда там, хотя, наверно, думал показать, что скрывать ему нечего. По его словам, у них с Марго был необременительный роман, тянувшийся года два, но Марго решительно разорвала эти отношения, встретив Роя. Алиби Сетчуэлла было проверено. Он сказал Лоусону, что

одиннадцатого октября почти всю вторую половину дня провел в одиночестве у себя в мастерской – тоже, кстати, в Кэмдене – и около пяти часов ответил на телефонный звонок. Когда нужно подтвердить свое алиби, стационарные телефоны куда труднее использовать для всяких манипуляций, чем мобильные. В половине шестого Сетчуэлл вышел пообедать в ближайшем кафе, где его знали; свидетели подтвердили, что видели его в это самое время. После этого он пошел домой переодеться – на восемь часов у него была назначена встреча с приятелями в баре. Люди, которых он назвал поименно, подтвердили его показания, и Лоусон сделал вывод о невиновности Сетчуэлла. Что подводит нас к третьему и, должен сказать, самому перспективному подозреваемому, не считая, как всегда, Денниса Крида. И зовут его, – Страйк сдвинул протокол допроса Сетчуэлла с верха значительно похудевшей стопки, – Стив Даутвейт.

Если какой-нибудь ленивый кастинг-директор, увидев Роя Фиппса, немедленно взял бы его на роль чувствительного поэта, а Пола Сетчуэлла счел бы идеальным типажом рок-звезды семидесятых, то Стив Даутвейт получил бы роль прощелыги, остряка-выскочки, самоуверенного хлыща. Его темные глазки-бусины, заразительная усмешка, длинная, закрывающая шею гривка напомнили Робин о старых пластинках группы *Bay City Rollers*, которые до сих пор бережно хранила ее мать, веселя этим своих детей. В одной руке Даутвейт держал пинту пива, а другой обнимал за плечи какого-то мужчину, чье лицо было вырезано из фотографии, но костюм из жатого блестящего материала, как и у Даутвейта, выдавал дешевый вкус. Даутвейт ослабил свой яркий галстук и расстегнул ворот рубашки, демонстрируя шейную цепочку.

Продавец-ловелас разыскивается связи с исчезновением врача

Полиция пытается установить местонахождение продавца двойных оконных рам Стива Даутвейта, который скрылся непосредственно после стандартной процедуры допроса по делу об исчезновении доктора Марго Бамборо, 29 лет.

Двадцативосьмилетний Даутвейт уволился и съехал с квартиры на Персиваль-стрит в Кларкенуэлле, не оставив адреса для пересылки почты.

Бывший пациент исчезнувшего врача, Даутвейт стал вызывать подозрения у персонала амбулатории, когда зачастил на прием к миловидной блондинке-терапевту. Знакомые продавца характеризуют его как «бабника» и отрицают, что у Даутвейта были какие-либо серьезные проблемы со здоровьем. Говорят, что Даутвейт регулярно отправлял подарки доктору Бамборо.

Воспитанный в опекунской семье, Даутвейт прекратил всякие контакты со своим окружением 7 февраля. По некоторым сведениям, на квартире у Даутвейта после его бегства был проведен обыск.

Трагический роман

– Он всем причинял одни неудобства, одни неприятности, – признался сотрудник фирмы «Даймонд дабл-глейзинг», пожелавший остаться неизвестным. – Только воду мутит. Завел роман с женой одного из служащих. В итоге та наглоталась таблеток и оставила детишек сиротами. Если честно, бегство Даутвейта никого не расстроило. Нам всем дышать стало легче. У него все мысли о выпивке и девушках, а на рабочем месте он был полный ноль.

Доктор – крепкий орешек

На вопрос, как он расценивал отношения Даутвейта с исчезнувшей женщиной-врачом, тот же сотрудник ответил:

– Для Стива таскаться за юбками – любимое занятие. Зная этого типа, могу предположить, что докторша оказалась ему крепким орешком.

Следователям необходимо допросить Даутвейта повторно. Всех, кто располагает какими-либо сведениями о местонахождении Даутвейта, просят связаться с органами охраны правопорядка.

Когда Робин дочитала, Страйк, только что закончивший свою пинту, предложил:

– Повторим?

– Теперь моя очередь, – ответила Робин.

Подойдя к стойке, она терпеливо ждала под гирляндами из черепов и фальшивой паутины. Лицо у бармена было разрисовано под чудовище Франкенштейна. Робин заказывала напитки в рассеянности: мысли ее были поглощены этой заметкой о Даутвейте.

Вернувшись к столику с пинтой пива, бокалом вина и двумя пакетами чипсов, она сказала:

– А знаешь, этой заметке доверять нельзя.

– Объясни.

– Человек не обязан рассказывать сослуживцам о своих проблемах со здоровьем. Вполне допускаю, что и в глазах приятелей, с которыми Даутвейт ходил пить пиво, он выглядел здоровяком. Но это же ровным счетом ничего не значит. У него, например, могло быть психическое расстройство.

– Зришь в корень, – отметил Страйк, – уже в который раз.

Он порылся в немногочисленных оставшихся бумагах и нашел среди них еще одну ксерокопию рукописного документа, куда более аккуратного, чем писанина Тэлбота с закорючками и беспорядочными датами. Страйк еще не произнес ни слова, но Робин почему-то сразу догадалась, что этот плавный, округлый почерк принадлежит Марго Бамборо.

– Выписки из амбулаторной карты Даутвейта, – пояснил Страйк. – Полиция раскопала. «Мигрени, расстройства желудка, потеря веса, учащенное сердцебиение, тошнота, ночные кошмары, нарушения сна», – прочел он вслух. А вот и заключение Марго, сделанное во время его четвертого посещения... вот здесь, видишь? «Личное и деловое общение затруднено; стресс вызывает проявления тревоги».

– Его замужня возлюбленная покончила с собой, – напомнила Робин. – Это кого хочешь выбьет из колеи, кроме законченного психопата, разве нет?

У Страйка в мозгу мелькнула тень Шарлотты.

– Да, пожалуй. И взгляни еще вот сюда. Незадолго до первого обращения к Марго на него было совершено нападение. «Ушибы, трещина ребра». Сдается мне, над парнем поработал разъяренный обманутый муж.

– Но заметка оставляет такое впечатление, будто Даутвейт обхаживал Марго.

– Видишь ли, – Страйк постукал пальцем по ксерокопии медицинской карты, – посещение тут уйма. Бывало, по три раза в неделю навещался. Он взбудоражен, знает за собой вину, чувствует, что другие от него отвернулись, ну и, наверное, не ожидал, что интрижка закончится смертью любовницы. И тут он попадает на прием к миловидной женщине-терапевту, которая его не судит, а поддерживает и ободряет. Стоит ли удивляться, если у него зародились чувства? И вот еще что... – продолжал Страйк, откладывая в сторону медицинское заключение и показывая Робин последние машинописные протоколы. – Это показания Дороти и Глории:

обе в один голос утверждают, что в последний раз Даутвейт вышел из кабинета Марго с таким видом... так, это у нас Дороти, – уточнил Страйк и зачитал вслух: – «У меня на глазах мистер Даутвейт вышел из кабинета доктора Бамборо как пришибленный. Мне также показалось, что он зол и расстроен. На выходе он споткнулся об игрушечный грузовичок ребенка, сидевшего в регистратуре, и вслух выругался. Создавалось впечатление, что он рассеян и ничего вокруг не замечает». А Глория, – Страйк перевернул лист, – сказала следующее: «Я потому запомнила, как уходил мистер Даутвейт, что он ругнулся на маленького мальчика. Как будто услышал дурную весть. Также мне показалось, что он чем-то напуган и сердится». Далее. Записи Марго насчет последнего визита Даутвейта не добавляют ничего нового, а только перечисляют прежние симптомы стресса. – Страйк вернулся к амбулаторной карте. – Определенно, пациенту не озвучили никакого диагноза, представляющего угрозу для жизни. Лоусон предположил, что Марго, чувствуя слишком сильную привязанность со стороны больного, попросила не отнимать у нее драгоценное время, которое можно уделить другим пациентам, и Даутвейту это не понравилось. Быть может, он внушил себе, что врач питает к нему ответные чувства. Все показания наводят на мысль, что в тот день у него было неустойчивое психическое состояние. Как бы то ни было, спустя четверо суток Марго исчезает. Тэлбот, узнав от медрегистраторов, что в амбулаторию без записи явился пациент, равнодушный к Марго, вызвал его на допрос. Читаем дальше.

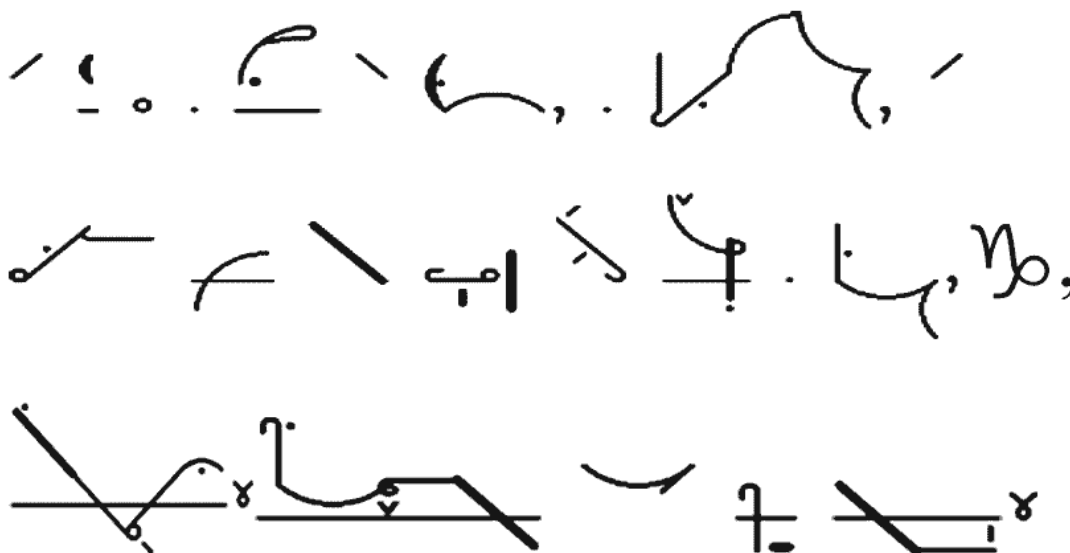
Страйк вновь нашел среди машинописных листов одну страницу, исписанную от руки и усыпанную звездочками.

– По привычке Тэлбот начинает с обращения к списку Крида. Но беда в том, что Даутвейт не может вспомнить, чем занимался хотя бы в один из тех дней.

– Если он уже был в стрессовом состоянии... – начала Робин.

– Ну еще бы, – подхватил Страйк. – Когда тебя вызывают на допрос и следователь подозревает в тебе Эссекского Мясника, это не особенно успокаивает нервы, правда? И посмотри заодно сюда: Тэлбот снова добавляет взятую с потолка дату: двадцать первое февраля. Но это еще не все. Ничего не замечаешь?

Робин взяла у него из рук страницу и взгляделась в три нижние строчки.

– Скоропись Питмана, – определила она.

– Ты и в этом разбираешься?

– Нет. Я владею только простейшей стенографией. А вот Пат действительно разбирается.

– Хочешь сказать, раз в жизни даже от нее может быть польза?

– Умолкни, Страйк! – рассердилась Робин. – Если тебе нравится чехарда временных секретарш – дело твое, но я люблю, когда сообщения передаются слово в слово и вся документация сортируется и регистрируется своевременно.

Она сделала фотографию на телефон и отправила ее Пат с просьбой о расшифровке. А Страйк между тем отметил, что прежде Робин не называла его по фамилии, когда злилась. Как ни парадоксально, это прозвучало теплее, чем обращение по имени. Ему понравилось.

– Извини, что наехал на Пат, – сказал он.

– Кому сказано: умолкни. – Она не сумела скрыть улыбку. – Что на Даутвейта накопал Лоусон?

– Когда Лоусон решил побеседовать с этим красавцем и выяснил, что тот съехал с квартиры, уволился и не оставил адреса для пересылки корреспонденции, это сразу его заинтересовало; оно и понятно. Кое-какие сведения он слил газетчикам. Все старались выманить его из укрытия.

– И как – сработало? – спросила Робин, хрустя чипсами.

– Сработало. Наутро после выхода статьи насчет «ловеласа» Даутвейт сам явился в полицейский участок в Уолтэм-Форесте – видимо, испугался, что скоро и Флит-стрит, и Скотленд-Ярд начнут ломиться к нему в дверь. Он рассказал, что в настоящее время сидит без работы и снимает комнату. Дежурный вызвал Лоусона, и тот немедленно примчался, чтобы допросить подозреваемого. Вот здесь полный отчет. – Он подтолкнул к Робин несколько страниц с самого низа стопки. – Все, что Лоусон добавляет от себя, сводится к следующему: «испуганный вид...», «уклончиво...», «нервозность...», «весь в поту», да и алиби было хлипкое. Даутвейт говорит, что вечером одиннадцатого октября он смотрел квартиры.

– То есть одновременно с ее исчезновением он уже подыскивал себе новое жилье?

– Совпадение? Допустим, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что он не может назвать ни одного посещенного адреса и ни одного человека, способного его вспомнить. А под конец объясняет, как происходили поиски жилья: он сидел в ближайшем кафе и обводил кружками газетные объявления. Но опять же: в кафе никто не смог его вспомнить. По его словам, в Уолтэм-Форест он перебрался по той причине, что после допроса у Тэлбота одно название Кларкенуэлл вызывало у него депрессивные ассоциации, ведь его выставили главным подозреваемым, да к тому же на работе отношение к нему изменилось после самоубийства любовницы – жены сотрудника.

– Что ж, охотно верю, – сказала Робин.

– Лоусон вызывал его на допрос еще дважды, но вытянуть больше ничего не смог. На третий допрос Даутвейт явился с адвокатом. Тогда Лоусон поумерил свой пыл. В конце-то концов, на Даутвейта у них ничего не было, хотя он выделялся из всех подозреваемых. И даже то, что в кафе его никто не запомнил, легко объяснялось: это очень людное место.

В паб ввалилась развеселая подвыпившая компания, наряженная в хеллоуинские костюмы. Робин перехватила машинальный взгляд Страйка, брошенный на юную блондинку в облегающем костюме Резиновой Медсестры.

– Можно считать, – сказала Робин, – что на этом все?

– Почти, – ответил Страйк, – но у меня есть искушение скрыть от тебя остальное.

– Это почему?

– Потому что неохота подпитывать твою одержимость священными местами.

– Я вовсе не...

– Хорошо, только не забывай, что чокнутых всегда манят исчезновения и убийства.

– Ладно, – согласилась Робин. – Показывай.

Страйк щелчком перевернул последний лист. Это была ксерокопия простейшей анонимной записки, которую составляли вырезанные из журнальных заголовков буквы.

ЕСЛИ ХОТИТЕ УЗНАТЬ, ГДЕ ПОХОРОНЕНА МАРГО БАМБОРО,
КОПАЙТЕ ЗДЕСЬ

✠

– Очередной крест ордена иоаннитов, – сказала Робин.

– Точно. В восемьдесят пятом это поступило в Скотленд-Ярд на имя Лоусона, к тому времени ушедшего в отставку. В конверте больше ничего не было.

Робин со вздохом откинулась на спинку стула.

– Псих какой-нибудь, – сказал Страйк, складывая статьи и протоколы, чтобы свернуть их в трубку как было. – Кто на самом деле знал, где зарыто тело, тот бы начертил какой-никакой план.

Время близилось к шести часам – к тому моменту, когда женщина-врач вышла из своего кабинета и как сквозь землю провалилась. Молочные оконные стекла паба отливали синевой. У стойки бара блондинистая медсестра в латексе хихикала, слушая рассказ парня в костюме Джокера.

– А знаешь что, – начала Робин, глядя на стопку бумаг, сложенную возле пивного стакана, – ведь она опаздывала... к тому же лил дождь.

– Продолжай, – поторопил Страйк, не веря, что она сейчас озвучит его собственные мысли.

– Подруга ждала ее здесь, одна. Марго опаздывала. И наверняка хотела добраться сюда как можно быстрее. Напрашивается самый простой, самый очевидный вывод: кто-то предложил ее подвезти. У тротуара остановился автомобиль...

– ...или фургон, – подхватил Страйк; Робин и впрямь пришла к тому же заключению, что и он. – А там кто-то знакомый...

– ...или показавшийся безобидным. Старичок...

– ...или некто, переодетый женщиной.

– Точно, – сказала Робин и повернула к Страйку печальное лицо. – За рулем сидел либо ее знакомый, либо безобидный с виду незнакомец.

– И кто бы запомнил такую сцену? – спросил Страйк. – Марго шла в обыкновенном плаще, под зонтиком. Рядом тормозит автомобиль. Она наклоняется к окну, потом садится. Ни борьбы. Ни скандала. Машина отъезжает.

– А что было дальше, знает только водитель, – продолжила Робин.

У нее зазвонил мобильный: Пат Шонси.

– В своем репертуаре, – бросил Страйк. – Ей отправляют сообщение, а она трезвонит...

– Ну и что? – резко сказала Робин и ответила на звонок: – Привет, Пат. Извините, что побеспокоила в нерабочее время. Вы получили текст?

– А как же, – проскрипела Пат. – И где только раскопала такую диковину?

– В старых полицейских записях. Вы можете расшифровать?

– Могу, – сказала Пат, – да только смысла там ни на грош.

– Подождите, Пат, я хочу, чтобы Корморан тоже послушал. – Робин включила громкую связь.

– Готовы? – проскрежетала Пат.

– Да, – подтвердила Робин.

Страйк достал ручку, перевернул стопку бумаг и приготовился записывать на обороте.

– Тут говорится: «И это последний из них, запятая, двенадцатый, запятая, и круг замкнется, когда найдут десятого, запятая»... потом какое-то слово неразборчиво, по-моему, это не стандартный Питман... а затем другое слово, звучит как «Ба-фо-мет», точка. И новое предложение: «Перенести в истинную книгу».

– Бафомет, – повторил Страйк.

– Вот-вот, – подтвердила Пат.

– Это имя, – объяснил Страйк. – Бафомет – оккультное божество.

– Ну вот, собственно, и все, – будничным тоном закончила Пат.

Поблагодарив ее, Робин дала отбой.

– «И это последний из них, двенадцатый, и круг замкнется, когда найдут десятого... незнакомое слово... Бафомет. Перенести в истинную книгу», – прочел вслух Страйк.

– Откуда ты знаешь про Бафомета? – удивилась Робин.

– Уиттекер увлекался этой фигней.

– Ох... – выдохнула Робин.

Уиттекер был последним из любовников его матери – Страйк считал, что именно он ввел ей смертельную дозу.

– У него была «Сатанинская библия», – пояснил Страйк. – С головой Бафомета в пента... черт! – спохватился он и стал лихорадочно перебирать ксерокопии в поисках протоколов, испещренных пятиконечными звездами.

Хмуро пробежав их глазами, он обратился к Робин:

– Сдается мне, это не звездочки. Это пентаграммы.

Часть третья

...Зимних кружесв пена...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

15

Рубцы и шрамы давних ран темнели...

Эдмунд Спенсер. Королева фей

На второй неделе ноября у Джоан после химиотерапии резко снизился уровень лейкоцитов, и ее положили в больницу. Страйк оставил агентство на Робин, Люси доверила троих сыновей заботам мужа, и брат с сестрой поспешили в Корнуолл.

Отсутствие Страйка совпало с ежемесячным оперативным совещанием следственной бригады, которое Робин – самая младшая по возрасту, самая неопытная из всех следователей агентства и единственная среди них женщина – впервые проводила самостоятельно.

Робин допускала, что это ее мнительность, но ей показалось, что Хатчинс и Моррис, отставные полицейские, чуть больше заговорили насчет графика на следующий месяц и стратегии относительно Жука, чем позволяли себе в присутствии Страйка. По убеждению Робин, на референтке Жука, которую щедро кормили и поили за счет агентства, причем безрезультатно, давно следовало поставить крест. Робин распорядилась, чтобы Моррис назначил этой дамочке последнее свидание, закрутился и развеял возможные подозрения, после чего агентство попробует внедрить подсадного в ближний круг друзей-приятелей Жука. Из всех внештатных сотрудников с этим планом согласился только Барклай; он же поддержал Робин в том, что Моррис должен незамедлительно оставить в покое секретаршу Жука. Безусловно, Робин понимала, что в ее пользу говорит их с Барклаем тесное сотрудничество по одному из прошлых дел об убийстве, когда им вдвоем пришлось выкапывать мертвое тело, а такое не проходит бесследно.

В пижаме и халате, она сидела с ногами на диване в общей гостиной, переходила с сайта на сайт и одновременно перебирала в памяти подробности совещания. Ее босые ступни уютно согревала такса по кличке Вольфганг.

Макса дома не было. На прошлых выходных он ни с того ни с сего заявил, что рискует превратиться из «интроверта» в «отшельника» и во избежание этой опасности решил выйти в свет с какими-то приятелями-актерами, хотя, по своему горькому признанию, сделанному на пороге, знал, что все будут его «жалеть и получать от этого удовольствие». В одиннадцать вечера Робин быстро погуляла с Вольфгангом вокруг квартала, но все остальное время посвятила делу Бамборо, катастрофически запущенному в отсутствие Страйка, поскольку ей приходилось координировать еще и четыре других расследования, висевшие на агентстве.

Робин нигде не бывала после своего дня рождения, который отметила, хотя и без всякого настроения, в баре, в компании с Илсой и Ванессой. Разговоры вертелись главным образом вокруг романтических отношений, потому что Ванесса пришла со сверкающим бриллиантовым кольцом на пальце. С того вечера Робин уклонялась от встреч и с первой, и со второй под предлогом двойного груза служебных обязанностей. Ей не давали покоя слова кухни Кэти:

«Ты, похоже, движешься не туда, куда мы все, а в другую сторону», но еще, если честно, ей не улыбалось топтаться у стойки бара и в угоду подругам кокетничать с каким-нибудь пошляком вроде Морриса.

У них со Страйком уже были распределены обязанности в отношении тех фигурантов дела Бамборо, которых требовалось опросить повторно. К сожалению, по меньшей мере четверо из доставшихся ей лиц уже были, как выяснилось, там, где нет ни бесед, ни допросов.

В результате тщательной проверки старых материалов дела с использованием перекрестных ссылок она смогла идентифицировать того самого Уилли Ломакса, который долгое время служил разнорабочим при церкви Святого Иакова в Кларккенуэлле. Он умер в восемьдесят девятом году, и Робин до сих пор так и не сумела выйти на кого-либо из его подтвержденных родственников.

Альберт Шиммингс, хозяин цветочного магазина и возможный шофер превышавшего скорость фургона, замеченного в день исчезновения Марго, также скончался, но Робин по электронной почте направила запросы двум мужчинам, которые, по ее сведениям, приходились ему сыновьями. Она искренне надеялась, что не ошиблась в своих поисках и не заставила страхового агента и инструктора по вождению теряться в догадках. Ни один пока не откликнулся на ее просьбу о встрече.

Вильма Бейлисс, работавшая в амбулатории уборщицей, умерла в две тысячи третьем году. Мать двоих сыновей и трех дочерей, она развелась с Джулзом Бейлиссом в семьдесят пятом. В конце жизни Вильма переквалифицировалась в социального работника; она достойно воспитала своих детей, из которых вышли архитектор, фельдшер, учитель, социальный работник (по примеру матери) и член муниципального совета от Лейбористской партии. Один из сыновей переселился в Германию, но Робин не оставила его без внимания и включила во все рассылки. Ответов пока не было.

Дороти Оукден, работавшая в амбулатории секретарем-машинисткой, теперь, в возрасте девяноста одного года, проживала в доме престарелых на севере Лондона. Связаться с ее единственным сыном Карлом Робин еще не успела.

Между тем бывший возлюбленный Марго, Пол Сетчуэлл, и медрегистратор Глория Конти странным образом испарились. Вначале Робин возликовала, не найдя их свидетельств о смерти среди записей актов гражданского состояния, но, прошерстив телефонные справочники, данные переписи населения, судебные постановления графства, свидетельства о браках и разводах, подшивки старых газет, социальные сети и списки сотрудников множества компаний, не добилась ровным счетом ничего. Ей в голову пришли только две причины такого положения дел: смена фамилии (в случае Глории – возможно, при заключении брака) и эмиграция.

Что же касается Аманды Уайт, школьницы, якобы видевшей Марго за мокрым от дождя оконным стеклом, такие имя и фамилия встречались в интернете настолько часто, что Робин уже отчаялась разыскать среди этих женщин нужную. От этой линии расследования у нее просто опускались руки: во-первых, Мэнди наверняка сменила фамилию Уайт, а во-вторых, Робин, как и полицейские в свое время, сильно сомневалась, что Мэнди в самом деле заметила в тот вечер именно Марго.

Просмотрев и отвергнув аккаунты еще шести тезок Аманды Уайт в «Фейсбуке», Робин зевнула, потянулась и решила, что заработала отдых. Она переложила ноутбук на приставной столик, осторожно, чтобы не потревожить Вольфганга, спустила ноги с дивана и через все помещение, объединявшее кухню, столовую и гостиную, пошла готовить низкокалорийный горячий шоколад, безуспешно внушая себе, что это деликатес: в течение затянувшегося периода наружного наблюдения, вынуждавшего ее вести сидячий образ жизни, она все еще пыталась не забывать о талии.

Пока неаппетитный порошок растворялся в кипятке, запах синтетической карамели смешался с запахом туберозы. Даже после ванны на волосах и пижаме оставался запах «Фрака».

Эти духи, в конце концов признала Робин, оказались дорогостоящей ошибкой. Живя в густом облаке туберозы, она не только с минуты на минуту ожидала приступа головной боли, но и не могла избавиться от ощущения, будто среди бела дня облачилась в меха и жемчуга.

Стоило ей опять взяться за ноутбук, лежащий на диване рядом с Вольфгангом, как у нее задребезжал телефон. Вольфганг проснулся и с возмущенным видом вскочил на скрюченные артритом лапки. Робин подняла его на руки и отнесла в сторону, а сама потянулась за телефоном и, к своему огорчению, увидела, что звонит не Страйк, а Моррис.

– Здравствуй, Сол.

После того поцелуя, которым он отметил ее день рождения, Робин в общении с Моррисом придерживалась тактики холодного профессионализма.

– Здорово, Робс. Ты разрешила звонить, если будут новости, в любое время дня и ночи.

– Да, конечно. – «Только я никогда не разрешала тебе называть меня „Робс“». – Что случилось? – Робин огляделась в поисках карандаша или ручки.

– Сегодня мне удалось подпойть Джемму. Ну эту, референтку нашего Жука. Под хмельком она выболтала, что у Жука, по ее мнению, имеется компромат на его босса.

Тоже мне новость, подумала Робин, отказавшись от бесплодных поисков ручки.

– И откуда такой вывод?

– Судя по всему, он не раз говорил ей примерно так: «Уж на мои-то звонки он всегда будет отвечать, не сомневайся» и еще: «Я знаю, где зарыты все собаки».

В голове у Робин мелькнул образ иоанновского креста, который она тут же отогнала.

– Как бы в шутку, – добавил Моррис. – Типа сострил – но Джемма призадумалась.

– А какие-нибудь подробности она сообщила?

– Нет, но послушай: дай мне еще немного времени, и я ее уболтаю приклеить под одежду микрофон. Не хочу себя гладить по головке... сейчас, вообще говоря, мне это не с руки... нет, я серьезно, – вставил он, хотя Робин даже не усмехнулась, – но девушку я обработал по всей форме. Дай мне еще чуток времени...

– На летучке мы все это обсудили, – напомнила ему Робин и подавила зевок, отчего на глаза навернулись слезы. – Клиент не хочет, чтобы о проблеме знал кто бы то ни было из сотрудников, поэтому раскрываться тебе нельзя. Если заставить ее следить за собственным начальником, она того и гляди потеряет работу. А если она ему проболтается, это перечеркнет все, что нами сделано.

– Еще раз говорю: не хочу гладить...

– Сол, одно дело – в подпитии вытянуть у нее признания, – сказала Робин (ну почему он не слушает? Эту тему без конца мусолили на летучке). – И совсем другое – просить девушку, не имеющую никакого следственного опыта, работать на нас.

– Она на меня запала, Робин, – всерьез заявил Моррис. – Грех не воспользоваться.

Робин вдруг подумала: уж не переспал ли он с той девицей? Страйк с самого начала предупреждал, что это недопустимо. Она вновь опустилась на диван. Книга «Демон Райского парка» нагрелась, как заметила Робин, от лежавшей на ней таксы. Согнанный с насиженного места Вольфганг смотрел на Робин из-под стола печальным, укоризненным стариковским взглядом.

– Сол, я убеждена, что сейчас надо передать эстафету Хатчинсу – пусть возьмет в разработку самого Жука, – сказала Робин.

– О'кей, но прежде чем принять окончательное решение, давай я позвоню Страйку и...

– Нет, ты не позвонишь Страйку. – Робин теряла терпение. – Его родственница... у него достаточно своих дел в Корнуолле.

– Какая забота! – хохотнул Моррис. – Но вот увидишь: Страйк не захочет, чтобы этот вопрос решался без...

– Он доверил руководство мне, – Робин больше не сдерживалась, – а я считаю, что ты исчерпал свои возможности в отношении этой девушки. Никакими полезными сведениями она не располагает, и если сейчас на нее надавить, это еще аукнется нашему агентству. Прошу тебя остановиться сейчас же. С завтрашнего вечера возьмешь на себя Открыточника, а Энди я скажу, чтобы переключился на Жука.

Повисла пауза.

– Я тебя огорчил? – спросил Моррис.

– Нет, ты меня не огорчил, – ответила Робин; действительно, «огорчить» – это не то же самое, что «привести в бешенство».

– Я не хотел...

– Все нормально, Сол. Просто напоминаю тебе, какие решения были приняты на летучке.

– О'кей, – повторил он, – хорошо. Да, кстати... Знаешь, как директор увольнял секретаршу, когда для фирмы настали трудные времена?

– Нет, не знаю, – процедила сквозь зубы Робин.

– Он ей говорит: «Вынужден тебя уволить – ставку секретарши ликвидируем». А она такая: «Грузчиков сейчас вызывать?» – «Зачем грузчиков?» – «Чтобы диван вынесли».

– Ха-ха, – сказала Робин. – Спокойной ночи, Сол.

«К чему это „ха-ха“? – негодуя пыталась себя Робин, опуская мобильный. – Почему было не сказать прямо: „Избавь меня от своих пошлостей“? А еще лучше – промолчать! И с какой стати я лепетала „Прошу тебя...“, когда требовала выполнять единогласно принятое решение? Почему я перед ним заискиваю?»

Ей вспомнилось, как она беспрестанно потакала Мэтью. Изображала оргазм, но это еще полбеды; все время делала вид, что считает его остроумным, интересным собеседником, хотя он раз за разом повторял анекдоты, услышанные в раздевалке от регбистов, а в компании не давал никому и рта раскрыть – все пыжился, чтобы только считаться самым умным и самым веселым. «Почему мы это позволяем? – спрашивала она себя, невольно беря в руки книгу „Демон Райского парка“. – Почему изо всех сил пытаемся их умаслить, лишь бы только сохранить мир?»

Да потому, Робин, отвечали ей призрачные черно-белые портреты, заслоняемые изображением Денниса Крида, что от них можно ждать любой мерзости. Тебе ли не знать, на что они способны? Посмотри на свою вспоротую шрамом руку, вспомни маску гориллы.

На самом-то деле она понимала, что егозит перед Моррисом по другой причине. Откажись она смеяться его тупым шуточкам, он все равно не пошел бы на оскорбления или насильственные действия. Она росла единственной девочкой в семье, где до и после нее рождались только мальчишки, и усвоила, что в семье конфликтовать нельзя, хотя мама всегда становилась на сторону женщин. Напрямую Робин этому не учили, но во время сеансов психотерапии, рекомендованных ей после нападения, оставившего у нее на руке шрам, она осознала, что в родительском доме ей отводилась роль «беспроблемного ребенка», который никогда не жалуется и готов помирить всех со всеми. Она появилась на свет за год до Мартина, ставшего в семье Эллакотт «проблемным ребенком»: несобранный, задиристый, он плохо учился и плохо себя вел; в свои двадцать восемь лет он, единственный, по-прежнему жил с родителями и практически ничем не походил на Робин. (Но на ее свадьбе не кто иной, как Мартин, расквасил нос Мэтью, а во время своего последнего приезда домой она невольно обняла брата, когда после ее рассказа о том, как Мэтью ведет себя в процессе развода, Мартин предложил повторить правый прямой.)

Оконное стекло над обеденным столом усеяли холодные дождевые капли. Вольфганг опять сладко спал. Робин, не в силах больше прочесывать социальные сети в поисках очередной полусотни тезок Аманды Уайт, потянулась к «Демону Райского парка», но засомневалась. Она взяла за правило (поскольку путь к ее нынешнему положению был долог и тернист, а

лишаться душевного покоя ей совсем не хотелось) не читать эту книгу после наступления темноты и перед сном. В конце-то концов, все ее содержание в сжатом виде можно было найти на различных сайтах и тем самым избежать себя от знакомства с прямой речью Крида, от хладнокровных подробностей истязаний и убийств женщин.

И тем не менее она приготовила себе горячий шоколад, открыла книгу на странице, заложенной чеком за бензин, и начала читать с того места, где остановилась три дня назад.

Ни на миг не усомнившись, что Бамборо стала жертвой серийного убийцы, прозванного Эссекским Мясником, Тэлбот нажил себе врагов этой маниакальной заикленностью на одной-единственной версии.

«Считалось, что он досрочно ушел на пенсию, – рассказывал его сослуживец, – но на самом деле его „ушли“. Говорили, что он зашорен и не желает слышать ни о чем другом, кроме Мясника, но вот пожалуйста: прошло девять лет, а лучшей версии до сих пор никто не выдвинул, правда ведь?»

Родственники Марго Бамборо не смогли идентифицировать ни одной ее вещи среди не опознанных другими семьями ювелирных изделий и предметов женского туалета, найденных в 1976 году, после ареста Крида, в его подвальном жилище, хотя муж Бамборо, доктор Рой Фиппс, счел, что потемневший серебряный медальон, искореженный, по всей видимости, с применением грубой силы, отдаленно напоминает украшение, которое было на шее у пропавшей женщины-врача в день ее исчезновения.

Однако в недавно опубликованной биографии «Что же случилось с Марго Бамборо?»^[4], написанной сыном ее близкой подруги, содержатся откровения о личной жизни Бамборо, способные обозначить новую линию расследования – и возможную связь с Кридом. Незадолго до своего исчезновения Марго Бамборо записалась в ислингтонский лечебно-реабилитационный центр на Брайд-стрит, частное медицинское учреждение, которое в 1974 году предлагало аборт с соблюдением конфиденциальности...

16

*Взирай же, Бритомарт, и дай мне знать,
Встречался ли тебе, кто так пригож,
Как сэр Гийон, и в ком мужская стать,
Какой в других вовеки не найдешь...*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Четыре дня спустя в пять пятнадцать утра на вокзал Паддингтон прибыл поезд «Ночная Ривьера». Страйк провел минувшую ночь беспокойно и подолгу лежал без сна, глядя в окно своего купе на призрачно-серое небо над так называемой Английской Ривьерой. Лежал он поверх одеяла, даже не сняв протеза, а утром отказался от завтрака в пластиковом контейнере и сошел на платформу одним из первых, с рюкзаком на плече.

Раннее утро выдалось морозным, у Страйка дыхание плыло по воздуху впереди него белыми облачками. Он шел по перрону; над головой ребрами синего кита изгибались стальные арки Брунеля; сквозь стеклянный потолок виднелось холодное темное небо. Небритый, ощущая некоторый дискомфорт из-за того, что култя совсем не отдохнула и не получила ежевечернюю порцию болеутоляющей мази, он повернул к скамейке, сел, зажег долгожданную сигарету, потом достал мобильный и набрал Робин.

Он знал, что она не спит, так как только что закончила ночное наблюдение за домом синоптика, но Открыточник себя не обнаружил. Пока Страйк находился в Корнуолле, они с Робин общались в основном при помощи SMS; он мотался между больницей в Труро и домом в Сент-Мозе, по очереди с Люси дежурил у постели Джоан – от химиотерапии у тетушки выпали волосы и, как выяснилось, произошел сбой иммунной системы – и поддерживал Теда, который почти перестал есть. Перед отъездом в Лондон Страйк приготовил большую порцию карри и положил в морозильник, рядом с пирожками, которые испекла Люси. Поднося к губам сигарету, он вдыхал оставшийся на пальцах запах куркумы, а когда сосредоточивался, вспоминал тяжелый дух больничного антисептика и мочи, вытеснявший запахи холодного железа, солярки и даже мимолетные нотки кофе из ближайшего «Старбакса».

– Привет, – сказала Робин, и при звуках ее голоса у Страйка – вполне ожидаемо – слегка отлегло от сердца. – Что стряслось?

– Ничего. – Он немного удивился, но тут же вспомнил, что сейчас полшестого утра. – Тьфу ты... да, извини, срочности никакой, просто я только что с поезда. Может, позавтракаем где-нибудь? А потом ты поедешь домой отсыпаться.

– Ой, замечательно, – ответила Робин с такой неподдельной радостью, что у Страйка даже прибавилось сил, – тем более что у меня есть кое-какие новости по Бамборо.

– Отлично, – сказал Страйк, – у меня тоже. Обменяемся.

– Как Джоан?

– Неважно. Вчера отпустили домой. Прикрепили к ней патронажную онкологическую сестру из «Макмиллана». Тед совсем сник. Люси у них еще побудет.

– Ты тоже мог остаться, – заметила Робин. – Мы тут справляемся.

– Да все нормально. – Страйк проводил глазами струйку сигаретного дыма; сквозь облака пробился зимний солнечный луч, осветивший залежи окурков на кафельном полу. – Я им сказал, что на Рождество опять приеду. Где встречаемся?

– Вообще-то, я собиралась первым делом забежать в Национальную галерею, а уж потом ехать домой, так что...

– Забежать куда? – изумился Страйк.

– В Национальную галерею. При встрече объясню. Не возражаешь, если мы встретимся где-нибудь в том районе?

– Да мне без разницы, – сказал Страйк. – Тут метро рядом. Поеду в ту сторону. Кто первым найдет кафе, пусть маякнет.

Через сорок пять минут Робин вошла в кафе «Ноутс» на Сент-Мартинс-лейн; там, несмотря на столь ранний час, уже была толчея. Деревянные столы – некоторые размером с огромный кухонный стол в йоркширском доме ее родителей – оккупировали молодые люди с ноутбуками и бизнесмены, заскочившие позавтракать перед работой. Очередь тянулась вдоль длинных стеллажей; Робин старательно отводила глаза от многообразия сдобы на нижних полках. На ночное дежурство у дома синоптика она брала сэндвичи и сейчас строго напомнила себе, что на текущие сутки этого достаточно.

Взяв капучино, она направилась в торец зала, где под большим кованым светильником-пауком сидел Страйк и читал «Таймс». За минувшие шесть дней она как будто подзабыла габариты своего делового партнера. Тот, склонившись над газетой и уминая ролл из чабатты с яичницей и беконом, стал похож на черного медведя, тем более что щеки заросли густой черной щетиной; от одного этого зрелища Робин захлестнула теплая волна. Но быть может, подумалось ей, это была просто реакция на гладко выбритых, подтянутых и стандартно эффектных мужчин, которые, подобно духам с ароматом туберозы, хороши лишь при первом предьявлении, а при более длительном контакте не вызывают ничего, кроме отторжения.

– Привет. – Она скользнула на скамью напротив.

Страйк поднял взгляд, и ее длинные блестящие волосы вместе с общей аурой здоровья подействовали на него как антидот против удушливой больничной атмосферы последних пяти дней.

– По тебе не скажешь, что ты за эту ночь особо переутомилась.

– Надо понимать, это комплимент, а не упрек. – Робин вздернула брови. – Я действительно всю ночь не спала, но отправителя... или отправительницы... так и не дождалась, зато вчера пришла новая открытка – на адрес телестудии. В ней говорится, что Открыточник в восторге от улыбки синоптика, которой во вторник завершился прогноз погоды.

Страйк фыркнул.

Робин спросила:

– Ты хочешь первым изложить новости по Бамборо или предоставишь это мне?

– Предоставлю тебе, – ответил Страйк с набитым ртом. – Я хоть поем спокойно.

– Ладно, – согласилась Робин. – У меня есть одна хорошая новость и одна плохая. Плохая заключается в том, что почти все, кого я успела пробить, уже мертвы и оставшиеся, скорее всего, тоже.

Она перечислила ныне покойных Уилли Ломакса, Альберта Шиммингса, Вильму Бейлисс и Дороти Оукден, а также рассказала, какие шаги предприняла для установления контактов с их родственниками.

– Никто не откликнулся, кроме одного из сыновей Шиммингса: тот, похоже, заподозрил, что мы журналисты и намерены повесить на его папашу похищение Марго. Я по мейлу сделала попытку его разубедить. Надеюсь, работает.

Страйк ненадолго прекратил методичное уничтожение ролла и, выпив залпом полкружки чая, сказал:

– У меня проблемы, по сути, те же. Убедиться в достоверности сцены «Драка двух женщин у таксофонных будок» не представляется возможным. Свидетельница Руби Эллиот и мать с дочерью Флери – вероятно, главные героини – тоже умерли. Но остались потомки – я им разослал сообщения. Ответ пока пришел ровно один: от внука Флери, который вообще не понял, о чем речь. У доктора Бреннера родных, похоже, не осталось вовсе. Он так и не женился, детей не завел, была одна сестра – и та умерла незамужней.

– А знаешь, сколько женщин носят имя Аманда Уайт? – вздохнула Робин.

– Могу себе представить. – Страйк откусил здоровенный кусок ролла. – Потому и поручил эту девушку тебе.

– Значит, ты?...

– Шутка, – перебил он, ухмыляясь от ее выражения лица. – А что там Пол Сетчуэлл и Глория Конти?

– Если их нет в живых, то умерли они за пределами Соединенного Королевства. Но вот какая странность: после семьдесят пятого года об этих двоих не нашлось никаких упоминаний.

– Совпадение, – изрек Страйк, поднимая брови. – Даутвейт, который страдал мигренями и довел до самоубийства любовницу, тоже испарился. Либо живет теперь за границей, либо сменил документы. После семьдесят шестого года – никаких адресов, но и свидетельства о смерти тоже нет. Я бы на его месте, думаю, тоже имя сменил. В газетах его ославили, помнишь? Работник хреновый, спал с женой сослуживца, посылал цветы женщине, которая вскоре исчезла...

– Мы не можем утверждать, что это были цветы, – буркнула Робин в свою кофейную чашку.

«Бывают ведь и другие подарки, Страйк».

– Ну, шоколадные конфеты. Один черт. А вот почему с горизонта исчезли Сетчуэлл и Конти – это объяснить труднее. – Страйк провел рукой по небритому подбородку. – Журналисты довольно быстро утратили к ним интерес. А Конти ты запросто нашла бы в интернете, если бы она просто взяла фамилию мужа. Не может быть, чтобы у Глории Конти тизок было столько же, как у Аманды Уайт.

– Мне тут подумалось: не переехала ли она в Италию? – сказала Робин. – Ее отец при крещении получил имя Рикардо. Там у нее могли остаться родственники. Я разослала через «Фейсбук» несколько запросов разным Конти, но из тех, кто ответил, ни у кого нет знакомой Глории. На всякий случай я прикрываюсь генеалогическими изысканиями: она может уйти в тень, если с места в карьер упомянуть Марго.

– Думаю, это правильно, – сказал Страйк, подсыпая себе в чай еще сахара. – А что, Италия – неплохая идея. Вполне возможно, что по молодости лет наша девушка захотела перемен. А вот исчезновение Сетчуэлла объяснить труднее. Судя по той фотографии, он не страдал излишней застенчивостью. Наверное, к этому времени где-нибудь да всплыл бы, рекламируя свои картины.

– Я пробила художественные выставки, аукционы, галереи. Он буквально растворился.

– А у меня кое-какие подвижки есть, – сказал Страйк, доедая ролл и вытаскивая из кармана блокнот. – Сидя днями напролет в больнице, можно, оказывается, горы своротить. Я нашел четверых свидетелей, и один уже дал по мейлу согласие на встречу: Грегори Тэлбот, сын того самого Билла Тэлбота, который слетел с катушек и стал прямо на протоколах рисовать пентаграммы. Когда я объяснил, чем занимаюсь и кто меня нанял, Грегори вполне доброжелательно согласился побеседовать. Поеду в нему в субботу, – может, и ты захочешь присоединиться.

– Я не смогу, – огорчилась Робин. – Моррис и Энди оба взяли отгулы по семейным обстоятельствам. На выходные остаемся только мы с Барклаем.

– Ну, жаль, – сказал Страйк. – Так, еще я вышел на двух женщин, которые работали вместе с Марго в амбулатории. – Страйк перелистнул страницу блокнота. – Дело облегчалось тем, что медсестра, Дженис, до сих пор носит фамилию первого мужа. Адрес, полученный от Гупты, устарел, но найти ее, отталкиваясь от этого места, было делом техники. Сейчас она проживает на Найтингейл-Гроув...

– Как по заказу... – отметила Робин².

– ...в районе Хизер-Грин. Что же касается Айрин Булл, она нынче миссис Айрин Хиксон, вдова владельца успешной строительной фирмы. Живет в Гринвиче, на Серкус-стрит.

– Ты с ними созвонился?

– Решил сначала написать, – ответил Страйк. – Обе уже немолоды, живут в одиночку... Я рассказал, кто мы такие и по чьему заказу работаем: пусть проверят, убедятся в нашей безупречной репутации, а возможно, даже свяжутся с Анной.

– Все предусмотрел, – сказала Робин.

– И собираюсь также подкатить к Уне Кеннеди, которая в тот вечер ожидала Марго в пабе; надо только удостовериться, что это она самая. Анна упоминала ее место жительства – Вулвергемптон, но та, которую я нашел, живет в Эйнсвике. Возраст подходящий, сейчас она не у дел, а раньше была, пардон, викарием.

Робин усмехнулась при виде его неприязненно-настороженного лица:

– Тебя чем-то не устраивают викарии?

– Нет-нет, – ответил Страйк и после паузы добавил: – В общем и целом. Викарий викарию рознь. Но Уна в семидесятых работала официанткой в клубе «Плейбой». Стоит рядом с Марго на одном из газетных снимков и в подписях названа по имени. Тебя не смущает столь резкий скачок: из полуголых зайчиков – да в викарии?

– Да, любопытная траектория жизни, – согласилась она, – но ведь и ты сейчас ведешь беседу с бывшей временной секретаршей, которая выбилась в сыщики. И кстати, об Уне. – Робин достала из сумки книгу «Демон Райского парка» и открыла на нужной странице. – Хотела тебе показать небольшой отрывок. Вот смотри. – Она протянула ему книгу. – Карандашом отчеркнуто.

– Я эту книгу прочел от корки до корки, – сказал Страйк. – Что еще за отрывок?...

– Сделай одолжение, – не отступалась Робин, – прочти то, что у меня отмечено.

Страйк вытер пальцы бумажной салфеткой, взял книгу и стал читать абзацы, обведенные жирной карандашной линией.

Незадолго до своего исчезновения Марго Бамборо записалась в ислингтонский лечебно-реабилитационный центр на Брайд-стрит, частное медицинское учреждение, которое в 1974 году предлагало аборт с соблюдением конфиденциальности.

Оно закрылось в 1978 году; архивы, которые могли бы показать, что Бамборо подверглась этой операции, утрачены. Однако автор книги «Что же случилось с Марго Бамборо?» высказывает предположение, что она позволила кому-нибудь из знакомых воспользоваться ее именем, и отмечает, что ирландка по происхождению и подруга по работе в клубе «Плейбой», та самая, которая в тот роковой вечер якобы должна была встретиться с Бамборо в пабе, имела веские основания поддерживать легенду о назначенной встрече даже после смерти Бамборо.

Медицинский центр находился в восьми минутах ходьбы от подвального жилища Денниса Крида на Ливерпуль-роуд. Логично предположить, что Марго Бамборо в тот день вообще не собиралась идти в паб: она могла солгать знакомым, чтобы выгородить себя или другую женщину, и была похищена не с тротуара в Кларкенуэлле, а ближе к съемному подвалу Крида у Парадиз-парка.

– Что за... – начал Страйк, словно пораженный молнией. – В моей книге такого нет. У тебя на три абзаца больше!

² Аллюзия на Флоренс Найтингейл (1820–1910), знаменитую сестру милосердия.

– Я сразу подумала, что ты этого не читал. – Робин осталась довольна. – У тебя наверняка более позднее издание. А у меня – самое первое. Убедись. – Не забирая книгу из рук Страйка, Робин открыла страницу в конце со списком литературы. – Видишь? «К. Б. Оукден. „Что же случилось с Марго Бамборо?“ Тысяча девятьсот восемьдесят пять». Однако в указанном году книга не вышла в свет, – продолжала она. – Тираж пошел под нож. Автору «Демона», по всей вероятности, достался сигнальный экземпляр. Я копнула поглубже. Эта история произошла, естественно, в доинтернетовскую эпоху, но я обнаружила пару ссылок на юридические статьи, где показано, как иск за клевету может предотвратить выход печатного издания. Если вкратце: Рой Фиппс и Уна Кеннеди подали совместный иск против Оукдена и выиграли дело. Тираж оукденовской книги уничтожили, после чего «Демона» спешно перепечатали без оскорбительного пассажа.

– К. Б. Оукден? – повторил Страйк. – Не он ли...

– Сын секретаря-машинистки Дороти. Он самый. Полное имя: Карл Брайс Оукден. Последний адрес, который я нашла, – в Уолтэмстоу, но оттуда он переехал, а куда – пока не выяснила.

Перечитав отрывок насчет абортария, Страйк заключил:

– Если Фиппс и Кеннеди добились запрета на выпуск этой книги, значит они сумели убедить судью, что данная информация частично или полностью недостоверна.

– Какая подлая ложь, да? – сказала Робин. – Скажи он, что Марго сделала аборт, – это само по себе было бы гнусно, а он еще намекает, что это была Уна и что она скрыла, где в тот вечер находилась Марго...

– Странно, что издательские юристы пропустили этот эпизод... – задумался Страйк.

– Оукден принес свою рукопись в небольшое издательство, – объяснила Робин. – Я проверяла. Вскоре после того, как его книга пошла под нож, оно закрылось. Скорее всего, там вообще юристов не спрашивали.

– И очень глупо, – сказал Страйк, – но если в издательстве сидят не отъявленные самоубийцы, вряд ли они станут публиковать совсем уж беспочвенный вымысел. Должна быть какая-то основа. А этот субъект, – Страйк поднял книгу над головой, – был асом журналистских расследований. Он не стал бы строить такие гипотезы на пустом месте.

– А мы можем его прощупать или он?...

– Умер, – сказал Страйк и, задумчиво помолчав, продолжил: – Запись в медицинский центр была, скорее всего, сделана от имени Марго. Остается вопрос: она старалась для себя или же кто-то другой без разрешения воспользовался ее именем? – Он еще раз перечитал самое начало. – И точная дата не указана: «Незадолго до своего исчезновения»... скользкая формулировка. Если прием был назначен на день исчезновения, автор мог прямо так и сказать. Вот это стало бы настоящим откровением, какие полиция не оставляет без внимания. А «нездолго до своего исчезновения» можно толковать сколь угодно широко.

– Но совпадение довольно странное, правда? – заметила Робин. – Почему она выбрала стационар, ближайший к дому Крида?

– Н-да... – сказал Страйк, но после недолгого размышления добавил: – Впрочем, не знаю. Это семьдесят четвертый год – много ли абортариев было тогда в Лондоне? – Вернув книгу Робин, он продолжал: – Возможно, этим и объясняется, почему Рой Фиппс так задержался, когда его дочь надумала поговорить с Уной Кеннеди. Он боялся, как бы девочка-подросток не узнала, что мать лишила ее брата или сестренки.

– Мне приходило в голову то же самое, – сказала Робин. – Услышать такое – это страшный удар. Особенно если учесть, что девочка всю сознательную жизнь пыталась выяснить, действительно ли мать ее бросила.

– Надо попытаться раздобыть еще один экземпляр этого издания, – сказал Страйк. – Коль скоро тираж успели отпечатать, вряд ли от него уцелела одна-единственная книжка. Автор мог знакомым раздарить. Послать рецензентам, да мало ли кому.

– Я уже над этим работаю, – сообщила Робин. – Оставила заказы у нескольких букинистов. – Она не в первый раз делала для агентства нечто такое, после чего хочется вымыть руки. – Когда пропала Марго, Карлу Оукдену было всего четырнадцать лет. Написать о ней целую книгу, вытянуть откуда-то связи, заявить, что Марго дружила с его матерью...

– Угу, прохвост еще тот, – согласился Страйк. – А когда он уехал из Уолтэмстоу?

– Пять лет назад.

– По социальным сетям его пробила?

– Да. Только ничего не нашла.

У Страйка в кармане завибрировал мобильный. Робин заметила, как по лицу ее напарника пробежала тень тревоги, и решила, что он подумал о Джоан.

– Что-то неладно?

При взгляде на дисплей он еще больше помрачнел.

Сообщение начиналось так:

Бро, можно с тобой потолковать с глазу на глаз? Рекламная кампания и новый альбом очень много значат для папы. Мы просим о сущей...

– Нет, все хорошо, – ответил он, не дочитав до конца и возвращая мобильный в карман. – Итак, ты хотела посетить...

На миг у него вылетело из головы непредсказуемое место, куда хотела направиться Робин, из-за чего, собственно, они и сидели сейчас в этом кафе.

– Национальную портретную галерею, – напомнила Робин. – Именно там, в сувенирном магазине, были куплены три открытки для синоптика.

– Три... прости... для кого?

Его сбило с мысли полученное сообщение. Он ясно дал понять, что не намерен присутствовать на тусовке по случаю выхода нового отцовского альбома и фотографироваться с единокровными братьями и сестрами, дабы преподнести отцу памятный подарок – групповой портрет.

– Для синоптика, которому не дает житья Открыточник, – уточнила она и пробормотала:

– Ладно, не важно, просто возникла такая мысль.

– А конкретно?

– Понимаешь, предпоследняя из открыток была репродукцией портрета, который «постоянно напоминает» отправителю о нашем синоптике. Вот я и подумала: может, этот портрет висит где-нибудь на видном месте и мозолит глаза? Может, Открыточнику втайне хочется об этом сообщить, чтобы синоптик отправился на поиски?

Но, еще даже не договорив, она отбросила эту версию как неубедительную: истина заключалась в том, что у них не было ни малейшей зацепки по делу Открыточника. Они даже не выяснили, мужчина это или женщина. После установления слежки за домом синоптика Открыточник как в воду канул. Возможно, три открытки, приобретенные в одном и том же месте, что-нибудь да значили, но возможно, и ровным счетом ничего. А что еще у них на него есть?

В ответ Страйк что-то пробурчал себе под нос. Заподозрив, что за этим стоит отсутствие энтузиазма, Робин вернула свой экземпляр книги в сумку и спросила:

– Ты потом в контору?

– Ага. Обещал Барклаю в два часа подхватить за ним Балеруна. – Страйк зевнул. – А до этого хотелось бы часок придавить... – Оттолкнувшись руками от стола, он поднялся с места. – Я позвоню – сообщу, куда нас приведет Грегори Тэлбот. И спасибо, что в мое отсутствие держала оборону. Ценю, честное слово.

– Оставь, пожалуйста, – сказала Робин.

Взвалив на плечо рюкзак, Страйк похромал к выходу. С некоторым облегчением Робин наблюдала за ним через окно: помедлив, чтобы закурить, он двинулся дальше и скрылся из виду. Тогда она проверила время: до открытия Национальной портретной галереи нужно было как-то убить полтора часа.

Несомненно, существовали более приятные способы скоротать час с лишним, нежели гадать, от кого Страйк получил SMS – уж не от Шарлотты ли Кэмпбелл, но зато эта догадка на удивление долго владела ее мыслями.

17

*Но ты... кого заставил мрачный рок
Узреть паденье своего отца...*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Джонни Рокби, чье присутствие в жизни старшего сына практически равнялось нулю, тем не менее маячил рядом неотступной, неосязаемой тенью, особенно в детские годы Страйка. Родители его друзей в юности обклеивали стены спален постерами Рокби, а в зрелые годы продолжали скупать альбомы своего идола и вечно грузили Страйка рассказами о концертах *Deadbeats*. Одна мамаша, как-то подкараулившая семилетнего Страйка у школьных ворот, всучила ему письмо для передачи отцу из рук в руки. Впоследствии его мать Леда сожгла это послание в скворце, где обреталась в ту пору с двумя своими детьми.

До поступления на армейскую службу, где была возможность не разглашать имя и профессию отца, Страйк вечно ощущал себя подопытным кроликом, которого разглядывают со всех сторон, терзая вопросами за гранью такта и приличий, и по мере сил отгораживался от невысказанных намеков, рождаемых завистью и злобой. Прежде чем признать Страйка своим сыном, Рокби заставил Леду организовать для них тест на отцовство. Когда пришел положительный результат, адвокаты Рокби составили финансовое соглашение, призванное обеспечить малолетнему сыну музыканта такой уровень жизни, при котором ему не придется больше спать на грязном матрасе в одной комнате с чужими людьми. Однако материнское мотовство и регулярные конфликты с представителями Рокби обеспечили только нескончаемые и непредсказуемые перепады от достатка к нищете и хаосу. Леда развлекала сына и дочь безумно экстравагантными выходками, но не спешила покупать им новую обувь взамен изношенных, тесных башмаков, а сама пристрастилась летать в Европу и Америку, где гастролировали ее любимые группы; она разъезжала в шикарных лимузинах и останавливалась в лучших отелях, подкинув детей Теду и Джоан.

Страйк до сих пор помнил, как в Корнуолле ворочался без сна в двуспальной кровати для гостей, когда рядом посапывала Люси, а внизу Джоан переругивалась с его матерью, которая в середине зимы привезла детей без пальто. Дважды Страйка отдавали в частные школы, но оба раза Леда забирала его до конца учебного года, так как, по ее мнению, ребенку там прививали ложные ценности. Алименты Рокби ежемесячно утекали к ее подружкам и сожителям, а также вкладывались в безумные предприятия – ювелирный магазин, художественный журнал, вегетарианский ресторан; все эти начинания с треском провалились, не говоря уж о коммуне в Норфолке – худшим, что было в юности Страйка.

В конце концов адвокаты Рокби (которым рок-идол доверил распоряжение всеми делами, связанными с благосостоянием сына) переоформили отцовские выплаты таким образом, чтобы лишить Леду возможности транжирить средства. Для подростка Страйка это означало только необходимость потуже затянуть пояс: Леда не соглашалась, чтобы кто-то, согласно новым условиям, контролировал ее расходы. С тех пор деньги спокойно копились на счету, а семья существовала на скромные алименты, поступавшие от отца Люси.

Страйк видел своего отца два раза в жизни; от обеих встреч остались самые тягостные воспоминания. Рокби, со своей стороны, никогда не интересовался, почему средства, предназначенные сыну, лежат без движения. Сам он давно жил за рубежом, чтобы не платить налоги, продолжал записываться и выступать со своей группой, владел несколькими особняками, был обременен двумя требовательными бывшими женами и одной нынешней, а также пятеркой

законных и парой внебрачных отпрысков. В списке его приоритетов Страйку отводилось одно из последних мест: старший сын появился на свет по чистой случайности, невольно разрушил второй брак Рокби, когда потребовался тест на отцовство, и вечно обретался неизвестно где.

На фоне длинной тени биологического отца и череды материнских сожителей образцом мужского поведения оставался для Страйка дядя Тед. Леда всегда упрекала брата, бывшего полицейского, за чрезмерный интерес Страйка к воинской службе и сыскному делу. Заводя разговоры с сыном сквозь голубую конопляную дымку, она всерьез пыталась отговорить его от армейской карьеры, читала ему лекции о позорной военной истории Британии, о неразрывной связи между капитализмом и империализмом, безуспешно убеждала заняться игрой на гитаре или хотя бы отрастить волосы.

Страйк был в курсе специфических обстоятельств своего рождения и воспитания, которые, впрочем, не только причиняли ему массу неудобств и терзаний, но и подталкивали его к следственной практике. В раннем возрасте он научился сливаться с окружающей обстановкой. Сообразив, что чужой говор всегда карается, он стал менять произношение, скитаясь между Лондоном и Корнуоллом. Потеря ноги сильно ограничила его диапазон движений, но до этого он выработал у себя такую походку, от которой казался меньше ростом. Он научился держать при себе личную информацию, тщательно корректировать истории из жизни, гасить любопытство посторонних к своей персоне. Немаловажным было и другое: он настроил свой внутренний радар, безошибочно улавливающий ту перемену в поведении окружающих, которая происходит при осознании, что перед ними сын знаменитости. На него с раннего возраста не действовали уловки обманщиков, льстецов, проходимцев, лгунов и лицемеров.

Качества, развившиеся благодаря отцу, были, с позволения сказать, лучшими родительскими дарами; если не считать алиментов, тот не проявлял к нему никакого внимания, ни разу не поздравил с днем рождения, не прислал рождественской посылки. Только потеряв в Афганистане ногу, Страйк дождался отцовской записки. В госпитале у его койки сидела Шарлотта, и он попросил ее выбросить то послание в мусорный бачок.

Когда к Страйку начали проявлять внимание газеты, Рокби сделал несколько осторожных попыток установить отношения со своим неблизким сыном, а в последнее время косвенно упоминал в интервью, что они с ним дружны. Несколько знакомых Страйка прислали ему ссылки на последнее онлайн-интервью Рокби, в котором тот рассказывал, как гордится Страйком. Детектив стер эти сообщения и отвечать не стал.

Он нехотя проникся добрыми чувствами к Алу, своему единокровному брату, которого Рокби в последнее время использовал в качестве эмиссара. Робкие попытки Ала установить отношения со Страйком не прекращались, хотя вначале наталкивались на сопротивление старшего брата. Похоже, Ал восхищался самодостаточностью и независимым нравом Страйка – качествами, которые тот развил у себя в силу обстоятельств: жизнь не оставляла ему другого выбора. Однако Ал доводил Страйка до белого каления своей упертостью, когда подталкивал его к участию в юбилейных торжествах, которые для Страйка ничего не значили – разве что лишний раз напоминали, что для Рокби его группа всегда значила куда больше, чем внебрачный сын. Детектив с досадой убил субботнее утро на составление ответа Алу. В конце концов он решил сделать ставку на краткость, а не на поиск дальнейших аргументов:

Не передумал, но я – без обид.

Надеюсь, все пройдет гладко, а мы с тобой выпьем по пиву, когда окажешься в городе.

Покончив с этим докучливым личным делом, Страйк приготовил себе сэндвич, надел поверх футболки свежую сорочку, извлек из досье Бамборо те страницы, на которых Билл Тэлбот разродился загадочной питмановской скорописью, и на машине отправился в Вест-Уикем – на встречу с Грегори Тэлботом, сыном покойного Билла.

Мчась сквозь дождь, перемежающийся с солнцем, и не выпуская изо рта сигарету, Страйк настроился на деловую волну: в дороге он собирался не только упорядочить вопросы к сыну следователя, но и обдумать различные проблемы, возникшие в агентстве после своего возвращения из Корнуолла. Накануне Барклай высказал ряд предложений, явно заслуживающих внимания. Этот уроженец Глазго, которого Страйк считал своим лучшим следователем после Робин, сперва высказался с присущей ему прямоотой насчет вест-эндского танцовщика, на которого требовалось накопать грязишки.

– Нифига мы на него не нароем, Страйк. Ежели он топчет другую курочку, не иначе как она живет у него в шкафу. Сдается мне, наша девушка привязала его к себе кредиткой – ну дак он не лох какой-нибудь, чтоб этот сук рубить, когда ему так поперло.

– Наверно, ты прав, – ответил Страйк, – но я обозначил клиенту срок в три месяца, так что останавливаться не будем. Как ты сработался с Пат? – Он направил разговор в другое русло, надеясь, что еще хотя бы один сотрудник имеет зуб на новую секретаршу, но его ждало разочарование.

– Ну, это глыба! Хрипит она, понятное дело, как простуженный грузчик, но в работе – зверь! А коли пошел у нас разговор начистоту касательно новобранцев, то... – Барклай осекся, глядя на босса снизу вверх большими голубыми глазами из-под густых бровей.

– Договаривай, – сказал Страйк. – Моррис не тянет?

– Я прям так не утверждаю. – Шотландец поскреб в преждевременно поседевшем затылке, а потом спросил: – Неужто Робин тебе не говорила?

– У них конфликт? – жестко спросил Страйк.

– Не то чтобы прям конфликт, – протянул Барклай, – но он ее приказы в грош не ставит. Да еще у нее за спиной этим бахвалится.

– Так не пойдет. Я разберусь.

– И насчет Жука у него свои мысли завиральные.

– Даже так?

– Он все еще надеется что-нибудь вытянуть из этой секретутки. Но Робин ясно сказала: эту, мол, к чертовой бабушке и подключить Хатчинса. Она разузнала...

– ...что Жук состоит в Хендонском стрелковом клубе. Да, я в курсе. Она хочет, чтобы Хатчинс тоже туда вступил и втерся к нему в доверие. Хороший план. Насколько нам известно, Жук мнит себя этаким мачо.

– Но Моррис уперся. Прям в лицо ей сказал, что план, может, и неплох, да только...

– Ты считаешь, он все еще обхаживает эту девицу?

– «Обхаживает» – это очень мягко сказано, – заметил Барклай.

После разговора с Барклаем Страйк заехал в агентство, где, не стесняясь в выражениях, приказал Моррису оставить в покое референтку Жука и в течение недели заниматься исключительно слежкой за подругой мистера Повторного. Моррис даже не посмел возразить; более того, в его капитуляции сквозила угодливость. От этой встречи у Страйка остался неприятный осадок. Почти во всех отношениях Моррис представлял собой ценное приобретение, тем более что у него сохранились многочисленные полезные связи в полиции, но в его поспешном согласии мелькнуло нечто скользкое, мерзковатое. Тем же вечером, когда Страйк следил за такси, в котором Балерун с подругой ехали через Вест-Энд, детективу вспомнились сцепленные пальцы старого доктора Гупты и его изречение: «Если команда не срослась, успеха не жди».

На подступах к Вест-Уикему он увидел ряды пригородных домов с эркерами, широкими подъездными дорожками и личными гаражами. На улице под названием Авеню, где проживал Грегори Тэлбот, стояли солидные особняки, свидетельствующие о сознательности своих зажиточных владельцев, которые неукоснительно подстригают лужайки и по графику выносят мусор. Эти семейные гнезда уступали в комфорте резиденциям, что соседствовали с домом

старого врача, но жилой площадью во много раз превосходили чердачную квартиру Страйка прямо над офисом.

Свернув к дому Тэлбота, Страйк припарковал свой «БМВ» за баком для строительного мусора, загораживающим въезд в гараж. Стоило ему заглушить двигатель, как дверь в дом отворил – с осторожностью и волнением, поблескивая очками в металлической оправе – бледный, лопоухий, совершенно лысый человек. Страйк, заранее проработавший немало интернет-ресурсов, узнал в нем Грегори Тэлбота, по роду занятий – больничного администратора.

– Мистер Страйк? – окликнул тот, когда детектив с преувеличенной осторожностью выбирался из автомобиля, памятуя о неудачном падении на палубе парома.

– Он самый.

Страйк захлопнул дверцу и протянул руку подошедшему хозяину. Тэлбот оказался ниже его ростом на целую ладонь.

– Простите за этот бачок, – сказал он. – Вот, затеяли ремонт мансарды.

Когда они подошли к входной двери, из дому выскочили две девочки-близняшки лет десяти, которые едва не сбили с ног Грегори.

– Поиграйте в саду, на воздухе! – крикнул им вслед Грегори, а Страйк подумал, что в первую очередь следовало бы велеть им не бегать босиком по холодной слякоти.

– Поиграйте в шаду, на вождухе! – передразнила одна из сестер.

Грегори снисходительно посмотрел на девочек поверх очков:

– Грубость никого не украшает.

– Фигас не украшает! – крикнула первая близняшка под оглушительный хохот второй.

– Еще раз при мне выругаешься, Джайда, – останешься сегодня без сладкого, – сказал Грегори. – И о планшете моем думать забудь.

Джайда скорчила издевательскую гримасу, но, по крайней мере, не выругалась.

– Мы взяли их на воспитание, – объяснил Грегори, пропуская Страйка в дом. – Наши родные дети живут самостоятельно. Направо – и присаживайтесь.

У Страйка, приучившего себя к спартанскому минимализму, захлапленная, неприбранная комната вызывала отторжение. Он бы и рад был воспользоваться приглашением куда-нибудь присесть, но для этого пришлось бы переложить или передвинуть массу разных предметов, а это уже граничило с самоуправством. Не замечая колебаний Страйка, Грегори устоялся в окно на близняшек, которые уже неслись к дому, дрожа от холода.

– Они развиваются, – сказал он, когда входная дверь с грохотом захлопнулась и девочки затопали вверх.

Отвернувшись от окна, Грегори сообразил, что в комнате сесть некуда.

– Э-э... да... извините, – проговорил он, но без того смущения, какое охватило бы Джоан, оказавшись в ее неприбранной гостиной посторонний человек. – Утром девочки здесь играли.

Чтобы Страйк мог сесть в кресло, Тэлбот спешно убрал с сиденья подтекающий пистолет для стрельбы мыльными пузырями, двух голых кукол Барби, детский носок, несколько ярких кусочков пластмассы и недоеденный мандарин. Он побросал эти разрозненные предметы на деревянный кофейный столик, где уже громоздились журналы, телевизионные пульты, какие-то письма и пустые конверты, маленькие пластмассовые детали конструкторов, главным образом лего.

– Чай? – предложил он. – Кофе? Жена повезла мальчиков на плаванье.

– О, у вас еще и мальчики есть?

– Потому мы и затеяли ремонт мансарды, – сказал Грегори. – Даррен живет у нас без малого пять лет.

Пока Грегори занимался чаем и кофе, Страйк поднял с пола альбом официальных стикеров Лиги чемпионов текущего года и начал листать страницы с чувством ностальгии по тем дням, когда сам коллекционировал футбольные стикеры. В ожидании он лениво размышлял о

шансах «Арсенала» на выигрыш кубка, и вдруг прямо у него над головой раздалась серия ударов, отчего стала раскачиваться люстра. Страйк посмотрел на потолок: грохот был такой, как будто близняшки прыгали с кровати на пол. Положив на столик альбом, Страйк безуспешно гадал, что же двигало супругами Тэлбот, когда они брали к себе в дом четверых детей, не состоящих с ними в родстве. К тому времени, когда появился Грегори с подносом, мысли Страйка перешли к Шарлотте, которая во время беременности заявляла, что напрочь лишена материнских инстинктов, а потом оставила своих недоношенных младенцев на попечение свекрови.

– Вас не затруднит?... – обратился к нему Грегори, указывая глазами на захламленный кофейный столик.

Страйк поспешно переложил разрозненные предметы на диван.

– Благодарю. – Грегори опустил поднос на столик и освободил от горки предметов второе кресло, отчего образовавшаяся на диване кипа выросла вдвое.

Он взял свою кружку, сел в кресло и сказал: «Угощайтесь», обедая рукой липкую сахарницу и нераспечатанную пачку печенья.

– Большое спасибо, – отозвался Страйк, размешивая сахар в чашке с чаем.

– Итак. – На лице Грегори отразилось легкое нетерпение. – Вы пытаетесь доказать, что Марго Бамборо убил Деннис Крид.

– Вернее, – сказал Страйк, – я пытаюсь выяснить, что с ней случилось, и одна из версий, очевидно, приведет нас к Криду.

– Вы видели газеты за прошлые выходные? Один из рисунков Крида ушел с молотка более чем за тысячу фунтов.

– Как-то упустил, – ответил Страйк.

– Да-да, я читал в «Обсервер». Карандашный автопортрет, выполненный в тюрьме Белмарш. Есть особый сайт, который специализируется на торговле произведениями искусства серийных убийц. Мир сошел с ума.

– Это так, – согласился Страйк. – Но, как я сказал по телефону, мне на самом деле необходимо переговорить с вами о вашем отце.

– Хорошо, – сказал Грегори, на глазах утрачивая живость. – Я... э-э... не знаю, что вам известно.

– Что он досрочно вышел на пенсию после нервного срыва.

– Ну, в принципе, да, если вкратце, – согласился Грегори. – Виной всему была его щитовидка. Гипертиреоз, долго не могли поставить диагноз. Потеря веса, нарушение сна... Знаете, на него страшно давили. В обществе зрело недовольство. Сами понимаете... исчезновение женщины-врача... Некоторые странности в его поведении мама приписывала стрессу.

– Какого рода странности?

– Например, он переселился в гостевую комнату и никого туда не впускал, – сказал Грегори и, не дожидаясь вопроса о дальнейших подробностях, продолжил: – Когда ему поставили правильный диагноз и назначили оптимальный курс лечения, его состояние стабилизировалось, но возможности продвижения по службе были упущены. Пенсии его не лишили, но он много лет мучился угрызениями совести из-за дела Бамборо. Понимаете, винил только себя, думал, что непременно поймал бы злодея, если бы не болезнь. Ведь на Марго Бамборо кровавые преступления Крида не закончились – полагаю, это вам известно? Следующей жертвой стала Андреа Хутон. Когда после его задержания полицейские вошли к нему в дом и увидели, что творится в подвале... орудия пыток, фотографии женщин, сделанные им самим... он признался, что держал некоторых пленниц по несколько месяцев, прежде чем убить. Отец, узнав об этом, пришел в отчаяние. Он раз за разом мысленно возвращался к тем событиям и считал, что мог спасти Бамборо и Хутон. Бичевал себя за то, что заикливался... – Грегори оборвал себя на полуслове. – Отвлекался от главного, понимаете?

– Значит, ваш отец даже после выздоровления считал, что Марго похитил Крид?

– Да, определенно. – Грегори, казалось, немного удивился, что в этом могут быть сомнения. – Все другие версии полиция исключила, правда же? И бывшего любовника, и этого неуловимого пациента, который был к ней неравнодушен, – с них сняли все подозрения.

Вместо того чтобы высказаться откровенно – мол, из-за несвоевременной болезни Тэлбота были упущены драгоценные месяцы, когда любой подозреваемый, в том числе и Крид, мог избавиться от тела, уничтожить улики, организовать себе алиби, а то и совершить все три этих действия, – Страйк достал из кармана лист бумаги, на котором Тэлбот-старший оставил питмановскую скоропись, и протянул Грегори:

– Хотел спросить: вы узнаете почерк вашего отца?

– Откуда это у вас? – Грегори осторожно взял ксерокопию.

– Из полицейского досье. Здесь сказано: «И это последний из них, двенадцатый, и круг замкнется, когда найдут десятого... дальше незнакомое слово... Бафомет. Перенести в истинную книгу», – отчеканил Страйк. – Хотелось бы узнать: вы видите в этом смысл?

Тут сверху раздался оглушительный грохот. С торопливым «Прошу меня извинить» Грегори положил ксерокопию поверх чайного подноса и выбежал из комнаты. Страйк услышал его шаги по лестнице, потом суровую выволочку. Оказывается, одна из близняшек опрокинула комод. Тонкие голоса в унисон извинялись и сыпали встречными обвинениями.

Сквозь тюлевые занавески Страйк увидел, что возле дома паркуется старенький «вольво». Из машины вышли пухлая немолодая брюнетка в синем плаще и двое подростков лет четырнадцати или пятнадцати. Женщина открыла багажник, достала две спортивные сумки и несколько пакетов с продуктами из супермаркета «Алди». Ей пришлось просить помощи мальчишек, которые уже бочком устремились к дому.

Грегори вернулся в гостиную одновременно с тем, как его жена вошла в прихожую. Один из подростков оттер Грегори в сторону и стал с изумлением разглядывать гостя, как диковинного зверя, сбежавшего из зоопарка.

– Привет, – сказал Страйк.

В обалдении повернувшись к Грегори, мальчик спросил:

– Это еще кто?

Рядом с ним возник второй подросток, который уставился на Страйка с той же смесью удивления и подозрительности.

– Это мистер Страйк, – ответил Грегори.

Его жена вклинилась между мальчиками, обняла их за плечи и вывела из комнаты, на ходу улыбаясь Страйку.

Грегори затворил за ними дверь и вернулся к своему креслу. Можно было подумать, он уже забыл, о чем беседовали они со Страйком, но потом его взгляд упал на ксерокопию листка, сплошь исписанного отцовским почерком, усыпанного пентаграммами, с загадочными строчками питмановской скорописи внизу.

– А знаете, как отец выучил питмановскую скоропись? – поинтересовался он с напускным оживлением. – Моя мать в колледже изучала делопроизводство, и он решил не отставать, чтобы ее контролировать. Он был хорошим мужем... и хорошим отцом, – добавил он с некоторым вызовом.

– Похоже на то, – ответил Страйк.

Наступила очередная пауза.

– Слушайте, – начал Грегори, – в то время подробности... отцовского заболевания не разглашались. Он был хорошим копом – не его вина, что он заболел. А моя мать до сих пор жива. Но ее убьет, если сейчас всплывут все детали.

– Я могу понять...

– Отнюдь не уверен, что вы можете понять, – возразил Грегори, заливаясь краской. Он производил впечатление человека мягкого и воспитанного; вероятно, эта безапелляционная

фраза потребовала от него определенных усилий. – Родные некоторых жертв Крида, после... на отца обрушилась лавина злобы. Его обвиняли в том, что он не поймал Крида, что загубил все расследование. Нам домой приходили письма, в которых отца называли позором нации. В конце концов мама с папой переехали... Из нашего с вами телефонного разговора я заключил, что вы интересуетесь версиями моего отца, а не... вот этой ерундой. – Он указал на листок с пентаграммами.

– Я очень интересуюсь версиями вашего отца, – сказал Страйк и, решив, что сейчас не грех покривить душой или хотя бы немного перегруппировать факты, добавил: – Большая часть записей вашего отца в материалах дела свидетельствует о его здравомыслии. Он задавал совершенно правильные вопросы, он заметил...

– Мчавшийся на большой скорости фургон, – быстро подхватил Грегори.

– Совершенно верно, – сказал Страйк.

– Зафиксировал дождливый вечер, как в случаях похищения Веры Кенни и Гейл Райтмен.

– Совершенно верно. – Страйк покивал.

– Драку двух женщин, – продолжал Грегори. – Эту последнюю пациентку – женщину, похожую на мужчину. Признайте, что совокупность всех этих...

– Вот и я о том же, – сказал Страйк. – Пусть его подводило здоровье, но у него были нюх на улики. Остается выяснить одно: несет ли эта скоропись какой-нибудь смысл, который я обязан знать.

Грегори слегка помрачнел.

– Нет, – сказал он, – никакого смысла она не несет. Это в нем заговорила болезнь.

– Понимаете, – с расстановкой заговорил Страйк, – ваш отец был не единственным, кто усмотрел в Криде сатанинское начало. Заглавие лучшей его биографии...

– «Демон Райского парка».

– Совершенно верно. У Крида много общего с Бафометом, – сказал Страйк.

В наступившей паузе они слышали, как близняшки топчут вниз по лестнице и в голос допытываются у приемной матери, купила ли та шоколадный мусс.

– Слушайте... я буду вам очень признателен, если вы докажете, что похищение организовал Крид, – выговорил наконец Грегори. – Подтвердите, что мой отец был прав от начала до конца. А что Крид оказался изворотливой, так в этом нет ничего позорного. Он ведь и Лоусона обвел вокруг пальца, он перехитрил всех. Я же знаю, что у Крида в подвале не оказалось никаких следов Марго Бамборо, но ведь он не рассказал и о том, куда дел одежду и украшения Андреа Хутон. Под конец он стал разнообразить способы избавления от тел. Хутон – сбросил со скалы, но ему не повезло... не повезло в том, что нашли ее очень быстро.

– И снова все верно, – сказал Страйк.

Пока Страйк пил чай, Грегори рассеянно грыз ноготь. Примерно через минуту детектив решил, что можно вновь надавить.

– Теперь насчет истинной книги... – По виду Грегори стало ясно, что Страйк попал точно в цель. – Я пытаюсь выяснить, вел ли ваш отец какие-либо записи, помимо официальных протоколов... и если так, – добавил Страйк, не дождавшись ответа, – сохранились ли они по сей день.

Грегори вновь остановил свой блуждающий взгляд на Страйке.

– Что ж, хорошо, – сказал он. – Отец считал, что ищет некую сверхъестественную силу. Мы узнали об этом ближе к концу, когда он уже сам понимал, насколько тяжело болен. Каждую ночь он рассыпал соль под дверью нашей спальни – отпугивал Бафомета. В спальне для гостей соорудил себе, как считала мама, подобие домашнего кабинета, но всегда запирали дверь. В ту ночь, когда его увезли, – с несчастным видом рассказывал Грегори, – отец выскочил оттуда... э-э... с криком. Всех нас перебудил. Мы с братом выбежали на лестничную площадку. Папа оста-

вил дверь настежь, и мы увидели, что в комнате горят свечи, а все стены разрисованы пентаграммами. Ковер он снял, начертил на полу магический круг для какого-то ритуала и заявил... ну... подумал, что вызвал какое-то демоническое создание... Мама позвонила девять-девять-девять, приехала «скорая», и... остальное вам известно.

– Наверное, для всей семьи это стало потрясением, – сказал Страйк.

– Да, конечно. Пока папа находился в лечебнице, мама сделала ремонт в той комнате, вынесла его карты Таро и всю оккультную литературу, закрасила пентаграммы и магический круг. Она переживала больше всех, так как до папиного нервного срыва они были образцовыми прихожанами.

– Понятно, что он был очень болен, – сказал Страйк, – и не по своей вине, но все равно оставался сыщиком и сохранял интуицию. Это видно из официальных документов. Если где-то существует еще один комплект записей, особенно таких, которые отличаются от официального досье, то это важный документ.

Грегори в напряжении грыз ноготь. В конце концов он, казалось, принял решение.

– После нашего телефонного разговора я все время думал, что надо бы отдать вам вот это.

Он подошел к набитому книжному шкафу в углу и достал сверху большую старомодную, обмотанную шнуром общую тетрадь или книгу для записей в синей кожаной обложке.

– Это единственная вещь, которая не была выброшена, – опустив глаза на синий переплет, сказал Грегори, – потому что отец в нее вцепился и не выпускал из рук, когда приехала «скорая». Твердил, что обязан зафиксировать, как выглядел... э-э... дух, та сущность, которую он вызвал к жизни... и тетрадь уехала с ним в лечебницу. Там ему разрешили нарисовать демона, и это помогло врачам разобраться, что происходило у него в голове, поскольку на первых порах он отказывался с ними разговаривать. Об этом я узнал много позже: нас с братом ограждали от известий о его состоянии. После выздоровления отец сохранил эту тетрадь со всеми записями – говорил, они, как ничто другое, напоминают ему, когда надо принимать лекарство. Но я хотел встретиться с вами лично, а уж потом принять окончательное решение.

Борясь с желанием протянуть на прощанье руку, Страйк пытался, насколько позволяли ему вечно насупленные черты, хранить сочувственное выражение лица. Робин куда лучше умела выражать теплоту и сопереживание – он убеждался в этом не раз, видя, как она работает с упрямыми свидетелями.

– Поймите, – сказал Грегори, прижимая к себе кожаный переплет и явно вознамерившись донести свои слова до сознания гостя, – у отца было полное психическое истощение.

– Конечно, я понимаю, – сказал Страйк. – Кому еще вы показывали эти записи?

– Никому, – ответил Грегори. – Последние десять лет тетрадь пролежала у нас на чердаке. Там стояла пара привезенных из старого дома коробок с родительскими вещами. Любопытно, что вы появились как раз в тот момент, когда мы стали расчищать мансарду... уж не отец ли это подстроил? Быть может, он дает мне разрешение передать свои записи в другие руки?

Страйк издал двусмысленный звук, призванный подтвердить, что решение Тэлботов сделать ремонт в мансарде подсказано покойным отцом Грегори, а не потребностями еще двух приемных детей.

– Держите! – резко сказал Грегори, протягивая тетрадь Страйку.

Тому показалось, что хозяин дома испытал облегчение, избавившись от старой тетради.

– Ценю ваше доверие. Если в связи с этими данными мне понадобится ваша помощь, вы позволите еще раз вас побеспокоить?

– Да, разумеется, – ответил Грегори. – Мой электронный адрес у вас есть... Дополнительно запишу вам номер мобильного.

Не прошло и пяти минут, как Страйк, уже готовый ехать в агентство, стоял в прихожей и прощался за руку с миссис Тэлбот.

– Чудесно, что мы с вами познакомились, – сказала она. – Я рада, что эти записи перешли к вам. Кто знает, когда они смогут понадобиться?

И Страйк с тетрадью в руке подтвердил, что никто этого не знает.

18

*Ее забот назойливое бремя
Прекрасной Бритомарт не обмануло ум,
И скорби облако развеялось...*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Робин, которая в последнее время отдавала почти все выходные делам агентства, по настоянию Страйка взяла отгулы на вторник и среду. Старший партнер безоговорочно отклонил ее предложение приехать в офис, ознакомиться с записками Грегори Тэлбота и разобрать последнюю коробку – до этого пока не доходили руки – с папками полицейского досье. Страйк понимал, что в этом году Робин не успеет израсходовать все свои сверхурочные, но решил предоставить ей максимально возможное количество выходных.

Но если Страйк думал, что выходные доставляют ей большое удовольствие, он сильно заблуждался. Во вторник она занималась бытовыми делами – стиркой, закупкой продуктов, а в среду отправилась на дважды отложенную встречу со своим адвокатом.

Когда она сообщила родителям, что разводится с Мэтью, не прожив с ним и полутора лет, мать с отцом порекомендовали ей специалиста по бракоразводным делам из Хэрроугейта, давнего друга их семьи.

– Я живу в Лондоне. Зачем мне обращаться в йоркширскую адвокатскую фирму?

Робин выбрала адвокатессу лет под пятьдесят по имени Джудит. Та сразу расположила ее к себе мрачноватым чувством юмора, ежиком седых волос и толстыми очками в черной оправе. Но за год, истекший с момента знакомства, у Робин поубавилось теплоты. Трудно было сохранять добрые чувства к человеку, который только и делает, что передает бескомпромиссные, агрессивные заявления от адвоката противоположной стороны. Тянулся месяц за месяцем, и Робин стала замечать, что Джудит порой забывает или искажает существенные для бракоразводного процесса сведения. Сама Робин всегда старалась показать каждому из своих клиентов, что его заботы стоят для нее на первом месте, а потому невольно задавалась вопросом: будь у нее потолще кошелек, не пересмотрела бы Джудит свое отношение к делу?

Как и родители Робин, Джудит поначалу решила, что этот процесс будет недолгим и безболезненным – две подписи да обмен рукопожатиями. Супруги состояли в браке чуть более года, детей у них не было, не завели ни собаку, ни кошку – о чем тут спорить? Родители Робин, знавшие Мэтью еще ребенком, опрометчиво решили, что он, стыдясь своей измены, захочет компенсировать причиненный их дочери моральный вред разумными и щедрыми условиями развода. Но теперь у матери выросла такая ярость к бывшему зятю, что Робин уже побаивалась звонить домой.

Адвокатское бюро «Стерлинг и Коббс» находилось на Норт-Энд-роуд, в двадцати минутах от съемного жилища Робин. Поплотнее запахнув теплое пальто и взяв зонтик, Робин решила этим утром пройтись пешком – просто для разминки: в последнее время она преимущественно сидела в машине у дома синоптика и караулила Открыточника. В последний раз она ходила пешком, причем целый час, по Национальной портретной галерее – и совершенно без толку, если не считать крошечного инцидента, который Робин сбросила со счетов, поскольку Страйк учил ее не полагаться на интуитивные догадки, которые романтизирует далекая от следственной работы публика; он говорил, что такие домыслы обычно рождаются из личных пристрастий или самообмана.

Измотанная, поникшая, не ожидая от разговора с Джудит никаких чудес, Робин шла мимо букмекерской конторы и услышала телефонный звонок. Извлечь из кармана мобильный

оказалось сложнее обычного, потому что она была в перчатках; пришлось повозиться, и при ответе у нее в голосе уже звучали панические нотки, тем более что звонок был с незнакомого номера.

– Алло? Робин Эллакотт слушает.

– Да, здравствуйте. Это Иден Ричардс.

Робин не могла сообразить, кто такая Иден Ричардс. Видимо, уловив ее затруднение, женщина на другом конце уточнила:

– Дочь Вильмы Бейлисс. Мне, моим братьям и сестрам от вас пришли сообщения. Вы хотели поговорить насчет Марго Бамборо.

– Ох, ну конечно же, спасибо, что перезвонили!

Попытившись к входу в букмекерскую контору, Робин заткнула пальцем свободное ухо, чтобы заглушить грохот уличного транспорта. Иден – теперь она вспомнила – была старшей из детей Вильмы и членом лейбористской фракции лондонского муниципального совета от округа Льюишем.

– Не за что, – сказала Иден Ричардс, – мы, к сожалению, общаться с вами не хотим. И я это заявляю от имени нас всех, понятно?

– Очень жаль, – ответила Робин, рассеянно наблюдая, как проходивший мимо доберман-пинчер присел на тротуаре и наложил кучу под хмурым взглядом хозяина с полиэтиленовым пакетом наготове. – А можно спросить, почему так?

– Не хотим – и точка, – отрезала Иден. – Понятно?

– Да, я усвоила, – сказала Робин, – но для ясности: мы занимаемся лишь проверкой утверждений, сделанных в то время, когда Марго...

– Мы не вправе говорить за нашу мать, – перебила Иден. – Ее уже нет в живых. Сочувствуем дочери Марго, но не хотим ворошить прошлое... и прежде всего не хотим... никто в нашей семье не хочет... пережить это заново. Когда она пропала, мы еще были мал мала меньше. Жилось нам тяжело. Так что ответ наш – нет, понятно?

– Вполне, – сказала Робин, – но надеюсь, вы передумаете. Мы же не лезем в личн...

– Вот именно что лезете, – бросила Иден. – Да, лезете. А мы этого не хотим, понятно? Вы – не полиция. И между прочим: самая младшая наша сестра проходит курс химиотерапии, так что сделайте одолжение, оставьте ее в покое. Ей волноваться нельзя. Все, мне пора. Ответ – нет, понятно? И больше, пожалуйста, никого из нас не беспокойте.

Разговор прервался.

– Дерьмо! – вырвалось у Робин.

Хозяин доберман-пинчера, соскребавший с тротуара весомую кучу именно этой субстанции, сказал:

– Как я вас понимаю.

Робин выдавила улыбку, сунула мобильный в карман и пошла дальше. Вскоре, еще не разобравшись, верный ли тон был выбран ею в разговоре с Иден, она толкнула стеклянную дверь с надписью: «Стерлинг и Коббс, адвокаты».

– Так, – сказала через пять минут Джудит, как только Робин устроилась напротив нее в крошечном офисе, загроможденном конторскими шкафами.

За этим односложным началом последовала пауза: Джудит на глазах у Робин листала документы в лежащей на столе папке – явно для того, чтобы освежить в памяти обстоятельства этого бракоразводного процесса. Робин предпочла бы провести лишние пять минут в приемной, чем видеть это небрежное и торопливое обращение с фактами, причинившими ей стресс и боль.

– Мм... – протянула Джудит, – да... сейчас проверим... вот, ответ на наш запрос получен четырнадцатого числа, как я и указала в электронном сообщении, где доводила до вашего сведения, что мистер Канлифф не готов изменить свою позицию в отношении совместного счета.

– Да, – сказала Робин.

– Поэтому я сочла, что настало время обратиться к медиации, – сказала Джудит Коббс.

– А я ответила, – Робин сильно сомневалась, что Джудит читала ее ответ, – что вряд ли медиация поможет.

– Именно по этому вопросу я и хотела переговорить с вами с глазу на глаз, – заулыбалась Джудит. – Наша практика показывает, что в тех случаях, когда стороны вынуждены сидеть в одном помещении, отвечая каждая за себя, особенно в присутствии незаинтересованных свидетелей – естественно, с вами буду я, – они становятся куда сговорчивей, чем в переписке.

– В прошлый раз вы сами согласились с тем, – начала Робин (в ушах у нее стучала кровь: во время таких встреч у нее все чаще возникало ощущение, что ее не слышат), – что Мэтью, судя по всему, старается протащить дело в суд. На самом деле совместный банковский счет его нисколько не интересует. Его платежеспособность в десять раз превышает мою. Ему нужно только одно: растоптать меня. Ему нужно, чтобы судья признал у меня корыстные мотивы при заключении брака. Доказав, что в разводе виновна я одна, Мэтью будет считать, что выгодно вложил свои средства.

– Приписывать самые низменные мотивы бывшему супругу, – все еще улыбаясь, сказала Джудит, – это проще простого, но он же явно умен...

– Умные люди бывают очень злобными.

– Верно, – сказала Джудит, все еще делая вид, будто во всем потакает Робин, – но отказ от всякой попытки медиации – ошибочный ход для вас обоих. Ни один судья не проявит снисходительности к той стороне, которая не желает хотя бы попытаться решить все вопросы во внесудебном порядке.

Истина, как знали, видимо, они обе – и Джудит, и Робин, – заключалась в том, что Робин ужасалась от мысли о нахождении в одном помещении, лицом к лицу, с Мэтью и его адвокатом, составившим все эти ледяные, угрожающие письма.

– Я же говорила ему, что не претендую на наследство, полученное им от матери, – сказала Робин. – А из совместного счета хочу вернуть себе только ту сумму, которую вложили мои родители в нашу с ним первую недвижимость.

– Ну да, – со скучающим видом сказала Джудит: Робин повторяла одни и те же слова при каждой их встрече. – Но, как вам известно, его позиция...

– ...сводится к тому, что я не вносила практически ничего в нашу семейную копилку, а потому он имеет право на все сбережения, тем более что он женился по любви, а я – из корыстных соображений.

– И это определенно вас огорчает, – сказала Джудит, перестав улыбаться.

– Мы были неразлучны десять лет. – Робин безуспешно пыталась сохранять спокойствие. – Пока он учился, я работала и полностью его содержала. По-вашему, я должна была сохранять все чеки?

– Мы, конечно, поднимем этот вопрос в ходе досудебного урегулирования...

– От этого он только взбесится, – сказала Робин. Она подняла к лицу ладонь, чтобы спрятаться. У нее внезапно и опасно увлажнились глаза. – Ладно, хорошо. Попробуем досудебное урегулирование.

– Думаю, это самое разумное решение. – Джудит Коббс вновь заулыбалась. – В таком случае я свяжусь с фирмой «Брофи, Шенстон и...

– Надеюсь, у меня хотя бы появится возможность сказать Мэтью, что он полное дерьмо. – Робин захлестнула внезапная волна гнева.

Джудит усмехнулась:

– О, я бы не советовала.

«Да неужели?» – подумала Робин, натягивая очередную фальшивую улыбку, и встала, чтобы распрощаться.

Когда она вышла из адвокатской конторы, дул сильный ветер, колючий и сырой. Робин брела обратно в сторону Финборо-роуд, но вскоре у нее задубели щеки, волосы исхлестали глаза, и она завернула в небольшое кафе, где вопреки своим правилам здорового питания заказала большую чашку латте и шоколадный кекс. Сидя у окна и глядя на умытую дождем улицу, Робин утешала себя кексом и кофе, но тут у нее опять зазвонил мобильный.

Это был Страйк.

– Привет, – сказала она с набитым ртом. – Извини. Зашла перекусить.

– Завидую, – ответил он. – А я снова завис у этого клятого театра. Наверно, Барклай прав: на Балеруна мы ничего не нароем. Зато есть новости по Бамборо.

– И у меня, – сообщила Робин, сумев проглотить откушенную часть кекса, – но плохие. Дочери Вильмы Бейлисс не желают с нами общаться.

– Отпрыски уборщицы? Это почему же?

– Вильма не всю жизнь была уборщицей, – напомнила ему Робин. – Она доросла до социального работника.

Как только эти слова слетели с языка, Робин подумала: почему она ни с того ни с сего взялась его поправлять? Наверное, только потому, что к Вильме Бейлисс приросло клеймо уборщицы, а к Робин точно так же может прирасти клеймо «секретарша».

– Ну, допустим. Так почему же отпрыски *социальной работницы* гнушаются с нами разговаривать? – спросил Страйк.

– Та, которая мне звонила, Иден, самая старшая, сказала, что им не хочется ворошить тяжелые для их семьи времена. Она подчеркнула, что к Марго это не имеет ни малейшего отношения, но тут же стала себе противоречить: стоило мне сказать, что мы хотим побеседовать о Марго... точно процитировать не берусь, но было такое чувство, будто любой разговор об исчезновении Марго заденет их глубоко личные струны.

– А что, в начале семидесятых их отец сидел в тюрьме, – сказал Страйк, – и Марго убеждала Вильму его бросить. Наверное, дело в этом. Как думаешь: может, перезвонить ей? Как-то убедить?

– Мне кажется, она не уступит.

– И она якобы посоветовалась с братьями и сестрами?

– Да. Одна сестра сейчас проходит курс химиотерапии. Мне строго-настрого было сказано ее не тревожить.

– Хорошо, не будем, но кто-нибудь другой, может, и разговорится.

– У Иден это вызовет досаду.

– Да, скорее всего, но от нас ведь не убудет, верно?

– Надеюсь. А у тебя какие новости?

– Процедура сестра и регистраторша – не Глория Кон... а другая...

– Айрин Булл, – подсказала Робин.

– Точно: Айрин Булл, ныне Хиксон... И Дженис, и Айрин только рады с нами побеседовать. Оказывается, они дружат со времен работы в амбулатории «Сент-Джонс». И в субботу, во второй половине дня, Айрин радушно приглашает нас к себе в гости. Я считаю, мы с тобой должны пойти вместе.

Робин поставила мобильный на громкую связь, чтобы проверить список дел, который сама наговорила на телефон. В субботу намечались «день рождения Страйка» и «подруга П.».

– Мне в субботу надо пасти девушку Повторного, – сказала Робин, отключив громкую связь.

– Забей – пусть Моррис поработает, – решил Страйк. – А ты сможешь нас с тобой отвезти... если не возражаешь, – добавил он, чем вызвал у Робин улыбку.

– Я не возражаю, – ответила она.

– Отлично, – сказал Страйк. – Хорошего выходного. – И повесил трубку.

Робин не спеша доела шоколадный кекс, смакуя каждый кусочек. Несмотря на предстоящую процедуру медиации с Мэтью и, не в последнюю очередь, благодаря вождленному лакомству она заметно приободрилась.

19

*Я друга своего нашел в тоске,
В сомнениях и в горести безмерной
И, руку слабую держа в своей руке,
Остался рядом, нашей дружбе верный.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Страйк никогда и никому не напоминал о приближении своего дня рождения и помалкивал, когда наступала конкретная дата. Нельзя сказать, чтобы он не ценил, когда окружающие вспоминали сами; наоборот, его трогало такое внимание, просто он не любил этого показывать и терпеть не мог запланированные торжества, натужное веселье и стандартные ритуалы, вроде хорового пения «С днем рожденья тебя».

Сколько он себя помнил, день рождения приносил ему только неприятности, которые он старался поскорее выбросить из головы, и, как правило, небезуспешно. В детстве мать часто забывала купить для него хоть какой-нибудь подарок. Биологический отец вообще не вспоминал это событие. Для Страйка день рождения был неотделим от мыслей о том, что его появление на свет оказалось случайностью, что его генетическое наследование оспаривалось через суд и что рождение как таковое – «срань мерзотная, солнышко: если мужиков заставить рожать, человечество за год вымрет».

А для его сестры Люси оставить кого-нибудь из близких без внимания в такой день было сродни жестокости: если представлялась возможность, она непременно устраивала домашний праздник или хотя бы готовила угощение, присылала подарок, открытку или звонила по телефону. Поэтому Страйк обычно кривил душой: делал вид, что у него этот вечер занят, лишь бы только не ехать к ней в Бромли и не участвовать в семейном застолье, которое доставляло Люси куда больше радости, чем ему самому. В последние годы он скрывался в этот день у Ника с Илсой и вполне удовлетворялся доставкой готовых блюд, но нынче Илса, которая уже в открытую занималась сватовством, чуть ли не за месяц потребовала, чтобы он привел с собой Робин, и противопоставить этому можно было только решительный отказ от совместного празднования, вот Страйк и решил сказать, что отмечать будет у Люси. У него оставалась одна-единственная, и то безрадостная надежда: может, Робин забудет, что ему исполняется тридцать девять, и тогда его упущение сгладится – они будут квиты.

Каково же было его удивление, когда утром в пятницу, спустившись по металлической лестнице в офис, он увидел два пакета и четыре конверта, лежащие на столе у Пат в стороне от стопки обычной корреспонденции. Все конверты были разных цветов. Очевидно, друзья и родные решили поздравить его заранее – перед выходными.

– У вас день рождения, что ли? – спросила Пат низким, трескучим голосом, не отрываясь от клавиатуры и не выпуская изо рта электронную сигарету.

– Завтра, – ответил Страйк, забирая конверты. Трех отправителей он узнал по почерку, четвертого – нет.

– Поздравляю, – буркнула Пат под стук клавиш. – Могли бы предупредить.

Какой-то проказливый бес дернул его за язык:

– Зачем? Чтобы вы мне торт испекли?

– Вот еще, – равнодушно бросила Пат. – Но открытку, может, и написала бы.

– Удачно, что не предупредил. Спас одно дерево.

– Да я бы махонькую написала, – без улыбки ответила Пат; ее пальцы так и порхали над клавиатурой.

Ухмыльнувшись, Страйк убрался к себе в кабинет с бандеролями и конвертами, а вечером унес их нераспечатанными к себе в квартиру.

Наутро двадцать третьего числа он проснулся с мыслями об их с Робин предстоящей поездке в Гринвич и только при виде конвертов и бандеролей сообразил, какой сегодня день. Тед и Джоан прислали ему свитер, Люси – толстовку, Илса, Дейв Полворт и единокровный брат Ал выбрали шуточные поздравительные открытки, в которых он, вообще говоря, не увидел юмора, но все это, вместе взятое, слегка подняло ему настроение.

Он вытряхнул из конверта четвертую открытку. На лицевой стороне была изображена ищейка, и Страйк не сразу понял, чем обусловлен такой выбор. Собак он отродясь не держал, и, хотя в силу своего армейского опыта ставил собак несколько выше кошек, его никак нельзя было считать заядлым кинологом. Раскрыв поздравление, он прочел:

С днем рождения, Корморан, всего тебе.

Джонни (папа)

Несколько мгновений Страйк тупо смотрел на эти слова, и сознание его было пустым, как бо́льшая часть поля открытки. В последний раз он видел отцовский почерк, когда лишился ноги и, одурманенный морфином, лежал в госпитале. А в детстве узнавал разве что подпись отца под юридическими документами, которые получала мать. Сейчас он оторопело уставился на имя, как будто перед ним была частичка отца, плоть и кровь, надежное доказательство того, что отец – не миф, а человек.

Внезапно его охватила невероятной силы злость – злость мальчишки, который готов продать душу, лишь бы только получить в день рождения открытку от папы. С возрастом в нем перегорела всякая охота встречаться с Джонни Рокби, но он до сих пор не мог забыть детскую боль, которую причиняло ему постоянное и неумолимое отсутствие отца: когда, например, в подготовительном классе все ученики рисовали открытки ко Дню отца, или когда посторонние допытывались, почему он никогда не видел Рокби, или когда его дразнили одноклассники, дурашливо распевая песни *Deadbeats* или говоря, что его мать нарочно забеременела от Рокби, чтобы только прикарманить его денежки. Он помнил свои мечтания, становившиеся острыми до боли в преддверии дня рождения или Рождества: о каком-нибудь подарке, о телефонном звонке – о любом знаке, который показал бы, что отец знает о его существовании. Страйк ненавидел эти фантазии даже сильнее, чем боль от их несбыточности, но самой лютой ненавистью ненавидел обманные надежды, которыми утешал себя в раннем детстве: папа, наверное, не знает, что его семья опять переехала, а потому ошибся адресом, когда отправлял подарок; папа хочет с ним познакомиться, но просто не может его разыскать.

Где был Рокби, когда его сын представлял собой пустое место? Где был Рокби всякий раз, когда жизнь Леды катилась под откос и только Джоан с Тедом мчались на выручку? Где он был в тысяче случаев, когда его присутствие могло означать нечто настоящее, подлинное, а не тщеславное желание показать себя в выгодном свете перед прессой?

Рокби до сих пор ничего не знал о своем сыне, разве что тот стал детективом – вот откуда эта шелудивая ищейка. *Будь ты проклят вместе со своей малявой.* Страйк разорвал поздравление на две части, потом на четыре – и отправил в мусорное ведро. Если бы не пожарная сигнализация, он тут же чиркнул бы спичкой.

Все утро злость пульсировала в нем, как ток. И эта злость была ему ненавистна: она доказывала, что Рокби до сих пор имеет власть над его чувствами. Когда пришло время ехать к Эрлз-Корт, откуда его забирала Робин, ему уже хотелось, чтобы дней рождения не существовало вовсе.

Сорок пять минут спустя, сидя в «лендровере», припаркованном у выхода из подземки, Робин заметила, как на тротуаре появился Страйк с синей тетрадькой под мышкой; таким угрюмым она его еще не видела.

– С днем рождения, – сказала она, как только он открыл дверцу. Страйк тут же заметил на торпеде открытку и небольшой сверток. «Зараза».

– Спасибо. – Еще больше помрачнев, он уселся рядом с ней.

Вырулив на проезжую часть, Робин спросила:

– Что тебя так огорчило: цифра тридцать девять или еще какая-нибудь неприятность?

Не желая упоминать Рокби, Страйк решил сделать над собой усилие.

– Нет, просто не выспался. Вчера поздно лег – разбираю последнюю коробку с досье Бамборо.

– Я собиралась заняться этим во вторник, но ты меня опередил!

– Тебе были положены отгулы, – коротко ответил Страйк, вскрывая конверт с ее открыткой. – Которые до сих пор не использованы.

– Я сама знаю, но лучше заниматься интересным делом, чем стоять у гладильной доски.

Страйк опустил взгляд на ее открытку и увидел репродукцию акварели с видом Сент-Моза. Наверное, подумалось ему, такую в Лондоне не сразу найдешь.

– Красиво, – сказал он. – Спасибо.

Раскрыв поздравление, он прочел:

Счастливого дня рождения, с любовью, Робин х.

Никогда еще она не ставила на своих записках крестик-поцелуй; ему понравилось. Самую малость приободрившись, он раскрыл аккуратный сверток и обнаружил в нем наушники – замену тем, что летом в Сент-Мозе сломал Люк.

– Ух ты, Робин, это же... ну спасибо. То, что надо. Я ведь так и не удосужился новые купить.

– Знаю, – сказала Робин. – Я заметила.

Возвращая поздравление в конверт, Страйк напомнил себе непременно сделать ей достойный рождественский подарок.

– Это секретная тетрадь Билла Тэлбота? – спросила Робин, покосившись на синий кожаный переплет.

– Она самая. После разговора с Айрин и Дженис покажу. Бред собачий. Какие-то дикие рисунки, символы.

– А что там в последней коробке? Что-нибудь стоящее было? – спросила Робин.

– Пожалуй, да. Кипа полицейских записей семьдесят пятого года, перетасованных с более поздними документами. Есть кое-что любопытное. Вот например: через пару месяцев после исчезновения Марго уборщица Вильма была уволена из амбулатории, но не за одну мелкую кражу и не за пьянство, как втирал мне Гупта. У людей из кошельков и карманов регулярно пропадали деньги. И еще: когда Анне исполнилось два года, им домой позвонила женщина, которая представилась как Марго.

– О боже, ужас какой! – содрогнулась Робин. – Кто-то устроил розыгрыш?

– Полиция решила именно так. Таксофонную будку зафиксировали в Марлибоне. К телефону подошла Синтия, нянюшка, она же вторая жена. Звонившая назвалась Марго и приказала Синтии хорошенько заботиться о ее дочке.

– И Синтия не усомнилась, что это Марго?

– Следователям она объяснила: мол, от растерянности в тот момент плохо соображала. Сначала подумала: да, вроде похоже, но, поразмыслив, решила, что некто подражал голосу Марго.

– Что толкает людей на такие поступки? – в искреннем недоумении спросила Робин.

– Гнилое нутро, – ответил Страйк. – В той же коробке были еще свидетельства тех, кто якобы видел Марго после ее исчезновения. Ни одно не подтвердилось, но я на всякий случай составил перечень – скину тебе на почту. Не возражаешь, если я закурю?

– Кури, – сказала Робин, и Страйк опустил оконное стекло. – Я, кстати, вчера вечером тоже тебе кое-что скинула. Сушью мелочь. Помнишь Альберта Шиммингса, владельца цветочного магазина?...

– Чей фургон вроде бы засекли, когда он мчался прочь от Кларкенуэлл-Грин? Так-так. Он оставил записку с признанием в убийстве?

– К сожалению, нет, но я поговорила с его старшим сыном, который утверждает, что в тот вечер отцовский фургон никак не мог находиться в Кларкенуэлле около половины седьмого. А находился он у дома его учителя музыки, кларнетиста, в Кэмдене, куда отец подвозил его каждую пятницу. Говорит, что так и сказал полицейским. Отец ждал его в фургоне и читал шпионские детективы.

– Хм... уроки кларнета в протоколах не фигурируют, но и Тэлбот, и Лоусон поверили Шиммингсу на слово. Не помешало бы проверить этот факт, – добавил он, чтобы Робин не подумала, будто он отмахивается от ее наработок. – А ведь это означает, что фургон все же мог принадлежать Деннису Криду, верно?

Страйк закурил «Бенсон энд Хеджес» и, выпустив дым в окно, сказал:

– Еще в этой коробке обнаружился довольно интересный материал на этих двух теток, которых мы вот-вот увидим. Дополнительные сведения, внесенные Лоусоном.

– Неужели? Я думала, что в день исчезновения Марго у Айрин была запись к стоматологу, а Дженис ходила по вызовам, разве нет?

– Угу, так было сказано в их первоначальных показаниях, – ответил Страйк, – а Тэлбот не удосужился проверить. Слова обеих принял за чистую монету.

– Наверное, не допуская, что Эссекский Мясник может оказаться женщиной?

– Вот именно.

Достав из кармана пальто блокнот, Страйк открыл его на той странице, которую заполнил во вторник.

– Согласно первоначальным показаниям, которые Айрин дала Тэлботу, перед исчезновением Марго она несколько дней мучилась от постоянной зубной боли. Ее подруга Дженис, процедурная медсестра, заподозрила у нее абсцесс, Айрин записалась на прием вне очереди – на пятнадцать часов и в четырнадцать тридцать ушла из амбулатории. В тот вечер они с Дженис хотели пойти в кино, но у Айрин после удаления зуба разнесло щеку, и когда Дженис позвонила узнать, как прошел прием и не раздумала ли Айрин идти в кино, та сказала, что лучше посидит дома.

– Мобильных тогда не было, – подумала вслух Робин. – Просто другой мир.

– Мне тоже это сразу пришло в голову, – сказал Страйк. – В наши дни подруги Айрин могли бы ожидать поминутного отчета. Селфи из зубоврачебного кресла. Тэлбот дал понять своей группе, что лично связался с дантистом для проверки этого рассказа, но в действительности этого не сделал. Вполне допускаю, что он посоветовался с хрустальным шаром.

– Ха-ха.

– Я не шучу. Ты просто не видела его записей. – Страйк перевернул страницу. – Короче, прошло полгода, и это дело поручили Лоусону, который методично перепроверил каждого свидетеля и каждого подозреваемого, упомянутого в этом досье. Айрин заново рассказала историю про зубного, но через полчаса после ухода из полиции запаниковала, вернулась и просила о повторной встрече. На этот раз она созналась во лжи. Никакой зубной боли у нее не было. И к стоматологу она не ходила. Сказала, что в амбулатории ее загружали неоплачиваемой сверхурочной работой, ей это надоело, она прикинула, что ей задолжали полдня, вот она и придумала эту внеочередную запись к дантисту, вышла из амбулатории, а сама отправилась в Вест-

Энд за покупками. Лоусону она сказала, что по возвращении домой – жила она, к слову, с родителями – ей пришло в голову, что Дженис, как медсестра, захочет взглянуть на лунку от удаленного зуба и уж всяко ожидает увидеть флюс. Поэтому она и соврала подруге, что не может идти в кино. Лоусон, судя по записям, напустился на Айрин. Неужели она не понимает, насколько это серьезно – обмануть следователя, ее впору арестовать и так далее и тому подобное. А кроме того, он указал, что теперь у нее на тот вечер нет алиби вплоть до половины седьмого, когда Дженис позвонила ей домой.

– Где жила Айрин?

– На улице под названием Корпорейшн-роу – кстати, очень близко к «Трем королям», хотя и немного в стороне от того маршрута, которым, скорее всего, пошла бы Марго из амбулатории. Короче, при упоминании алиби у Айрин случилась истерика. Она вылила ведро помоев на Марго: дескать, у той было полно недоброжелателей, назвать которых она не смогла и только отослала Лоусона к анонимным письмам, которые получала Марго. На другой день Айрин вновь явилась к Лоусону, теперь уже в сопровождении разгневанного отца, который сослужил ей плохую службу, когда выверился на Лоусона за то, что тот шьет дело его дочурке. В ходе этого третьего допроса Айрин предъявила Лоусону чек из магазина на Оксфорд-стрит, где было отпечатано время: пятнадцать десять того дня, когда пропала Марго. Оплату по чеку произвели наличными. Лоусон, думаю, не отказал себе в удовольствии ткнуть носом Айрин и ее папашу в простую истину: такой чек доказывает лишь одно – что в тот день некто сделал покупку на Оксфорд-стрит.

– И тем не менее... чек, пробитый в нужный день, в нужное время...

– Покупки могла делать ее мать. Или подруга.

– И после этого полгода хранить чек? Для чего?

Робин задумалась. Ведя наружное наблюдение, она сама методично собирала чеки, которые требовались для отчетности.

– Да, немного странно, что у нее уцелел этот чек, – согласилась она.

– Но больше Лоусон ничего не сумел из нее вытянуть. Заметь, я не утверждаю, что он всерьез ее подозревал. Сдается мне, она просто вызывала у него антипатию. Он жестко прессовал ее по поводу анонимок, которые она якобы видела своими глазами, – тех, где упоминался адский огонь. Вряд ли он повелся на эту лабуду.

– Мне казалось, вторая работница регистратуры подтвердила, что тоже видела одну такую записку, нет?

– Подтвердила. Но эти две пташки вполне могли спеться. Анонимки исчезли без следа.

– Но тогда это вопиющая ложь, – заметила Робин. – Начиная с вымышленного приема у стоматолога она, как я понимаю, стала подвирать и впоследствии побоялась в этом признаться. Но лгать об анонимных записках в свете исчезновения человека...

– Ты не забывай: Айрин болтала насчет анонимок и до исчезновения Марго. Одно к одному, да? Две регистраторши могли выдумать эти угрожающие записки, чтобы распустить злые слухи, а когда пропала Марго, им уже было не отвертеться от своего вранья. Ладно, – сказал Страйк, перелистнув еще пару страниц, – об Айрин пока хватит. Обратимся теперь к ее подружке – к процедурной сестре. Первоначально Дженис заявила, что всю вторую половину дня ездила по домам. Последней пациенткой стала пожилая женщина, сердечница, которая задержала ее дольше, чем планировалось. От нее Дженис вышла около шести и заторопилась к таксофонной будке – позвонить Айрин и узнать, не отменяется ли поход в кино. Айрин сослалась на недомогание, но Дженис уже договорилась на тот вечер с няней, поскольку мечтала посмотреть фильм с Джеймсом Кааном «Игрок», и пошла одна. Отсидела сеанс, зашла к соседке за сыном и отправилась домой. Тэлбот не потрудился это проверить, но один ретивый офицер проявил инициативу – и все совпало. Все пациенты подтвердили, что их в надлежащее время посетила Дженис. Няня подтвердила, что Дженис забрала ребенка в условлен-

ное время, На дне своей сумки Дженис раскопала надорванный билет в кино. Ничего особо подозрительного в этом не было, так как после исчезновения Марго не прошло и недели. Но, вообще говоря, надорванный билет в кино вовсе не доказывает, что она высидела до конца сеанса, точно так же как магазинный чек не доказывает, что Айрин ходила по магазинам.

Он выбросил окурок в окно.

– А где жила последняя пациентка Дженис? – спросила Робин, и Страйк понял, что она прикидывает время и расстояние.

– На Гопсолл-стрит, минутах в десяти езды от амбулатории. В принципе женщина за рулем вполне могла перехватить Марго на пути к «Трем королям», если Марго шла очень медленно, или если по дороге ее задержали, или если она ушла с работы позже, чем показала Глория. Но такое могло произойти только по воле случая: как мы знаем, наиболее вероятный маршрут Бамборо пролегал через пешеходную зону.

– Но я не понимаю, зачем договариваться с подругой пойти в кино, если на этот вечер у тебя запланировано похищение, – сказала Робин.

– Я тоже этого не понимаю, – признался Страйк. – Погоди, я еще не закончил. Лоусон принимает дело и обнаруживает, что Дженис и Тэлбота водила за нос.

– Шутишь?

– Ничуть. Оказывается, машины у нее не было. Ее древний «моррис-майнор» сдох за полтора месяца до исчезновения Марго и был продан на металлолом. С тех пор она ходила по вызовам пешком или ездила на общественном транспорте. В амбулатории она об этом помалкивала, чтобы ее не отстранили от работы. Муж от нее ушел, оставив ее с ребенком. Она копила на новую машину, но это быстро не делается, поэтому, когда возникали вопросы, она говорила, что отогнала свой «моррис-майнор» в автосервис или что на автобусе получится быстрее.

– Но если это так...

– Это так. Лоусон проверил, опросил работников участка утилизации, все как надо.

– ...то ее надо исключить из числа подозреваемых в похищении.

– Я, пожалуй, соглашусь, – сказал Страйк. – Она, конечно, могла сесть в такси, но это значит, что таксист тоже был в деле. Тут интересно другое: Тэлбот, уверенный в невиновности Дженис, допрашивал ее в общей сложности семь раз – больше, чем любого другого свидетеля или подозреваемого.

– Семь раз?

– Ага. Поначалу для этого был некий предлог. Она жила по соседству со Стивом Даутвейтом, который наблюдался у Марго по поводу острого стресса. Допросы номер два и номер три целиком замыкались на Даутвейте, с которым Дженис связывало шапочное знакомство. Даутвейт был у Тэлбота первым кандидатом на роль Эссекского Мясника, так что ход его мысли ясен – ты бы тоже в первую очередь допросила соседок, заподозрив, что злодей у себя дома убивает женщин. Но Дженис смогла рассказать о нем Тэлботу лишь то, что нам с тобой уже известно, и все же Тэлбот раз за разом вызывал ее на допрос. После третьего раза он перестал задавать вопросы о Даутвейте, и положение изменилось до невероятности. Среди прочего Тэлбот спрашивал, подвергалась ли она когда-либо гипнозу и готова ли попробовать, допытываясь, какие ей снятся сны, принуждал ее записывать их в дневник и приносить ему для прочтения, а также велел составить для него список ее недавних сексуальных партнеров.

– Что?

– В досье имеется копия письма главного инспектора, – сухо пояснил Страйк, – с адресованными Дженис извинениями за действия Тэлбота. С учетом всего сказанного нетрудно понять, почему в полиции хотели от него поскорее избавиться.

– А его сын тебе что-нибудь из этого рассказывал?

Страйк вспомнил серьезное, незлобивое лицо Грегори, его утверждение, что Билл Тэлбот был хорошим отцом, и смущение при упоминании пентаграмм.

– Мне кажется, он не в курсе. Судя по всему, Дженис не молола языком.

– Понимаешь, – медленно выговорила Робин, – у нее было медицинское образование. Быть может, она определила, что он болен? – Немного подумав, она добавила: – Видимо, это пугает, ты согласен? Когда следователь шастает к тебе домой и заставляет вести дневник снов? Окружающие, должно быть, недоумевали. Наверняка должно быть какое-нибудь вполне тривиальное объяснение... но на всякий случай не помешает задать ей этот вопрос.

Страйк взглянул на заднее сиденье, где, как он и надеялся, лежал целый мешок съестного.

– А как же? У тебя ведь сегодня день рождения, – сказала Робин, не отрываясь от дороги.

– Печенье будешь?

– Для меня рановато. А ты угощайся.

Потянувшись за пакетом, Страйк уловил запах ее прежних духов.

20

*А вызывает о ком-то слух дурной -
Не умолчит, а лишь сгущает краски
И в каждый сунется проем дверной,
Всем растрезвонит – просто для остротки.*

Эдмунд Спенсер. Королева фей

Дом Айрин Хиксон располагался в коротком, изогнутом дугой ряду одинаковых построек из желтого кирпича в георгианском стиле, с характерными арочными окнами и веерными фрамугами, венчающими каждую входную дверь черного цвета. Робин как будто вернулась на улочку с тем арендованным домом, построенным для какого-то корабельщика, где она провела последние месяцы своей супружеской жизни. Так и здесь еще попадались отголоски торгового прошлого Лондона. Над сводчатым окном уцелела надпись: «Чайный склад на Ройял-Серкус».

– Мистер Хиксон, судя по всему, зашибал неплохую деньгу. – Пока они с Робин переходили улицу, Страйк разглядывал роскошный фасад. – В сравнении с Корпорейшн-роу – небо и земля.

Робин позвонила в дверь. В доме послышался выкрик: «Не волнуйся, я открою!» – и через мгновение им отворила дверь невысокая седовласая женщина с круглым бело-розовым лицом, одетая в темно-синий свитер и брюки, которые мать Робин окрестила бы слаксами. Изпод прямой, собственноручно, по догадке Робин, подстриженной челки выглядывали голубые глаза.

– Миссис Хиксон? – заговорила первой Робин.

– Дженис Битти, – представилась пожилая женщина. – Вы, наверное, Робин? А вы, стало быть... – вышедшая на пенсию медсестра окинула голени Страйка оценивающим взглядом профессионала, – Комран, правильно? – Она снова смотрела ему в глаза.

– Так точно, – ответил Страйк. – Спасибо, что согласились нас принять, миссис Битти.

– Сущие пустяки, – заверила она и попятилась, пропуская их в дом. – Айрин вот-вот спустится.

Приподнятые от природы уголки ее рта и ямочки на пухлых щеках излучали жизнерадостность, даже когда она не улыбалась. Гости проследовали за ней по коридору, где Страйк чуть не задохнулся от гнетущей насыщенности декора. Все поверхности – цветочные обои, пушистый ковер, стоявшее на телефонном столике блюдо с ароматическими сухоцветами – захватил сумеречно-розовый цвет. Точное местонахождение Айрин прояснил отдаленный водопад из сливного бачка.

В гостиной – здесь доминировал оливково-зеленый – все, что можно было собрать складками, отделать оборками и бахромой или обить мягкой тканью, было присборено, отделано и обито. На стоящих по периметру консольных столиках и тумбах теснились семейные фотокарточки в серебристых рамках, а из самой массивной смотрели портреты загоревшей до черноты блондинки слегка за сорок, прильнувшей щекой к джентльмену в полном расцвете сил, – Робин заключила, что это ныне покойный мистер Хиксон, который с виду был намного старше своей жены; парочка поднимала коктейльные бокалы, щедро украшенные фруктами и миниатюрными зонтиками. На оливковых с блестками обоях крепились полки красного дерева, специально изготовленные для внушительной коллекции фарфоровых статуэток. Все они изображали юных дев. Одни в кринолинах, другие с зонтиками от солнца, нюхают цветы или укачивают на руках ягненка.

– Ее коллекция, – объяснила с улыбкой Дженис, заметив, куда устремлен взгляд Робин. – Правда, хорошенькие?

– Чудо! – солгала Робин.

Дженис в отсутствие Айрин, похоже, не решалась предложить гостям присесть, поэтому все трое остались стоять рядом со статуэтками.

– Долго сюда добирались?

Но не успели они ответить на заданный из вежливости вопрос, как раздался голос:

– Здравствуйте! Милости просим!

Айрин Хиксон была под стать своей гостиней – такая же без меры расфуфыренная. Все та же блондинка, что и в свои двадцать пять, с годами она сильно погрузнела, а бюст увеличился до невероятных размеров. Черная подводка вокруг глаз под нависшими веками, нарисованные высокой, как у Пьеро, дугой редкие брови, тонкая полоска алых губ. Горчичного цвета жакет, черные брюки, лакированные туфли на высоком каблуке и переизбыток золотых украшений, а тяжеленные клипсы оттягивали и без того обвисшие мочки ушей; она приближалась в тяжелом облаке аромата стойких духов и лака для волос.

– Приятно познакомиться. – Вся сияющая, она подала детективу руку, позвякивая браслетами. – Джен вам уже рассказала? Об утреннем происшествии? Так странно, что это совпало с вашим появлением, очень странно, но я уже сбилась со счета, сколько раз мне пришлось пережить подобное. – Сделав паузу, она трагически произнесла: – Моя Марго разбилась вдребезги. Моя балеринка Марго Фонтейн упала с верхней полки. – Она указала на зияющую между статуэтками брешь. – Разлетелась на тысячу кусочков, когда я всего-то смахнула с нее пыль перьевой метелочкой!

Она помолчала, ожидая от них как минимум удивления.

– Вот уж действительно странно, – откликнулась Робин, отчетливо понимая, что Страйк не проронит ни слова.

– А я что говорю! – продолжала Айрин. – Чай? Кофе? Заказывайте.

– Я приготовлю, дорогая, – отозвалась Дженис.

– Спасибо тебе, душенька. Может, подать и то и другое? – предложила Айрин и грациозным жестом указала Страйку и Робин на кресла. – Располагайтесь, прошу.

Из кресел, куда усадили детективов, через окно, обрамленное гардинами с бахромой, открывался вид на сад со сложным рисунком мощеных тропок и высокими клумбами. Невысокая живая изгородь из самшита и кованые солнечные часы напоминали о Елизаветинской эпохе.

– Ой, для моего Эдди сад был настоящей отдушиной, – объяснила Айрин, заметив их интерес. – Свой сад он просто обожал, упокой Господи его душу. И дом этот обожал. Я потому и не съезжаю отсюда, хотя для меня одной здесь слишком просторно... вы уж простите. Неважно себя чувствую, – добавила она громким шепотом, сосредоточенно опускаясь на диван и аккуратно поправляя вокруг себя подушки. – Джен просто святая.

– Сочувствую, – высказался Страйк, – в смысле, что вам нездоровится, а не что ваша подруга святая.

Айрин зашла таким хохотом, что Робин не сомневалась: сиди Страйк чуть ближе, хозяйка дома кокетливо стукнула бы его кулачком. Намекая всем своим видом, что сказанное Страйку не подлежит огласке, она продолжила:

– Синдром раздраженного кишечника. Период обострения. Обычно просто побаливает. И вот что интересно: ведь меня абсолютно ничто не беспокоило, пока я жила у старшей дочери в Хэмпшире, – кстати, именно поэтому ваше письмо не сразу дошло, – но стоило мне пересечь порог этого дома, и я тут же вызвала Джен – так меня прихватило, а врач мой просто бестолочь. – Она чуть заметно скорчила брезгливую гримаску. – Чего ждать от женщины? Ее послушать, так я сама во всем виновата! Мне, вообразите, было рекомендовано исключить

из рациона все, что скрашивает жизнь... Джен, я как раз говорила, – обратилась она к своей подруге, вернувшейся в комнату с нагруженным чайным подносом, – что ты святая.

– Так-так, приятно будет послушать. Кто ж не любит похвалы, – жизнерадостно сказала Дженис.

Страйк уже было привстал со своего кресла, намереваясь перехватить поднос с чайными и кофейными принадлежностями вместе, но она, как и миссис Гупта, отвергла помощь и поставила поднос на мягкий пуфик. На салфетке лежали шоколадные печенье, некоторые в фольге; из сахарницы торчали щипцы; тончайший костяной фарфор с цветочным рисунком словно глазил: «Для избранных». Подсев к своей подруге на диван, Дженис принялась разливать обжигающие напитки и первую чашку подала Айрин.

– Попробуйте печенье, – предложила Айрин гостям, а затем, с вождением глядя на Страйка, добавила: – Итак, знаменитый Камерон Страйк! У меня чуть инфаркт не случился, когда я увидела в письме вашу подпись. Неужели вы задумали вывести на чистую воду Крида? Думаете, он пойдет на контакт? Разрешат ли вам свидание?

– Мы еще только в начале расследования. – Улыбнувшись, Страйк достал блокнот и снял с ручки колпачок. – Хотели бы задать вам несколько вопросов, главным образом о событиях прошлого, на которые вы сообща...

– О, мы на все готовы, лишь бы вам помочь, – ретиво зачастила Айрин. – Спрашивайте все, что угодно.

– Мы ознакомились с вашими показаниями, – начал Страйк, – так что если у вас нет...

– О боже, – перебила его Айрин, фальшиво изобразив испуг. – Значит, вы в курсе, какой я была негодницей? И про дантиста читали, да? Впрочем, и сейчас молоденькие девушки пускаются на всяческие уловки, лишь бы урвать для себя хоть пару часиков, но мне просто повезло, что я выбрала тот день, когда Марго... извините, глупый мой язык, – спохватилась Айрин. – Так и притягиваю к себе неприятности. – Она слегка улыбнулась. – «Не волнуйся, девочка», – говаривал Эдди, помнишь, Джен? – продолжала она, похлопывая подругу по руке. – Вот и сейчас сказал бы: «Не волнуйся, девочка», да?

– Обязательно, – подтвердила Дженис, улыбаясь и кивая.

– Я, собственно, о том, – продолжал Страйк, – что любые воспоминания каждой из вас...

– Вот только не подумайте, что мы над этим не размышляли, – снова перебила его Айрин. – Сумей мы хоть что-нибудь вспомнить – стрелой помчались бы в полицию, правда, Джен?

– ...помогли бы нам прояснить некоторые моменты. Миссис Битти... – Страйк перевел взгляд на Дженис, которая рассеянно поглаживала свое единственное украшение: обручальное кольцо. – Читая полицейские протоколы, я поразился, сколько раз инспектор Тэлбот...

– И я так же, Камерон, и я так же, – пылко зачастила Айрин, не дав Дженис вступить в разговор. – Мы с вами одинаково мыслим! Уверена, вы хотите спросить: почему он так вцепился в Джен? Я ей тогда говорила... Говорила ведь, Джен?... Это просто уму непостижимо, надо было пожаловаться его начальству, но ты махнула рукой, верно? Нет, понятно, что у него не выдерживали нервы и все такое прочее, уж вам-то, – она кивнула в сторону Страйка, выражая одновременно пиетет и готовность по первому требованию ввести его в курс дела, – наверняка многое известно, но согласитесь: мужчина больной – мужчина шальной, правда ведь?

– Миссис Битти, – повторил Страйк чуть громче, – как лично вы считаете: почему Тэлбот продолжал допросы?

Айрин, верно истолковав намек, наконец позволила Дженис открыть рот, но проявить выдержку хозяйке дома толком не удалось: стоило Дженис разговориться, как Айрин начала фоном что-то бормотать, повторяя за Дженис, поддакивая и выделяя голосом отдельные слова, словно боялась, как бы Страйк не забыл о ее существовании, если она вдруг умолкнет.

– Честно сказать, не знаю, что и думать, – ответила Дженис, все еще теребя обручальное кольцо. – Поначалу-то, на первых порах, вопросы были самые что ни на есть обыкновенные...

– Сначала – да, – соглашаясь, закивала Айрин.

– ...про то, чем я, значит, в тот день занималась, да что за больные приходили к Марго на прием, я ведь многих знавала...

– У себя в амбулатории мы каждого знали, – подпевала Айрин.

– ...но потом он вроде как разглядел у меня эти... как их... сверхъестественные способности. Это ж надо такое придумать, да только навряд ли... право, не знаю...

– Зато я знаю. – Айрин со значением посмотрела на Страйка.

– ...нет, по правде, навряд ли он... ну как бы это сказать... – смущенно забормотала Дженис, – хотел за мной приударить, что ли. Хотя вопросы стал задавать все больше сомнительные, и тут уж я четко поняла, что он... ну как бы... с головой не дружит. Положение у него было – не позавидуешь, если честно. – Дженис перевела взгляд на Робин. – А я ведь и рассказать никому не могла. Полицейский все ж таки, не кто-нибудь! Вот я и терпела, покуда он допытывался про мои сновидения. А вскоре ни о чем другом и не спрашивал, кроме как о моих парнях и вообще; а про Марго, про больных ее и думать забыл...

– Но один пациент все-таки не давал ему покоя, верно? – подсказала Робин.

– Дакворт! – взволнованно пискнула Айрин.

– Даутвейт, – поправил ее Страйк.

– Во-во, он самый, Даутвейт. – Осознав неловкость своего положения, Айрин переключилась на печенье, а это означало, что у Дженис появилась пара минут для непрерывного разговора.

– Да, про Стива-то он расспрашивал, было дело, – кивнула Дженис, – так это потому, что жили мы в одном доме на Персиваль-стрит.

– Вы хорошо знали Даутвейта? – поинтересовалась Робин.

– Какое там! На самом-то деле я слыхом про него не слыхивала, покуда его не отмутузили. Возвращаюсь я, значит, с работы, причем довольно поздно, и вижу у своей квартиры какое-то столпотворение, ну и этот там. Люди-то знают, что я медсестрой работаю... а я, между прочим, одной рукой держу под мышкой сыночка моего, Кевина, а в другой у меня – пакеты с продуктами... но отколошматили Стива по первое число, так что деваться мне было некуда. Вызвать полицию он, видите ли, не давал, а досталось ему будьте-нате, могли быть повреждения внутренних органов. Отлупили битой. Ревнивый муж...

– У которого явно ум за разум зашел, понимаете? – опять перебила Айрин, – ведь Даутвейт был геем! – Она громко рассмеялась. – С той женщиной, с чужой женой, его связывали исключительно дружеские отношения, но если тебя гложет ревность...

– Ну уж не знаю, гей он был или кто... – хотела продолжить Дженис, но Айрин уже не могла остановиться.

– ...мужчина ты или женщина... тебе бы только козла отпущения найти! Вот и у Эдди у моего в том же ключе мозги работали... Согласись, Джен, ведь так? – Она снова похлопала Дженис по руке. – В том же ключе, правда? Как-то я ему заявила: «Эдди, по-твоему, я и посмотреть в сторону мужика не могу, будь он хоть голубой, хоть синий...» Но после твоих рассказов, Джен, я все же подумала: «А ведь Дакворт этот... Даутсвет... как там его... и впрямь странно-ват». А уж когда он на прием явился, у меня и сомнений не осталось. Симпатичный, конечно, но весь какой-то мягкотелый.

– Как на духу, Айрин, я его, считай, не знала, гей он или кто...

– А ведь он к тебе захаживал, – поддела ее Айрин. – Ты же сама мне рассказывала. Чаевичал у тебя, плакался в жилетку, ты ему сочувствовала.

– Да, заходил разок-другой, – согласилась Дженис. – Сперва мы только на лестнице здоровались, ну, слово за слово, а однажды он мне покупки до квартиры донес и зашел на чашку чая.

– Но он же спрашивал у тебя совета... – напомнила Айрин.

– К этому я и веду, милая. – Дженис проявляла, как показалось Страйку, чудеса выдержки. – Он жаловался на головные боли, – она снова обратилась к Страйку и Робин, – ну я и отправила его к врачу, не мне ж ему диагнозы ставить. Жаль его было, конечно, но не хватало еще, чтоб он ко мне шастал со своими болячками в мое нерабочее время. У меня Кевин был на руках – забот полон рот.

– То есть вы полагаете, что Даутвейт обращался к Марго именно в связи с лечением? – спросила Робин. – А он не пытался за ней ухаживать?

– Прислал ей как-то коробку шоколада, было дело, – вставила Айрин, – но, если хотите знать мое мнение, к ней он ходил поплакаться.

– Ну, мигрени-то у него были сильные, да и нервы сдавали. Может, депрессия, – предположила Дженис. – И ведь только ленивый его не пнул, когда та молодка наложила на себя руки... ну, не знаю... соседи болтали, что молодые парни к нему заходят...

– Ну вот пожалуйста! – торжествующе воскликнула Айрин. – Махровый гей!

– Да не обязательно, – засомневалась Дженис. – Может, просто знакомцы или шушера какая... кто наркотой приторговывал, кто тырил, что плохо лежит... но одно я точно знаю, люди зря не скажут: муженек ту молодку несчастную ой как поколачивал... Страшная трагедия, конечно. А когда журналисты, значит, повесили всех собак на Стива, он и смотался незнамо куда. Постельные сюжеты – куда как более ходкий товар, чем домашнее насилие, правда же? Если отыщете Стива, – добавила она, – передавайте ему от меня привет. Зря газетчики на него накинлись.

Страйк приучил Робин организовывать беседу по темам: люди, места, предметы. Сейчас она обратилась к обеим женщинам сразу:

– Какие еще пациенты запомнились вам своим неадекватным поведением, а может, особыми отношениями с Мар...

– Был один такой, – ответила Айрин, – вспоминай, Джен, этот, с бородой по пояс... – Ребром ладони она провела по талии. – Ну помнишь? Как там его звали? Эптон? Эплторп? Да ты помнишь, Джен. Конечно помнишь: от него еще бомжом несло, а тебя как-то направили проверить его жилищные условия. Он еще под окнами амбулатории околачивался, а жил вроде на Кларкенуэлл-роуд. Иногда ребенка с собой таскал. Забавный такой ребенок. Лопухий.

– Ах эти, – отозвалась Дженис, расслабляя насупленные брови. – За Марго они не числились...

– Потом он еще приставал к прохожим на улице: рассказывал, что прикончил Марго! – Айрин разволновалась. – Да-да! Так оно и было! Как-то подловил Дороти! Та идти в полицию, конечно, не собиралась, только отмахивалась: мол, все это «бред сивой кобылы», «он просто чокнутый», но я ей говорю: «А если это и впрямь его рук дело, а ты, Дороти, преступника покрываешь?» Теперь-то понятно, что Эплторп был не в себе. Девуцу взаперти держал...

– Никого он взаперти не держал, Айрин, – перебила подругу Дженис, впервые выказав легкое раздражение. – Органы опеки выяснили, что у девочки подтвержденная агорафобия, но ее никто не ограничивал в передвижениях...

– И все равно она была со странностями, – упрямылась Айрин. – Я же от тебя это знаю. Изъять нужно было их ребенка, вот что я думаю. В квартире, ты сама говорила, гадюшник развели...

– Нельзя забрать детей из семьи только потому, что в доме стерильности нет, – твердо ответила Дженис и снова повернулась к Страйку и Робин. – Да, к Эплторпам я заходила, всего один-единственный раз, но мне кажется, с Марго никто из них не знался. Понимаете, тогда по-

другому дело было поставлено: у каждого врача был свой участок, и Эпплторпы числились за Бреннером. По его указке я и пошла к ним – ребенка осмотреть.

– Вы помните их адрес? Или хотя бы улицу?

– Господи... – Дженис наморщила брови. – Кажется, где-то на Кларкенуэлл-роуд. Вроде бы. Понимаете, я только один раз там была. Ребенок у них захворал, вот доктор Бреннер, значит, и отправил меня с проверкой, потому как сам он под любым предлогом отлынивал от вызовов на дом. Собственно, ребенок уже шел на поправку, но одно я сразу заметила: папаша был...

– Чокнутый... – встряла опять Айрин, энергично кивая.

– ...на нервах, дерганый какой-то, – договорила Дженис. – На столе в кухне, где я руки мыла, открыто валялась упаковка бензедрина. Я предупредила родителей: мол, коль скоро ребенок уже ходит, следует хранить препарат в недоступном месте...

– А ребенок и в самом деле был презабавный, – вставила Айрин.

– Вернулась я с вызова и докладываю: «Доктор Бреннер, там папаша злоупотребляет бензедрином». О том, что бензедрин вызывает самую настоящую зависимость, мы знали уже тогда, в семьдесят четвертом. Бреннер, конечно, решил, что я вконец обнаглела, раз позволяю себе вмешиваться. Но мне все равно было беспокойно, поэтому без ведома Бреннера я обратилась в органы опеки, и они откликнулись. Эта семейка уже на учете состояла.

– Но мамаша... – вклинилась Айрин.

– У каждого свое счастье, Айрин, и ты никому в этих делах не указ! – отрезала Дженис. – Ребенка она любила, хотя отец... и впрямь не от мира сего был, горемыка, – неохотно уступила Дженис. – Мнил себя кем-то... не знаю даже, как назвать... гуру или колдуном. Думал, что может сглазить кого угодно. Сам мне признался во время моего посещения. С какой только дикостью не приходится сталкиваться медсестрам. Я на автомате отвечала: «Надо же, как интересно». Таких бесполезно разубеждать. Но Эпплторп считал, что умеет наводить порчу – в ту пору так говорили. Без конца сетовал, что на ребенка озлобился, вот тот и подцепил краснуху. Рассказывал, что может на кого угодно навлечь беду. Да только сам и помер, горемыка. Через год, как Марго пропала.

– Неужели? – В голосе Айрин послышалось легкое разочарование.

– Представь себе. После твоего отъезда дело было – ты как раз за Эдди вышла. А этого, помнится, на рассвете дворники нашли... лежал скорчившись, бездыханный уже, под мостом Уолтер-стрит. Сердечный приступ. Прихватило, а рядом никого. Причем не сказать чтобы старик был. После того случая доктор Бреннер слегка задержался.

– С чего бы? – поинтересовался Страйк.

– Да ведь это с его назначений человек на «бенни» подсел.

Робин недоумевала, отчего на лице Страйка проскользнула улыбка.

– Если б только Эпплторп, – продолжала Дженис, которую, казалось, не обескуражила реакция Страйка, – а была ведь еще...

– Ой, кто только не божился, что слышал нечто или подозревал и все такое, – зачастила Айрин, вытаращив глаза, – а мы, между прочим... ну вы понимаете... непосредственно соприкоснулись, вот ужас-то... ох, простите... – Она схватилась за живот. – Мне срочно... это... пардон.

Айрин поспешно удалилась из комнаты. Дженис проводила ее взглядом, однако ее неизменно улыбочное лицо не позволяло определить, встревожил ее этот казус или скорее позабавил.

– Сейчас отпустит, – негромко заверила она Страйка и Робин. – Сколько раз ей говорила: не зря же, наверно, врач тебе запрещает острое, так нет: вчера вечером потянуло ее на карри... одинокая она совсем. Вот и звонит мне, чтоб я приехала. А вчера я тут заночевала. Эдди-то уж

год как скончался. Под девяносто старичку было, царствие ему небесное. В Айрин и дочурках души не чаял. Она по сей день не оправилась.

– Вы начали говорить, что кто-то еще заявлял, будто знает, что случилось с Марго? – аккуратно напомнил ей Страйк.

– Что-что? Ах да... Чарли Рэмидж. Сауны, джакузи продавал – такой у него бизнес был, причем денежный. Казалось бы, при деле человек, но нет, ему лишь бы байки сочинять... не перестаю удивляться.

– И что он рассказывал? – поинтересовалась Робин.

– Понимаете, у Чарли было хобби – мотоциклы. Целую коллекцию собрал, разъезжал по стране. А однажды в аварию попал и валялся дома с загипсованными ногами, поэтому я два-три раза в неделю его на дому посещала... После исчезновения Марго прошло, значит, добрых два года. А Чарли-то любил языком трепать и вдруг как гром среди ясного неба клянется, что столкнулся с Марго в Лемингтон-Спа где-то через неделю после ее исчезновения. Но вы же понимаете, – Дженис покачала головой, – всерьез такие вещи принимать нельзя. Человек-то он неплохой, но язык, право слово, без костей.

– Что конкретно он вам сообщил? – спросила Робин.

– Что отправился, значит, погонять на байке в северную сторону и сделал остановку возле большой церкви в Лемингтон-Спа; пока он, прислонившись к стене, запивал чаем свой бутерброд, по кладбищу за оградой бродила женщина. Не в трауре была, ничего такого, – просто гуляла. Волосы черные. Ну, он ее и окликнул: «Красиво тут, правда?», и когда она к нему обернулась... он мне голову давал на отсечение, что это была Марго Бамборо, только перекрашенная в брюнетку. Он такой: лицо мне ваше, дескать, знакомо, а она помрачнела – и увялась.

– И он утверждал, что это произошло через неделю после ее исчезновения? – уточнила Робин.

– Ну да. А узнал он ее по фотографиям в газетах. Я его и спрашиваю: «Вы сообщили об этом в полицию?» И он ответил, что да, и еще добавил, что в полиции у него есть дружбан, причем не последний, так сказать, человек. Но дело после этого никак не сдвинулось с мертвой точки, так что сами понимаете...

– Выходит, об этом случае Рэмидж вам рассказал только в семьдесят шестом? – Страйк сделал пометку в блокноте.

– Да, получается так. – Дженис сдвинула брови, напрягая память; между тем в гостиную вернулась Айрин. – В том же году Крида взяли. Тогда все и всколыхнулось. О ходе судебного процесса Рэмидж узнавал из газет, а потом как-то мне и говорит, причем с таким самомнением: «Сдается мне, этот хлыщ никакого вреда Марго Бамборо не причинил, ведь я видел ее после исчезновения».

– Вам известно, что могло связывать Марго с городком Лемингтон-Спа? – спросила Робин.

– О чем это? – резко вклинилась Айрин.

– Не бери в голову, – сказала ей Дженис. – Дурацкая история, один пациент рассказал. Про крашеную Марго на кладбище. Да ты знаешь.

– В Лемингтон-Спа? – На лице Айрин отразилось неудовольствие. По мнению Робин, хозяйка дома возмутилась, что за время ее вынужденной отлучки Дженис оказалась в центре внимания. – Ты никогда мне об этом не рассказывала. Интересно почему?

– Так ведь это когда было... еще в семьдесят шестом. – Дженис несколько стушевалась перед таким напором. – У тебя только-только Шерон родилась. До того ли тебе было, чтобы рассказы Чарли Рэмиджа слушать?

Насупившись, Айрин взяла себе печенье.

– Давайте теперь поговорим о вашей работе в амбулатории, – прервал тишину Страйк. – Что вы можете сказать о Марго – каково было...

– ... работать под ее началом? – громогласно подхватила Айрин, явно желая вновь завладеть вниманием Страйка. – Ну, положи руку на сердце... – она по-эпикурейски выдержала паузу, смакуя грядущее удовольствие, – если говорить начистоту, слишком высоко себя ставила. И как тебе жить, подскажет, и как вести картотеку, и как чай заваривать, и все на свете...

– Ну, Айрин, не такая уж она плохая была, – пробормотала Дженис. – По мне, так...

– Да хватит, Джен, – надменно отрезала Айрин. – И дома у себя заносилась, и нас всех считала тупым стадом. Ну, может, всех, кроме тебя. – Айрин закатила глаза, увидев, что ее подруга покачала головой. – Но меня она точно ни в грош не ставила. За полоумную держала. Я доброго слова от нее не слышала. Но зла ей не желала! – спохватилась Айрин. – Тут другое. Она такой придирой была. С таки-и-им самомнением. Дескать, мы рядом с ней такие-сякие, забыли, из какой халупы, так сказать, вылезли.

– А вам как с ней работалось? – Робин обратилась напрямую к Дженис.

– Ну... – начала было та, но Айрин снова ее перебила:

– Гордячка была. Ну подтверди, Джен. Захомутила какого-то врача-консультанта с деньгами – а это уже не убогая халупа, это, на минуточку, дом в Хэме! Тут-то у нас глаза и открылись, а то ведь придет на работу – и имеет наглость нам втирать про важность независимой жизни: мол, замужество – это не главное, нужно делать карьеру, зарабатывать и все такое прочее. И всегда находила, к чему придраться.

– В чем, например, это...

– И по телефону ты отвечаешь не так, и с больными общаешься неправильно, и даже одеваться не умеешь... «Айрин, я считаю, эта майка совершенно не подходит для работы». А сама-то полуголой расхаживала, зайчиха пасхальная! Вот ведь лицемерка! Но повторяю, зла ей не желала, – настаивала Айрин. – Ну, правда, просто хочу дать вам полное представление... а еще она никогда не доверяла нам заваривать ей чай-кофе, правда, Джен? Хотя другие доктора не считали, что нам не по уму чайный пакетик в кружку бросить.

– Да не поэтому... – хотела вставить словечко Дженис.

– Ладно тебе, Джен, ты же помнишь, какая привереда была...

– А почему она не доверяла другим заваривать ей чай-кофе? – спросил Страйк у Дженис; Робин заметила, что общение с Айрин его изматывает.

– Однажды, перед тем как ополоснуть посуду, – отвечала Дженис, – я вытряхнула пакетик из кружки доктора Бреннера и обнаружила...

– ... атомальную таблетку, правильно? – Айрин решила проявить осведомленность.

– ... амитальную капсулу, прилипшую ко дну. Что это такое, мы еще в колледже проходили...

– Голубенькая такая, – не удержалась Айрин, – верно?

– «Голубое небо» – так раньше на сленге говорили, – пояснила Дженис. – Депрессант. У меня ведь как заведено было – кстати, все об этом знали: чтобы во время посещения амбулаторных больных на дому ничего похожего в моей аптечке не лежало. Вдруг ограбят – все надо предусмотреть.

– Как вы поняли, что это была кружка доктора Бреннера? – спросил Страйк.

– Он только из своей пил – с университетским гербом, – ответила Дженис. – Не дай бог кому другому ее взять – ни-ни. – На мгновение она заерзала. – Не знаю, в курсе вы или... коль скоро с доктором Гуптой успели побеседовать...

– Да, мы в курсе, что доктор Бреннер сидел на барбитуратах, – подтвердил Страйк, и Дженис облегченно вздохнула:

– Понятно... Ну дак вот, я-то знала, что он сам туда ее уронил, случайно, когда свою дозу из флакона доставал. Наверное, не заметил или подумал, что закатилась куда-нибудь. А представляете, сколько шуму будет, если у доктора в чае наркотик обнаружится! От такой случайности потом не отмажешься.

– Какой вред способна причинить одна капсула? – вступила Робин.

– Да никакого, – авторитетно высказалась Айрин, – правда, Джен?

– Действительно, одна капсула даже на дозу не тянет, – ответила Дженис. – Чуток начнет в сон клонить, максимум. Так вот, когда я пыталась чайной ложкой подцепить со дна кружки эту капсулу, через другую дверь вошла Марго, тоже чай заварить. У нас и раковина, и чайник, и холодильник – все было возле сестринской. Она заметила, как я с капсулой копошусь. Так что привередливости особой она не проявляла. Просто бдительность. Я тоже лишний раз старалась перепроверить, что пью из своей кружки.

– Вы поделились с Марго своими предположениями: как пилюля могла попасть в чай? – спросила Робин.

– Нет, не стала, – ответила Дженис, – потому как доктор Гупта просил меня не распространяться насчет проблем Бреннера, так что я тогда сказала: «По недосмотру, видимо», к тому же в строгом смысле так оно и было. Я уже настроилась, что Марго проведет внеочередное собрание, организует служебную проверку...

– А почему она этого не сделала – моя версия на сей счет тебе известна, – вклинилась Айрин.

– Айрин! – Дженис покачала головой. – Ну честное слово...

– Моя версия такова, – продолжала хозяйка дома, не обращая внимания на Дженис. – Марго считала, что таблетку Бреннеру подбросили, и если вы спросите меня, кто именно...

– Айрин! – повторила Дженис, явно призывая к сдержанности, но Айрин было уже не остановить.

– ...то я вам скажу: это Глория. Оторва жуткая, из криминальной среды. Нет, Джен, я молчать не буду. Очевидно же, что Камерона интересует все происходившее у нас в амбулатории...

– Как, каким образом Глория могла что-то подбросить Бреннеру в чай... и прошу заметить, – обратилась Дженис к Страйку и Робин, – у меня другое мнение...

– Мы с ней изо дня в день за одной стойкой работали, Джен. – Айрин перешла на высокомерный тон. – Уж мне-то лучше знать, какой она была...

– ...но даже если допустить, что она подбросила пилюлю ему в чай, скажи, Айрин: какое отношение это имеет к исчезновению Марго?

– Откуда я знаю! – Айрин, казалось, начала злиться. – Но их интересует, кто у нас работал и что вообще творилось, это так? – потребовала она ответа у Страйка, и тот согласно кивнул. В сторону Дженис она бросила: «Ясно тебе?» – и продолжила: – Итак, Глория выросла в очень неблагополучной семье, среди мафиози...

Дженис попыталась возразить, но Айрин снова оказалась быстрее:

– Уж поверь мне, Джен! Один из ее братьев приторговывал наркотиками – она сама как-то сболтнула! Так что совсем не факт, что эта атомальная капсула выпала из запасов Бреннера! Глория могла раздобыть ее через своего братца. И Бреннера она терпеть не могла. Было за что, конечно, – жалкий старикашка и вообще придурок, вечно до нас докапывался. Как-то говорит она мне: «А прикинь, жить с таким. Будь я сестрой этого старого козла, давно подмешала бы ему в харчи какой-нибудь отравы», и оказалось, что Марго все слышала, а потом устроила разнос, мол, в присутствии пациентов, находившихся в регистратуре, подобные высказывания в адрес кого-либо из врачей недопустимы и в высшей степени непрофессиональны. Во всяком случае, я решила, что коль скоро Марго не стала разбираться с таблеткой в кружке Бреннера, то она знает, чьих это рук дело. Меньше всего ей хотелось подставлять свою собачонку. Глория ведь была ее протеже. Половину рабочего времени просиживала в кабинете Марго, выслушивая проповеди о феминизме, а я оставалась держать оборону в регистратуре... и уж Марго бы постаралась, чтобы Глории все сошло с рук, даже убийство. Полная слепота.

– Кто-нибудь из вас знает, где сейчас Глория? – спросил Страйк.

– Понятия не имею. Она уехала почти сразу после исчезновения Марго, – ответила Айрин.

– После того как она уволилась, я ее не встречала, – сказала Дженис, которой явно претил этот разговор, – но я думаю, нам с тобой, Айрин, нечего разбрасываться обвинениями...

– Будь добра, – бросила Айрин своей подруге, схватившись за живот, – принеси мне лекарство, оно лежит в холодильнике на верхней полке. Нехорошо мне. Может, еще кофе или чаю? Джен все равно на кухню идет.

Дженис безропотно встала, собрала пустые чашки, загрузила их на поднос и побрела в кухню. Робин, подскочив, придержала ей дверь, а Дженис в ответ чуть натянула уголки рта. Слыша, как удаляются шаги Дженис по устланному толстым ковром коридору, Айрин без тени улыбки сказала:

– Бедняжка Джен. Ох и потрепала ее жизнь. А детство и вовсе как с Диккенса писано. Когда Битти ее бросил, мы с Эдди, бывало, и денюжат ей подкидывали. Она хоть и представляется его фамилией, но ведь он так на ней и не женился, – продолжала Айрин. – Кошмар, правда? И ребеночек у них был. Хотя, мне кажется, настоящая семейная жизнь его никогда не привлекала, оттого и ушел. Я про Ларри... звезд с неба он, конечно, не хватал... – Айрин коротко рассмеялась, – но Дженис чуть ли не боготворил. Я думаю, она сперва надеялась встретить кого-то получше... кстати, Ларри работал у Эдди, не в дирекции, понятное дело, а на стройке... но в конце концов, по-моему, поняла... ну, что не каждый готов чужого ребенка поднимать...

– Можете рассказать о тех письмах с угрозами в адрес Марго, которые вы видели, миссис Хиксон?

– Ой, конечно. – Айрин заметно оживилась. – Значит, вы мне верите? А в полиции даже слушать не стали.

– В своих показаниях вы отметили, что писем было два, это так?

– Совершенно верно. Что касается первого – в мои обязанности не входило вскрывать почту, но Дороти взяла отгул, а доктор Бреннер поручил мне разобрать корреспонденцию. Дороти, кстати, никогда с работы не отпрашивалась. Но тут сыночку ее гланды удалили. Маленькому избалованному... не хочу бранных слов произносить. Это был единственный случай, когда я ее видела расстроенной: она мне сказала, что наутро повезет его в больницу. Обычно стойко держалась, но, как вы понимаете, она вдовой жила, и, кроме сына, никого у нее не было.

В гостиную вернулась Дженис со свежесваренным чаем и кофе. Робин вызвалась помочь, перехватив с подноса тяжелый чайник и кофейник. Улыбнувшись, Дженис чуть слышно произнесла «спасибо», чтобы не перебивать Айрин.

– Что говорилось в записке? – поинтересовался Страйк.

– Ой, давно это было, – отвечала Айрин. Чуть дернув уголками рта, но не озвучив благодарности, она приняла из рук Дженис упаковку желудочных таблеток. – Но из того, что я помню... – Она выдавила две таблетки на ладонь. – Дайте-ка припомнить, не хочу ошибиться... очень грубо было написано. Помню, что Марго там обзывали словом на букву «п». А еще – что таких, как она, ждет адский огонь.

– Текст был отпечатан на машинке? Или написан печатными буквами?

– Написан от руки, без затей. – Айрин запила две таблетки глотком чая.

– А второе письмо? – поинтересовался Страйк.

– Не знаю, что в нем говорилось. Я зашла к ней в кабинет – хотела что-то сообщить – и заметила его на столе. Почерк сразу узнала. Ей это явно не понравилось. Письмо скомкала и в мусорку швырнула.

Дженис раздала новые чашки с чаем и кофе. Айрин взяла себе еще одно печенье.

– Далеко не уверен, что вы располагаете этой информацией, – сказал Страйк, – но все же хочу спросить: вас когда-нибудь посещала мысль, что Марго забеременела, причем как раз перед...

– А вы откуда знаете? – обомлела Айрин.

– То есть вы подтверждаете? – переспросила Робин.

– Да! – ответила Айрин. – Видите ли... Джен, умоляю, не смотри на меня так... Когда она была на вызове, на ее рабочий номер позвонили из частной гинекологии! Хотели, чтобы она подтвердила назначенную ей на завтра запись... – и Айрин проговорила одними губами, – на аборт!

– То есть вам, – уточнила Робин, – открытым текстом назвали запланированную процедуру?

На какое-то мгновение Айрин даже растерялась.

– Они... ну, не совсем... я на самом деле... гордиться тут нечем... но я туда перезвонила. Просто любопытно стало. По молодости лет каких только дров не наломаешь, правда ведь?

Робин надеялась, что ее ответная улыбка получится более искренней, чем у Айрин.

– Не могли бы вы, миссис Хиксон, припомнить, когда это было? – спросил Страйк.

– Незадолго до исчезновения. За месяц вроде? Или около того.

– До или после анонимных записок?

– Точно не... кажется, после, – отвечала Айрин. – Или до? Не помню.

– Вы кому-нибудь сообщили о той записи на процедуру?

– Только Джен, и она устроила мне выволочку. Было такое, Джен?

– Я же знаю, ты без злого умысла, – пробормотала Дженис, – но врачебную тайну никто не отменял...

– А Марго не была нашей пациенткой. Это совсем другое дело.

– И в полиции вы об этом не упоминали? – спросил ее Страйк.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.